Полный текст книги “Новый экзистенциализм Колина Уилсона”

Смотрите другие форматы

То

С тех пор как в 1956 году был опубликован “Аутсайдер”, Колин Уилсон работал над воплощением идей, изложенных в этой замечательной книге.

Настоящий том, впервые опубликованный в 1966 году, был шестым в том, что автор называет ” циклом аутсайдеров”, и, возможно, самым важным.

“Новый экзистенциализм” давно вышел из печати (ранее назывался “Введение в новый Экзистенциализм) рассматривает идеи таких мыслителей, как Гуссерль и Витгенштейн, и показывает , как они соотносятся с “классическим” экзистенциализмом (свобода через самореализацию в определенном смысле меньший мир) Хайдеггера, Кьеркегора и Сартра. “Новый экзистенциализм” Уилсона - это попытка показать, как недавние достижения в понимании сознания, “пиковых переживаний”, эстетических и мистических, а также языка могут вернуть осмысленность и предоставить человеку двадцатого и двадцать первого веков актуальную и приносящую удовлетворение философию.

Мы рады представить столь важную книгу новому поколению читателей.

новый ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

Колин Уилсон

УАЙЛДВУД-ХАУС, ЛОНДОН

Впервые опубликовано в Великобритании как введение в Новый экзистенциализм Хатчинсона и компании в 1966 году

Переиздан в Великобритании компанией Wildwood House Ltd. в 1980 году

Wildwood House Limited Юбилейный дом Чапел-роуд

Хаунслоу, Мидлсекс, Англия, TW3 1TX

Авторское право © Колин Уилсон, 1966

ISBN 0 7045 0415 4

Напечатано и переплетено в США компанией Whitehall Co., Уилинг, Иллинойс

C

подтверждения

Выражаем благодарность авторам и издателям следующих книг за разрешение на воспроизведение материалов, защищенных авторским правом:

Ж. П. Сартр — Слова (Hamish Hamilton Ltd.)

Ж. П. Сартр— Ситуации (Hamish Hamilton Ltd.)

Бертран Рассел — “Мое философское развитие” (Джордж) Allen & Unwin Ltd.

Артур Кестлер — “Невидимое письмо” (Коллинз). Перепечатано с разрешения A. D. Peters & Co.

У. Грей Уолтер — Живой мозг (Gerald Duckworth & Co. Ltd.)

Посвящается Морису Крэнстону

Больной

Предисловие к этому изданию

Когда я впервые приехал в Лондон в 1951 году, в возрасте 19 лет, экзистенциализм только что пересек ла-манш с континента. Немногие это понимали — британцы по натуре не отличаются интеллектуальностью, — но все равно можно было услышать , как бородатые мужчины в вельветовых брюках обсуждают это в ночных кофейнях . Что , по—видимому, привлекало, так это не столько бунт против идеализма 19—го века, сколько грубая драматургия его разговоров о “тошноте”, абсурде, кораблекрушении и “прыжке веры’. (Именно это заставило Гвидо Руджеро презрительно сказать: ‘Экзистенциализм рассматривает жизнь в манере триллера’.) Все это казалось мне головокружительным , потому что до этого времени на мое собственное мышление больше всего влияли Бернард Шоу и Т. С. Элиот. Но меня беспокоило лежащее в его основе предположение о том, что человеческое существование бесполезно и бессмысленно, и лучшее, что мы можем сделать, - это придать ему некий произвольный смысл с помощью акта выбора. Я полагаю , что моей собственной отправной точкой был определенный мистицизм — внезапное чувство огромного восторга от природы, которое выражается словами уорт говорит об этом во вступлении, или о чем говорит Г. К. Честертон < все это похоже на ‘абсурдно хорошие новости’. Итак, пока я находил Сартра, Камю и Хайдеггер были захватывающими, и я просто почувствовал, что мне не хватает целого измерения.

В 1956 году моя первая книга “Посторонний” поставила меня в положение того, кого один критик назвал “нашим единственным доморощенным экзистенциалистом”. Но там, где дело касалось серьезных критиков, первоначальный интерес к его идеям быстро сменился неприязнью. Я не одобрял шумиху вокруг “разгневанных молодых людей”, с которыми было связано мое имя. К началу 1957 года, Я сомневаюсь, что хоть один из них согласился бы с тем, что в книге содержатся какие-то новые идеи. Моя вторая книга, “Религия и бунтарь” (которая в Японии по праву называется

“Посторонний”, часть вторая), с которым быстро расправились. Я был крайне раздражен — “озлоблен” было бы слишком сильным словом — полной невозможностью серьезного обсуждения идей в Англии или Америке и завидовал Сартру и Хайдеггеру за то, что они родились в европейской интеллектуальной традиции. Но я настаивал — в основном потому, что мне больше нечего было делать; идеи были центром моей жизни. Я продолжал работать над проблемой “гипотезы тщетности” в экзистенциализме и пытался найти выход, который не включал бы в себя ни “прыжок веры”, ни капитуляцию Сартра перед грубой драмой марксизма. Глава под названием “Теория символической реакции” в книге “Происхождение сексуального влечения” была, пожалуй, моим самым важным шагом вперед за десятилетие, последовавшее за “Посторонним”, и через десять лет после того, как “Посторонний” был написан, за пределами Аутсайдер завершил структуру того, что мне нравилось называть своим “оптимистическим экзистенциализмом”. Но никто не обратил на это особого внимания. Я решил, что, возможно, было бы несколько преувеличением ожидать от моих читателей прочтения шести томов моей “Истории аутсайдеров “, и что я попытаюсь изложить ее суть в одном коротком томе. Результатом стало введение в новую Экзистенциализм” (1966), возможно, лучшее и ясное изложение моих основных идей.

Если другие были проигнорированы, то на это даже не обратили внимания — во всяком случае, в Англии. Но благодаря глубокому и сочувственному отзыву Граттана Фрейера из Дублина я понял, что не зря потратил время.

Книга быстро разошлась тиражом. Десять лет спустя мне было труднее всего достать эту книгу, а цены на подержанные книги взлетели до небес - в конце семидесятых я платил по 10 фунтов за экземпляр . Поэтому, когда издательство “Уайлдвуд Хаус” предложило переиздать одну из моих книг, у меня не было сомнений, какую именно. Если я и внес какой—то вклад в экзистенциализм - или, если уж на то пошло, в мысль двадцатого века в целом, то вот он. Я готов выстоять или пасть из-за этого.

Колин Уилсон

1980

предисловие

Цель этой книги описана в ее названии. Философия, которая в настоящее время известна как экзистенциализм, ассоциируется в основном с именами Кьеркегора, Хэя деггера и Сартра. В основе своей она пессимистична - даже нигилистична — и, похоже, ее развитие достигло предела. За более чем двадцать пять лет не было внесено ни одного нового вклада; Ненаучные взгляды Кьеркегора Постскриптум: “Бытие и время” Хайдеггера и “Бытие и ничто” Сартра остаются стандартными работами, которые никто не отменял. Экзистенциализм зашел в тупик.

В шести томах моей книги “Последовательность событий со стороны”1 я попытался обрисовать “новый экзистенциализм”, который будет обладать тем, чего так явно не хватает Хайдеггеру и Сартру - возможностью будущего развития. Настоящая книга представляет собой попытку изложить основные аргументы “последовательности аутсайдеров” простым и нетехническим языком для обычного интеллигентного читателя. Это пре предполагает отсутствие предварительного знакомства с экзистенциализмом или с ‘последовательностью аутсайдеров’. Я предпочитал говорить о “новом экзистенциализме”, а не о “феноменологическом экзистенциализме”, потому что это не так многословно; но далее в настоящей книге эти два термина используются как взаимозаменяемые. изменчивый.

1. “Посторонний”, 1956, “Религия и бунтарь”, 1957, “Эпоха “Поражение” (в Америке называется “Рост человека”), 1959. Сила, чтобы “Мечта”, 1962, “Истоки сексуального влечения”, 1963, “За гранью аутсайдера”, 1965.

Часть первая

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ МЫСЛИ

вступительный

Необходимо начать с определения экзистенциализма. Таким образом, это философия, которая задается вопросами , которые когда-то считались “религиозными”: вопросами о смысле человеческого существования, свободе и существовании Бога.

Современная философия была основана Декартом, который был ученым и математиком. Именно он утверждал, что философия должна быть не более и не менее чем наукой. Но Декарт был также добрым католиком, у которого не было намерения выступать против Церкви; поэтому он придерживался разных взглядов на свою философию и религию. улучшения. Он признал, что только Церковь может дать ответы на вопросы о смысле человеческого существования и человеческой свободе. Это означало, что что Декарт называл философию делом ‘научного 5 вопросы: Что я имею в виду, когда говорю, что утверждение “истинно”? Какова связь между разумом и физическим миром? Какова связь между сознательным сущность и чувства?

В течение следующих двух столетий основное направление философии софи придерживалась картезианской традиции, согласно которой философия и религия должны быть разделены. Но поскольку религия, в любом случае, больше не получала всеобщего признания, это часто означало просто, что философы

религиозные вопросы рассматриваются как бессмысленные. Такой

точки зрения придерживается сегодня большинство философов школы лингвистического анализа, которая в настоящее время является одним из двух наиболее влиятельных философских течений в западном мире. Другое направление - экзистенциализм.

Экзистенциалисты не согласны с мнением, что философия не имеет права задавать “религиозные” вопросы. Это не означает , что они отвергают идею Декарта о том, что философия должна быть наукой. Но они не могут согласиться с тем, что вопросы о “природе и предназначении человека” бессмысленны для ученого и что поэтому задавать их - пустая трата времени.

Но вопрос, который волнует меня, как экзистенциалиста, заключается не в том, имеет ли философия право задавать вопросы о смысле человеческого существования: это Я принимаю как должное. Есть и другие предположения, которые, по-видимому , содержатся в каждой книге об экзистенциализме, с которыми я не могу согласиться. Кажется, общепризнано, что экзистенциализм - это философия пессимизма или, по крайней мере, очень ограниченного, стоического оптимизма. Любой, кто открывает любую из многочисленных книг на эту тему, сразу же ощущает определенную атмосферу атмосфера уныния. В книге Гельмута Куна “Встреча с пустотой” например, заголовки глав дают нам непосредственное представление есть смысл этого негативного содержания: “Ничто не движется”, ‘Отчуждение’, ‘Обреченный быть свободным’, ‘Просветление через страдание’. Человек начинает воспринимать такие предложения, как вот что: “Борьба с унынием понимается как первая фаза диалектического движения’.

Все известные мне экзистенциалистские тексты - будь то по Сартр или Марсель, Ясперс или Камю - кажется, разделяют эту атмосферу. С подобной атмосферой мы часто сталкиваемся в современной литературе, даже у писателей, которых нельзя назвать экзистенциалистами, - Олдоса Хаксли и Грэма

МОЙ СОБСТВЕННЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ.

Грин, Сэмюэл Беккет и Юджин Ионеско, Эрнест Хемингуэй и Т. С. Элиот. Это совершенно не похоже на атмосферу, с которой мы сталкиваемся у Уэллса, Шоу или Честертона, чьи предпосылки оптимистичны.

Но, с другой стороны, предпосылки поэта или романиста носят личный и эмоциональный характер; они могут быть связаны с его воспитанием или даже с его железами. Какое отношение имеют такие предпосылки к философии?

Позвольте мне развить это. Несколько лет назад американский психолог Абрахам Маслоу почувствовал такое же инстинктивное возмущение “атмосферой” фрейдистской психологии с ее акцентом на болезни и неврозы и решил, что он мог бы получить не менее интересные результаты, если бы изучал абсолютно здоровых людей. Поэтому он огляделся в поисках самых жизнерадостных и уравновешенных людей, каких только смог найти, и попросил их помочь ему в учебе. Вскоре он обнаружил интересный факт: большинство абсолютно здоровых людей часто испытывают настроения сильного самоутверждения и уверенности; Маслоу называл это “пиковыми переживаниями’. Никто раньше не делал этого открытия , потому что никому и в голову не приходило, что наука , называющая себя “психологией” и заявляющая о себе как о науке о человеческом разуме (а не только о больном разуме), должна формировать свою оценку человеческих существ, принимая во внимание как здоровые, так и больные умы. Больной человек одержимо говорит о своей болезни; здоровый человек никогда не говорит о своем здоровье, потому что, как указывает Пиранделло, мы принимаем счастье как должное и начинаем сомневаться в жизни только тогда, когда мы несчастливы. Следовательно, ни один психолог никогда не делал этого простого и очевидного открытия о пиковых переживаниях.

“Пиковое переживание” - это не обязательно мистическое переживание, хотя мистические переживания являются одной из форм пикового переживания. Молодая мать, наблюдающая за своим мужем

ГЛАВА 6. КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

“дети завтракают” - это был “пиковый опыт”; “пиковый опыт” испытала хозяйка, сидящая в одиночестве в комнате после очень успешной вечеринки. Это чувство жизнеутверждения ситуация, подобная той, которую Пруст описал в манере Свана , когда писал: “Теперь я перестал чувствовать себя посредственным, случайным, смертным…

Интересное слово здесь - “случайный’. Для Сартра самой основной характеристикой человеческой ситуации является то, что он называет “случайностью”, ощущение человеком того, что он каким-то образом “не нужен”, что он - случайность. Самоубийство, по сути, является практическим подтверждением этого представления. Сартр, Камю и Хайдеггер считают постоянство человека основополагающим фактом человеческого существования; человек должен признать, что он не является объектом постоянного любящего внимания Бога или Провидения; в универсальном смысле он незначителен. Когда мы просматриваем фотографии самоубийц в книге по судебной медицине, это ощущение человеческой беспомощности поражает нас как удар; обезображенный труп, кажется, перечеркивает все человеческие устремления, и мы осознаем, что акт самоубийства возник из-за ощущения бессмысленности жизни, ее бессмысленного ужаса и бессилия. жестокость. Хайдеггер или Сартр, рассматривая такую фотографию, печально сказали бы: “Это ужасно, но это правда; мы должны посмотреть правде в глаза’.

Наивысшим переживанием кажется отрицание человеком своей случайности, внезапное прозрение смысла, когда отрицание самоубийства воспринимается как досадная ошибка, подобно банкроту, который совершает самоубийство за минуту до получения телеграммы, извещающей о том, что ему оставили миллион фунтов стерлингов.

Теперь о пиковых переживаниях, описанных некоторыми мистиками - Паскаль, например, - или перенесенный на холст Ваном Гога на его картине “Звездная ночь”, может быть расценено как сомнительное свидетельство; психолог указал бы на то, что и Ван Гог, и Паскаль были больны. Наука создает

допускаю исключения, но он строится на правилах. Но если Маслоу прав, то пиковые переживания, отрицающие случайность и бессмысленность жизни , больше не могут рассматриваться как исключение; мы больше не можем отмахиваться от них, называя их “ненормальными”. Современная литература и психология играют значительную роль в формировании нашего представления о самих себе; но , согласно Маслоу, они были виновны в недостаточном оценка характера и потенциальных

возможностей человека.

В настоящей книге я стремлюсь показать, как экзистенциалистская картина человека, представленная Сартром , Хайдеггером или Камю, сильно склоняется к пессимизму, и показать, как возникла эта ошибка. Что обычно подразумевается под экзистенциализмом - философией, которая началась с Кьеркегора и сегодня представлена Сартр, Марсель и остальные - это, следовательно, уже не “живая философия”; она так же мертва, как теория горения флогистона или кватернионы Гамильтона. Она сама себя загнала в тупик, и у нее нет шансов на дальнейшее развитие. Было очевидно, что Камю зашел в тупик за несколько лет до своей смерти. Мысль Хайдеггера оставалась статичной по меньшей мере тридцать пять лет. Попытка Сартра вывернуться из петли собственного пессимизма в “Критике диалектического разума” потерпела неудачу; он по-прежнему неловко балансирует между философским нигилизмом и марксистским оптимизмом1.

1. На самом деле, конечно, критика Сартра не является попыткой продвинуть его экзистенциализм на ступень дальше; это всего лишь попытка найти рабочий компромисс с марксизмом. Следует признать, что Морис Крэнстон отметил, что именно марксизм, как ожидается, сделает все возможное и все же, если не принимать основную посылку Сартра о том, что марксизм является наиболее важной современной философией, о которой мы

bo k ^° rCeC *t0 ta ˆ e не* ce “ , то нет смысла читать

Но это не значит, что экзистенциализм мертв: просто в своей кьеркегоровско-сартровской форме он достиг точки, от которой не может ни продвинуться, ни отступить. Я буду называть эту форму Кьеркегора-Сартра “старым экзистенциализмом”5 или просто экзистенциализмом наяву. Моя цель - наметить новую форму экзистенциализма, которая позволит избежать этого тупика и которая может продолжать развиваться. Она отвергает сартровское представление о случайности человека - по причинам, которые я подробно рассмотрю. Поэтому его уклон отчетливо оптимистичен, а атмосфера так же отличается от “старого экзистенциализма”, как атмосфера романов Г. К.

Честертона отличается от “В ожидании Годо”. Его методы можно было бы назвать скорее англосаксонскими и эмпирическими, чем “континентальными” и метафизическими. Это может показаться предательством всего экзистенциалистского мировоззрения, но следует помнить, что Эдмунд Гуссерль - в некотором смысле отец современного экзистенциализма - часто говорил своим ученикам, что они могут многому научиться у Дэвида Юма, чем у любого другого философа.

первая глава

СТАРЫЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

Разрушение смысла—

Кьеркегор - Кари Ясперс - Мартин Хайдеггер - Сарр-Камю- Почему экзистенциализм потерпел неудачу

Экзистенциализм - это гуманизм, то есть он никогда не мог возникнуть в эпоху религиозной веры. Это постхристианская философия. Средневековый человек верил, что жизнь имеет смысл, потому что Бог создал человека, и Христос искупил его; в этом был смысл жизни. Хотя Сорен Кьеркегор считал себя Христианин, он принадлежал к эпохе, которая больше не могла чувствовать себя комфортно в “лоне Божьем”. Отправной точкой Кьеркегора является ощущение, что жизнь - это вопросительный знак. Он хотел перейти от вопросов к вере, но из его работ ясно, что ему это так и не удалось.

Человек девятнадцатого века чувствовал себя так, словно его выбросили из Эдемского сада; он был предоставлен самому себе в этом мире. Он мог бы с большим трудом вернуться к какой - нибудь вере и самоутверждению, но прежнее ощущение мира и вселенского порядка исчезло.

Общепринято говорить, что это произошло из-за развития науки, но это лишь полуправда. Истинная причина заключалась в том, что наука внезапно стала образом мышления, образом жизни. С сэром такого никогда не было Исаак Ньютон. Для Ньютона наука была игрой, подобной шахматам. Он был увлеченным игроком, но

источником

19

20 КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ МЫСЛИ

его эмоциональная жизнь, его понимание смысла жизни были связаны с религией; он считал свой комментарий к Книге Даниила гораздо более важным, чем Принципы или бесконечно малое исчисление. Это правда, что Ньютон был склонен смешивать религию со своей наукой - он поддерживал замечание Платона о том, что Бог геометризирует, - но он был менее склонен рационализировать свою религию, чем религионизировать свою науку. Как и у всех великих людей, у него была жажда осмысленности, и эту жажду удовлетворяла религия, а не наука. Он пришел бы в ужас от современного мира науки.

Последователям Ньютона не хватало религиозного темперамента; кроме того, они были опьянены возможностями науки. К середине девятнадцатого века научная революция завершилась, но в ее старой форме - догмы и абсолютного авторитета - было мало разумных людей , которые могли бы ее поддержать.

Такова была ситуация, когда на сцене появился экзистенциализм . Кьеркегор был первым, кто использовал это слово, но более справедливо было бы отдать должное И. Г. Хаманну, современнику и противнику Канта, или Уильяму Блейку, или даже Блезу Паскалю. Все они были людьми с ярко выраженным скептицизмом и рациональным складом ума, но обладали жаждой смысла, которую наука была недостаточно сильна , чтобы удовлетворить. Несколькими столетиями ранее их, возможно , заклеймили бы как неверующих и сожгли на костре; но в Век Разума они оказались в парадоксальном положении , утверждая, что у человека есть потребности, которые невозможно удовлетворить с помощью одного лишь разума.

С точки зрения сегодняшнего дня, невозможно поддерживать ту или иную сторону. История, как обычно, добивалась прогресса путем серии резких переходов от одной стороны к другой, каждый из которых заходил слишком далеко. Греки выступали за создал плеяду добродушных богов; евреи противопоставили Им

единственного ревнивого Бога. Христианство превратило Его в

несколько вспыльчивое, но в основе своей благожелательное божество, которому человек обязан абсолютной преданностью. Наука указала, что христианство состоит в основном из догм и лжи, и отказалась от него. Блейк и Кьеркегор указывали , что даже если религия на девяносто девять процентов состоит из бессмыслицы, в ней есть один процент истины, и тратили свою энергию на обличительные речи против науки и разума. Можно видеть, что история идей, по-видимому, движется по зигзагу заезжий курс пьяницы.

Кьеркегор

Таким образом, Кьеркегора следует понимать в основном как бунтующего философа. В следующем столетии большинство революционеров выглядят старомодными. Если это не относится к Кьеркегор, это только потому, что нам потребовалось так много времени, чтобы разобраться в заблуждениях науки девятнадцатого века. Но на самом деле большая часть того, что говорил Кьеркегор, не имеет отношения к XX веку; он был блестящим невротиком, умирающим от разочарования и застоя в провинциальном городе. По сравнению с Уильямом Блейком, он даже не был особенно смелым мыслителем. Блейка интересовали ‘пиковые переживания”; он выступал против науки по той же причине, по какой наука выступала против средневековой религии: потому что, по его мнению, она превращала человека в червя. Кьеркегор также заявил, что реальность человека ситуация слишком сложна для науки, чтобы понять; но он был не оптимистичный мечтатель; на наоборот, он взял извращенное удовольствие в возрождении узкий, Еврейская форма догматизма. Суровость Ветхого Завета показалась ему приятной альтернативой глупости копенгагенского общества, поэтому он злоупотребил своим талантом, защищая его. История о жертвоприношении Исаак был переосмыслен с точки зрения тонкой современной психологии и стал притчей о “ужасающей странности милости Божьей’.

Но абсурдности и крайности философии Кьеркегора менее важны, чем стоящее за ними стремление, мучительная жажда смысла, которая лишь отчасти была результатом невротической дезадаптации и сексуальной неудовлетворенности. Именно эта жажда смысла делает Кьеркегора актуальным для нашего времени.

Здесь нет места для того, чтобы попытаться подробно проследить процесс сложная история экзистенциализма со времен Кьеркегора; она включала бы изложение идей Ницше, Бергсона, Лашелье, Дильтея, Шелера, Ясперса, Хайдеггера, Камю, Сартра и Марселя, а также многочисленные отступления рассуждения об идеализме, реализме и прагматизме. К сожалению, несмотря на этот впечатляющий список имен, за пределами довольно негативной позиции Кьеркегора мало что изменилось. Для практических целей будет достаточно кратко рассказать о Ясперсе, Хайдеггере и Сартре.

Карл Ясперс

Ясперс (родился в 1883 году) начинал как клинический психолог, работая в психиатрической больнице в Гейдельберге. Это привело его к созданию первой крупной работы “Психопатология”, представляющей собой попытку всестороннего описания всех психических заболеваний. Ясперс писал не как фрейдист или представитель какой-либо определенной школы. И именно эта свобода от теоретических предубеждений привела его в философию. Он понял, что идея психического заболевания предполагает идею ‘нормальности’. Нормальность может быть определена двумя способами: либо с точки зрения догматической религии, где четко определены предназначение и функции человека, либо с точки зрения материальных мистическая наука, которая рассматривает человека исключительно как общественное животное. Ясперс, по сути, столкнулся с той же проблемой, что и Кьеркегор. Он подошел к проблеме с немецкой основательностью, написав тысячестраничную историю филологии

философия, пытающаяся показать, как возникла проблема. (На момент написания этой книги - в 1965 году - он работает над другим подобным проектом под названием “Великие философы”, первый том которого состоит из 968 страниц). Это привело его к результатам, которые чрезвычайно трудно определить, разве что в терминах негатива. Человек совершает ошибку, рассматривая знание как нечто конкретное, относящееся к его реальности как исторического существа. Но когда философ по-настоящему погружается в историю своего предмета, он видит, что знание - это всего лишь движение человеческого духа к трансцендентности. Различные формы знания становятся тюрьмами для человеческого духа - как христианство стало великой догмой, - но человек может быть свободен только в том случае, если он осознает, что именно он создает эту догму. В этом смысл таких грандиозных начинаний, как философия и Великие Философы: для поощрения человеческого разума постигать свое место в Великой поступательное движение Духа. Формы знания- это шифр-сценарий бытия, и философ стремится прочтения сценария за Теа временные формы.

Это звучит не очень понятно; возможно, причина в том, что Ясперс тоже не очень понятен. В отличие от Камю или Сартра нелегко описать кратко; его мысль движется большими скачками, и смысл сказанного начинает проявляться только после прочтения ста страниц или около того. Но что очевидно, так это пессимистический тон его мыслей. Человек сталкивается со своим истинным “я” только в пограничных ситуациях бывшего следствие - смерть, страдание, чувство вины, внезапный несчастный случай с применением насилия.

В конце концов, у Ясперса возникает ощущение, что он ясно осознал необходимость новой философии, нового способа для человека овладеть своими знаниями, но он потратил большую часть своих сил на попытки объяснить, как сложилась ситуация . Его мысль, кажется, движется по скользкой почве экзистенциального парадокса: жить - это противоположность тому, чтобы

знайте: таким образом, человеческое знание никогда не сможет охватить человеческое существование. Оно всегда должно его фальсифицировать. Это парадокс , который победил Кьеркегора. Снова и снова, когда человек борется со сложной терминологией Ясперса, он чувствует , что вот-вот сдастся, потому что слова и идеи настолько неадекватны для передачи живой, сложной сути человеческого существования. Если значимость философа зависит от того, насколько он продвинет свою тему на новый уровень и передаст важные результаты своим преемникам, то Ясперса следует признать неудачником.

Мартин Хайдеггер

По этому критерию то же самое можно сказать и о Мартине Хее деггер. Первое, что необходимо понять о Хайдеггера заключается в том, что его темперамент близок к темпераменту Кьеркегор и Паскаль; он поэт и в чем-то мистик. Читая Хайдеггера, человек постоянно осознает , что он отвергает стадность. “Основная идея Ясперса - это великий размах всей человеческой мысли; Хайдеггер - поэт, стоящий особняком от общества и получающий внезапные озарения относительно истинной природы человеческого существования. Он никогда не сможет донести эти идеи до толпы из-за самой природы стада - его склонности постоянно оглядываться на остальных членов стада, жить глазами других людей, и все же, как это ни парадоксально, движущей силой цивилизации является жизненный импульс одиноких людей.

Из-за этого ощущения огромной трудности сказать что-либо важное, Хайдеггер, как и Ясперс, очень сильно критикует бизнес общения. катион; на самом деле, он самый малоизвестный из современных философов феры.

Тем не менее, его основную мысль легко выразить словами. Человек - странное, неаутентичное существо, у которого очень мало

соприкосновение с реальным существованием. Интеллектуалы отрезают себя от реальности, загоняя в ловушку мира концепций; обычные люди отрезаны от реальности, потому что они так поглощены собой, так вовлечены в мелочность повседневного существования. Они живут в бессмысленном мире , потому что им так трудно что-либо значить. Честер тон отметил: “мы говорим “спасибо”, когда кто -то передает соль, но мы не это имеем в виду; мы говорим, что земля круглая, но мы не это имеем в виду (даже если это оказывается правдой). Мы все заперты в мире грез внутри наших собственных черепов, и ничто, кроме угрозы немедленной смерти, не заставит нас по-настоящему оценить свою жизнь. Мы забыли, что внешний мир действительно существует. Для большинства из нас это мир теней. Усовершенствованные технологии коммуникации только еще больше размыли границы между явлениями; мы так много живем благодаря книгам, фильмам, телевидению и т.д., что сон и реальность только еще больше перепутались.

Вот в чем проблема - в “забывчивости о существовании’. Проблема в том, чтобы каким-то образом вернуться к Существованию. в Олдос Хаксли, “Двери восприятия”, сказал, что доза мескалина внезапно заставила его осознать стул как сверкающий атом существования - стул почти ожил , как стул, нарисованный Ван Гогом, о котором он писал. Гоген сказал: “Никто еще так не расписывал стулья “. Это то, о чем мы забыли, и то, о чем поэты никогда полностью не забывают. Их всегда поражает абсолютная красота и чуждость мира. Для остальных из нас стул на самом деле не существует; это не более чем название - название, которое означает что-то, что поддерживает нас, когда мы садимся.

В этом проблема, но что с этим делать? Как и Ясперс, Хайдеггер, похоже, не очень уверен. Он уделяет много внимания анализу неаутентичности толпы, банальности повседневного

существования. Вот он

близок к Паскалю по вопросу о потребности человека в развлечении и отвлечении, чтобы забыть о собственной пустоте. Он признает, что человек часто приходит к “подлинному существованию” , когда сталкивается лицом к лицу со смертью, и что поэты часто осознают это без этого стимула. Но помимо этого, Хайдеггер мало что может сказать позитивного. Он обозначил проблема исчерпывающе в “Бытие и время” 1927 г. , и поскольку посвятил несколько коротких книг (которых немного больше чем эссе), чтобы обсудить поэта - Holderlin в частности Лар. Но, как и в случае с Кьеркегором, мы считаем, что Хайдеггер важен скорее из-за того , что он чувствовал, чем из-за того, о чем думал. Движущей силой его творчества является все та же жажда смысла, которую он отождествляет с существованием. Можно прочитать очень много о Хайдеггере и книгах о нем, но так и не продвинуться дальше этого. Поскольку форма, в которой Хайдеггер излагает свои проблемы, часто кажется бессмысленной. Например, он спрашивает: “Почему вещи существуют, а не не существуют?” или “Почему существует что-то, а не ничто?” Это звучит как вопрос для теолога или мистика, а не философа; но Хайдеггер всего лишь пытается привлечь внимание к реальности существования, стоящей за нашими словами. Точно так же он пытается использовать язык в странно высокопарной, неуклюжей манере, чтобы попытаться освободить разум читателя от склонности ассоциировать ложные или готовые концепции с его словами. В результате получается нечто похожее на попытку Хемингуэя изложить свою речь в Для кого “Колокольный звон” звучит как иностранный в буквальном переводе с испанского (или в попытке придать ему звучание). Достигает ли это эффекта - вопрос для философов, которые могут читать Хайдеггера по-немецки.

Сартр

Для целей изложения Сартр остается лучшим представителем

современной экзистенциалистской традиции.

Все его проблемы и недостатки наиболее отчетливо видны в его работах. Его работы также проясняют, почему экзистенциализм так мало продвинулся после Кьеркегора.

Первое, что следует отметить о Сартре, - это его темпера мент от природы мрачен и пессимистичен. Он противоположен тому, что Хайдеггер подразумевает под словом “поэт”. Как и Хей деггер, он озабочен тем фактом, что мир ‘существует’ совершенно отдельно от нашего сознания; но он, кажется, находит это отдельное существование тревожным или даже тошнотворным. В его романе “Тошнота” рассказывается об историке, который всегда смотрел на мир с точки зрения своих собственных интеллектуальных моделей, но внезапно переживает “пробуждение”, когда “вещи” каким-то образом проскальзывают мимо его интеллектуальной защиты; результатом является парализующее чувство тошноты. Стоит отметить, что это переживание в основном такое же, как и у поэта, за исключением того, что поэт внезапно видит реальность с восторгом. Вордсворт описывает, как он греб на лодке по озеру и внезапно ощутил “иные формы бытия” , увидев очертания горы в темноте. Для По Сартру, чуждые способы бытия являются источником не надежды или удовольствия, а нервозности; он чувствует угрозу, исходящую от них. Когда мы читаем романы Сартра, становится ясно, что ему не нравится реальный мир; он всегда вызывает у него легкое отвращение, и он обычно описывает его такими прилагательными, как “липкий”, “скользкий”, “маслянистый”, “тошнотворный”. В его автобиографических словах, описывающих его детство, нет ничего от обычного восторга или волшебства, присущих рассказам о детстве. Когда он описывает сексуальный акт, совершенный в интимной обстановке или в детстве Лидера, это всегда разочаровывает или вызывает отвращение; в нем отсутствует представление Лоуренса о сексе как о спасительной силе. И снова, на словах, он пишет: ‘…лодка, казалось, оторвалась

от озера и через мгновение уже скользила над этим покрытым рябью болотом” (стр. 158). Почему, по Сартру, озеро - это покрытое рябью болото? Это описание даже не является точным;

это просто выражает сартровское чувство ужаса и недоверия при мысли о глубине чуждых вод.

Таким образом, следует ожидать, что описание человеческой ситуации Сартром будет лишено естественной поэзии и восторга, которые большинство из нас испытывает хотя бы время от времени , - короче говоря, “пиковых переживаний’.

Сартр, как и Хайдеггер, озабочен неаутентичностью человека как социального существа, банальностью и посредственностью жизни в глазах других людей. Его изречение “Ад - это другие люди” - оборотная сторона высшего образования. наблюдения Деггера о поэте и одиночестве. Но здесь возникает интересная проблема. Поскольку Сартру совершенно чужды “пиковые переживания”, одиночество на самом деле не является ответом на проблему ада других людей. Это означает, что оба входа заблокированы. Он искренне согласен с Достоевским в том, что невозможно любить своего ближнего, если тебе приходится много общаться с ним; но одиночество - это не выход; оно, скорее всего, вызовет тошноту, когда ты поймешь, что ад - это не только другие люди, но и другие вещи.

Эта проблема отчетливо проявляется в самой важной пьесе Сартра “Люцифер и Господь”. Действие происходит в XVI веке; герой Гетц - солдат, который в начале пьесы собирается вторгнуться в город и устроить резню его жителей. Кто-то заметил, что каждый может быть злым; на самом деле, ни одному человеку еще не удавалось стать хорошим. Гетц принимает вызов и решает стать святым; он становится защитником бедных, раздает свои земли и основывает “Город Солнца”. Но ему очень трудно быть хорошим человеком в мире дураков. Когда Город Солнца окончательно разрушен восставшими крестьянами, Гетц

приходит к выводу, что Бога на небе нет, и поэтому бессмысленно пытаться быть святым. Человек должен жить для своих ближних. Он становится лидером

крестьянское восстание и наносит удар ножом офицеру, который отказывается ему подчиняться, замечая, что человеку, возможно, придется служить своим собратьям, совершая зло так же, как и добро.

Что здесь интересно, так это странно негативная концепция Сартра о доброте или святости. Святой - это человек, который ведет себя как святой и целует прокаженных. (Прокаженный устало подчиняется и говорит, что хотел бы, чтобы хорошие люди нашли какой-нибудь другой способ продемонстрировать свою добродетель.) Сартру, похоже, никогда не приходило в голову, что святым может руководить такое же мощное внутреннее побуждение, как революционером или философом, и что его добродетель может быть лишь побочным продуктом некоторой внутренней эволюции. Ясно, что Гетц не получает особого удовольствия от совершения зла - разграбления городов и изнасилования женщин; это просто проявление его воли. Он решает быть добрым, чтобы продемонстрировать свою многогранность; это еще одно проявление воли. Естественно, это ни к чему не приводит.

Суть, конечно, в том, что Сартр по своему темпераменту неспособен оценить, заключается в том, что цель святого - это “наивысшее переживание’. В этом мире нет никаких “пиковых переживаний”. Мир Сартра; следовательно, и добро, и зло представляются ему негативными. Но что в таком случае остается? Существует только негативный идеал - делать добро своим ближним из-за отсутствия чего-либо лучшего.

Таким образом, философия Сартра делится на две части. В своих работах вплоть до 1950 года (года, когда он написал “Люцифер и Господь”) он занимается нападками на ложные представления -

способы , с помощью которых человек лжет самому себе, то, как он навязывает свои ложные концепции существованию, то, как он уклоняется от своей свободы, притворяясь простым созданием Божьим. С 1950 года он старался занимать менее негативную позицию и отождествлял себя с “движением рабочего класса’. Очевидное возражение против последнего состоит в том, что оно на самом деле не является ответом на проблемы , выдвинутые Кьеркегором и Хайдеггером. Можно быть ярым коммунистом и все же признавать это, когда

мировой коммунизм достигнут, но философские проблемы - свободы человека, его отношения к существованию и т.д. - по-прежнему останутся нерешенными. Критика диалектического Разум - это не продолжение работы, которую он начал в “Бытии и небытии”, а отказ от нее. Можно прекрасно понять, как он пришел к написанию следующего отрывка в конце “Слов”:

‘Все мои ретроспективные иллюзии разбиты вдребезги. Мученичество, спасение, бессмертие - все рушится; здание превращается в руины. Я ловил Святого Духа в подвалах и выбрасывал его оттуда. Атеизм - это жестокий, долгосрочный бизнес: я верю, что прошел его до конца. Я вижу ясно, я свободен от иллюзий… Около десяти лет я был человеком, который просыпается, излечившись от долгого, горько-сладкого безумия, который не может без смеха вспоминать свои прежние привычки и который больше не имеет ни малейшего представления о том, что делать со своей жизнью(выделено моим курсивом). Я снова стал путешественником без билета, который Я был в семь…

- Я отрекся от своего призвания, но не лишил себя сана. Я все еще пишу. Что еще я могу сделать?’

Что еще, если с тридцати лет он был пойман в ловушку парадокса Хайдеггера и так и не смог вырваться на свободу? Человек,

говорит Хайдеггер, забыл Существование; он должен каким-то образом вернуться к нему. Сартр принимал мескалин, когда ему было двадцать восемь, но это вызвало состояние усиленного невроза; реальность стала чем -то зловещим и угрожающим. Чтобы овладеть реальностью, человек должен быть отстранен от нее; но с этого момента эта необходимая отстраненность показалась бы Сартру формой “недобросовестности” , бегства от нее. В форме Хайдеггера экзистенциализм все еще может быть оптимистичным. Человек намеренно отделяет себя, чтобы преодолеть реальность, превращая ее в абстракцию, простой инструмент своей воли; затем, посредством поэзии или медитации на смерть, он снова “возвращается к существованию’ и возрождается;

он берет лучшее из обоих миров. Для Сартра выхода не было ; выбор был между недостоверностью людей и отвратительностью вещей.

Альбер Камю

Здесь следует отметить, что друг и коллега Сартра Камю оказался в таком же затруднительном положении, что привело к приостановке его работы за некоторое время до его гибели в автомобильной катастрофе в 1960 году. Его первый роман “Выход” сидер посвящен знакомой хайдеггеровской теме человека, который полностью забыл о существовании и для которого жизнь превратилась в последовательно становятся нереальными, бессмысленными. Он плывет по течению изо дня в день, и даже смерть матери оставляет его равнодушным. Только перспектива смерти в конце романа (когда его вот-вот казнят за убийство араба). разрушает чары и приводит к “возвращению к Существование.’

В “Мифе о Сизифе”, написанном одновременно с романом, Камю признает, что если жизнь настолько бессмысленна, то основная проблема человека заключается в том, стоит ли совершать

самоубийство. Затем Камю выбрал то же сомнительное решение, что и Сартр, - сбежать от “пустоты небес” в ком толпа людей, одержимая идеей социальной справедливости. (Тот самый “Чума”, 1947, “Бунтарь”, 1952.)

Теперь Камю, в какой-то степени, разделял точку зрения Сартра. предположение о мире вещей. Мир пропитан злобным “абсурдом”; он не просто безразличен к людям, но и активно враждебен. (В этом отношении книга Камю имеет некоторое сходство с книгой Томаса Выносливый.) Это тема “Чужака”, “Чумы” и пьесы “Перекрестные цели”. Он одержим смертью и безразличием природы. Крайне неприятный отрывок в Описание смерти ребенка от чумы иллюстрирует, что он имел в виду, говоря о своей “ссоре с Богом’.

32. КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ МЫСЛИ

Но самое странное в Камю то, что он не был прирожденным пессимистом, как Сартр; конечно , было бы неверно сказать о нем (как о Сартре), что он был полной противоположностью поэта. На самом деле в его творчестве есть несколько “пиковых переживаний” - одно из них описано в конце книги. Посторонний , еще один персонаж в рассказе под названием “Женщина, уличенная в прелюбодеянии” (который почти в духе Лоуренса), еще один в “Ночи” (сборник эссе). И все же Камю не смог понять, что эти “пиковые переживания” могут содержать в себе семена выхода из его пессимистического тупика. (На самом деле, когда автор этих строк затронул эту тему в беседе с ним в 1959 году, он объяснил, что не может придавать большого значения подобным переживаниям, потому что они ненормальны, в то время как его философия была попыткой сформулировать кредо для обычного человека в современном мире.)

Оглядываясь назад, кажется, что Камю был переоцененным писателем, который слишком заботился о эффектах. В “Постороннем” есть что-то искусственное, мелодраматическое, где героя вешают из-за непонимания. При чтении его критических работ часто возникает такое же ощущение, что он пишет для пущего эффекта ; они немного чересчур самоуверенны по-научному стильны, как у актера, который не может удержаться , чтобы не похвастаться красивым голосом. Все это приводит к довольно резкому выводу о том, что ему не удалось выбраться из тупика , потому что он никогда не прилагал к этому достаточно усилий.

Почему экзистенциализм потерпел неудачу

Подведем итог: экзистенциализм был философией человека без организованной религии. Это не значит, что он философ офия человека без Бога. Многие экзистенциалисты верили в Бога. Но не могло быть никакого утешительного посредника или спасителя. Человек стоял один. Если Бог существовал, то одинокий индивидуум должен был найти его без посторонней помощи. Все началось с романтизма: с “Фауста” Гете и

“Разбойники” Шиллера и “Освобожденный Прометей” Шелли, где люди спрашивают, почему они должны быть простыми созданиями. Если церковь была обманом, а Священное Писание просто вдохновляло на поэзию, то человек внезапно обрел новую свободу и новое достоинство. На самом деле, как Достоевский совершенно ясно видел, что человек сам должен стать Бог - или божество. Романтики сочли это бремя слишком тяжелым; оно было возложено на них слишком внезапно после комфорта и стабильности 18-го века. Их просили повзрослеть слишком быстро. Многие покончили с собой или умерли от различных болезней, и к концу столетия байроновский дух богоборчества сменился чувством глубокой ностальгии и поражения. Кьеркегор и Ницше были такими же романтиками, как и экзистенциалистами, но Ясперс, Хайдеггер, Сартр, Камю и другие писали скорее как мыслители, чем как поэты. При них экзистенциализм превратился в интеллектуализированный романтизм. У него был более жесткий характер. качественнее, чем его предшественник девятнадцатого века, и вместо того, чтобы привести к ностальгии и поражению, он привел к стоицизму и пораженческому поражению.

Экзистенциализм, как и романтизм, - это философия свободы. Она зашла в тупик, потому что ни один мыслитель-экзистенциалист не может согласиться с тем, что существуют какие-либо ценности вне человека, то есть вне обычного, повседневного сознания человека. Человек свободен, говорит Сартр. Но что ему делать со своей свободой? Он может делать все, что ему заблагорассудится, отвечает Сартр. Но ведь точно так же, как дела каждого не касаются никого, свобода во всем - это свобода ни для чего. Человек свободен, но мир пуст и бессмысленен - вот в чем проблема лем. Хотя это предложение остается кратким изложением существующих тиализм, больше ничего нельзя сделать.

вторая глава

ЧТО ТАКОЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ?

Почему феноменология стала необходимой - Бог-обманщик доверия - Решение Гуссерля — детектив и подозреваемые - Интенциональность — основная концепция феноменологии -

“Путешествие влюбленного” Крэбба

В истории экзистенциализма есть глава, к которой До сих пор я не упоминал об этом, хотя это имеет решающее значение. На самом деле, это обеспечивает выход из тупика. Я имею в виду философский метод, основанный Гуссерля и известная как феноменология.

Здесь возникает первоначальная трудность. Литература по экзистенциализму обширна, начиная от высокотехнологичных работ и заканчивая популярными изложениями. Двадцать лет назад многие важные тексты были написаны на иностранных языках; сейчас этого уже нельзя сказать. Для сравнения, феномен менологическому движению оказали плохую услугу. Важные работы Гуссерля и Мерло-Понти были переведены на английский, но их, безусловно, не стоит рекомендовать рекомендовано начинающим. Что касается “популярных изложений’, то , насколько я знаю, их нет ни на одном языке. Даже такой блестящий и прямолинейный текст, как у Мориса Натансона Литература, философия и общественные науки зависят от того, обладает ли читатель определенным базовым знакомством с идеями и методами Гуссерля.

Поэтому в настоящей книге я попытаюсь дать простое и ясное представление о целях феноменологии.

34

ЧТО ТАКОЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ?

35

Почему феноменология стала необходимой - Бог - это уверенность Обманщик

Декарт считал, что философия должна быть наукой. По его

словам, начинать нужно с того, что сомневаться во всем; ничего не следует принимать на веру. В конце концов, кажется совершенно очевидным, что солнце вращается вокруг земли, но это неправда. Теперь предположим (в качестве аргумента), что Бог был мошенником, фокусником, целью которого было полностью обмануть нас. Есть ли у человека хоть какая-то надежда когда-нибудь постичь истину? На первый взгляд, нет, ведь все карты на руках у Бога? Если подумать, все не так уж безнадежно. Есть определенные вещи, которые даже Бог не может сделать; например, он не может отменить то, что уже произошло. И если я внимательно наблюдаю за фокусником, я, возможно , не смогу понять, как он выполняет свои трюки, но, по крайней мере , мой разум может немного продвинуться. Например, кролик либо уже был в шляпе - возможно, спрятан за подкладкой, - либо прятался в рукаве фокусника.

Итак, Декарт предположил, что если человек сомневается во всем, он неизбежно придет к остаткам истины, которые не вызывают сомнений . Это станет основой философии. Декарту удалось усомниться во многом, что обычно считается само собой разумеющимся. Например, он увидел робота в королевском саду, и это заставило его спросить, откуда он может знать наверняка, что люди - не просто роботы. Этот вопрос едва не остановил его философствование. Ведь очевидно, что если бы Бог был мошенником, он мог бы обманывать. Декарт утверждал, что мир полон таких же людей , как он сам, в то время как на самом деле он полон роботов. В таком случае, в чем смысл философии? Декарт поспешно отверг эту возможность, решив, что это противоречит здравому смыслу. Но он признал, что животные, вероятно, являются роботами. Он рассуждал

что он мог бы быть уверен в том, что он не робот (я мыслю, следовательно, я существую), и что ему просто пришлось бы принять на веру тот факт, что другие люди тоже живы.

Но Декарт предложил опасный метод. Епископ Беркли продолжал “сомневаться во всем”5 и пришел к выводу, что если Бог - обманщик, то , возможно, мир - это иллюзия, которая существует только до тех пор , пока я смотрю на нее. В конце концов, я познаю мир только через свои чувства, а мои чувства меняются изо дня в день; например, если у меня сильное похмелье, моя еда

будет на вкус как опилки. Предположим, что мои чувства не просто непостоянны: предположим, что они - откровенные лжецы, состоящие в сговоре с Богом, который пытается убедить нас в том, что мир существует, хотя на самом деле его нет?

Юм развил этот аргумент еще дальше. Если я поставлю чайник на огонь, я предполагаю, что он станет еще горячее. Но предположим, что это еще одна уловка? Предположим , что на самом деле он должен замерзнуть, но Бог заставляет его кипеть, чтобы обмануть нас? Предположим, на самом деле, что причина и следствие - это еще одно подтверждение логический трюк, и следствия на самом деле вовсе не следуют за причинами?

Кант пошел еще на одну ступень дальше (хотя это кажется невозможным). Конечно 1 + 1 — 2 это пример причины и следствия? В таком случае, возможно, один плюс один на самом деле равно трем? Юм мог бы возразить, что 1 + 1 = 2 не является причиной и следствием. Если у меня есть одно яблоко и я добавляю к нему другое, то два - это не что-то отдельное от одного и того же: это одно и то же, тогда как холодный чайник - это совсем не то же самое, что горячий чайник. Кант, однако, не согласился бы с этим. “Сложение - это причина и следствие”, - сказал он, а затем добавил, что на самом деле все находится в нашем сознании. Не только цвета, формы и вкусы (которые меняются в зависимости от наших чувств), но и математика, пространство и время.

Предлагая это головокружительное решение, Кант вовсе не стремился - как можно было бы предположить - превратить все в бессмыслицу.

ЧТО ТАКОЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ?

философии, но для того, чтобы попытаться спасти религию. Первая жертва “Радикальным сомнением” Декарта были Библия и церковь, за которыми следовала вся мораль. Рационалисты указывали, что, если речь идет о достоверности, религия значительно отстает от науки. Кант изменил аргументацию: если

все происходит в уме, то наука столь же сомнительна, как и религия , то есть религия столь же достоверна, как и наука. В наши дни нам трудно понять, как этот абсурд вообще кому-либо навязывался; но следует помнить , что в то время это казалось строгим и логичным выводом из непоколебимых посылок Декарта.

Философия после Канта превратилась в Вавилонскую башню, но Декарт оставался основой. Некоторые мыслители придерживались его материалистической линии. Возможно, человек - это робот? Возможно, тот факт, что я мыслю, не доказывает, что я действительно существую - в конце концов, робот может мыслить и воображать, что у него есть живая душа? Другие придерживались “идеалистической” линии от Декарта до Канта; кульминацией этого стало видение Гегелем всей истории как великого движения духа - идея, к которой Ясперс пришел другим путем. Но проблема как материализма, так и идеализма заключалась в том, что оба они казались тупиковыми.

Решение Гуссерля - детектив и подозреваемые Такова была ситуация, когда Гуссерль появился на сцене в начале нынешнего столетия. Именно Гуссерль указал на простую ошибку, которая на двести лет поставила философию в тупик. софи. Декарт говорил, что человек не может быть уверен ни в чем, кроме своего собственного сознания, и что поэтому философия должна начинаться с изучения сознания; но именно этим Декарт пренебрег. Он думал о своем сознании как о зеркале, отражающем мир. Он согласился с тем, что зеркало, возможно, искажает мир, но он

ответил, что у человека никогда не будет возможности узнать , правда ли это. Его душа никогда не сможет выйти “наружу” , во внешний мир; она должна сидеть у него в голове, глядя наружу его глазами. Ему никогда не приходило в голову, что само зеркало может быть переменной величиной.

Вполне уместно, что Гуссерль был почти точным современником Фрейда. Ведь именно Фрейд первым выдвинул концепцию бессознательного на передний план психологии. Фрейд, например, предположил , что человек, оставивший свой зонтик, мог на самом деле захотеть вернуться в дом и, таким образом, подсознательно заставить себя забыть о нем. Иными словами, оплошность была намеренной, но не осознанной.

Итак, Гуссерль, насколько известно, вовсе не находился под влиянием Фрейда; но его предположение было заложено во фрейдовской йен спирит. Философ говорит, что его цель состоит в том, чтобы понять постоять за вселенную, и он делает это, заглядывая в нее через окна чувств и задавая вопросы. Но он предполагает, что о его собственном разуме не нужно задавать вопросов; он считает само собой разумеющимся, что это зеркало, отражающее реальность; так что, когда Декарт говорит “я” , он имеет в виду Т-Рена6 Декарта, простое единство, которое знает все о себе и не нуждается в вопросах. дальнейшие вопросы. Это скорее похоже на то, как если бы детектив допрашивал подозреваемых, каждый из которых мог совершить убийство. К сожалению, детектив не присутствовал при совершении убийства, поэтому у него нет “прямых доказательств” , на которые он мог бы опереться; он не осмеливается делать никаких предположений о том, кто невиновен, а кто виновен; он должен начать с того, что усомнится во всем, что ему говорят, и просто использовать свой пытливый ум, чтобы добавить что-то новое. анализировать различные истории, замечать противоречия, взвешивать доказательства. Таково картезианское представление о философе. Гуссерль предложил новую и наиболее тревожащую возможность. Предположим, детектив

убийца - он сам? Детектив начинает с того, что убеждает себя, что он не будет делать никаких предположений о том, кто виновен, что он будет сомневаться во всем; но он сделал предположение о своей собственной невиновности. Но философы со времен

Декарта исходили из того же предположения, и философия всегда оказывалась в одном и том же тупике

.

В этом, по сути, и заключается идея Гуссерля: философия хочет быть наукой и, следовательно, стремится изучать вселенную с научной точки зрения, то есть задавать вопросы и делать наблюдения. Но философия - это не наука, хотя она и не признает, что внутри самого человека существует не менее обширная область для изучения, и сознание не должно восприниматься как нечто само собой разумеющееся, как нечто слишком очевидное, чтобы нуждаться в дальнейшем изучении вопросительный. Само сознание должно быть изучено. В конце концов, психология - это тоже наука, изучающая то, что находится внутри человека. В то время как философия ограничивается изучением внешней вселенной, она является наукой только наполовину. И, возможно, именно потому , что это только наполовину наука, она находится в тупике.

Это приводит Гуссерля к определению феноменологии как ‘ изучения структуры сознания’. Слово “структурный” поначалу “структура” может вызвать некоторые затруднения; в конце концов, понятие “структура ” обычно относится к зданиям. Но, с точки зрения Фрейда, разум - это своего рода здание, в котором подсознание является подвалом (хотя некоторые исследователи экстрасенсорного восприятия предполагают, что у него также есть чердак - своего рода сверхсознательное пространство). несс - который также находится за пределами нашего повседневного сознания). Гуссерль использует слово “сознание” для обозначения всего разума в целом, но в остальном его точка зрения в корне не отличается от Фрейда.

Интенциональность - основное понятие феноменологии

Но центральное понятие феноменологии и семя

из чего оно выросло, так это из понятия интенциональности. У меня есть

я сказал, что Фрейд объясняет оставление зонтика как намеренное, и это передает суть того, что подразумевается под этой идеей. Но как такая интенциональность может повлиять на основные проблемы философии? Чтобы прояснить это, потребуется несколько продолжительное рассмотрение этого важного понятия. Это ключ не только к феноменологии, но и к новому экзистенциализму.

Рассмотрим, прежде всего, следующую диаграмму, известную психологам-экспериментаторам как иллюзия Мюллера-Лайера:

A

V

A

B

На нем изображено что-то вроде двуглавой стрелки и дважды раздвоенной веточки. Центральные линии стрелки и веточки имеют точно такую же длину, но веточка кажется длиннее стрелки, потому что глаз следит за движением веточки вдоль развилок, в то время как наконечники стрелок препятствуют этому движению глаза.

Измерив центральные линии, можно легко убедиться , что они одинаковой длины. Но даже в этом случае они по-прежнему кажутся разной длины. Это не является эмоциональным предубеждением или помехой, как если бы вы забыли зонтик. Это сам глаз “говорит неправду”, или кажется, что он это делает. И это и есть “пассивное сознание” Декарта, которому можно доверять в том, что оно верно отражает мир!

Можно сказать, что сознание само по себе является интенциональным. Это не плоское зеркало, просто отражающее мир. Оно создает свои собственные искажения, совершенно отличные от нашей естественной человеческой склонности искажать мир с помощью наших эмоций и предрассудков.

“Путешествие влюбленной” Крэбба

Но давайте на минутку вернемся назад и рассмотрим несколько более очевидных примеров интенциональности. Начнем с того, что если я опускаю флорин в сигаретный автомат и достаю пачку сигарет, это явно не интенциональность. Машина не может “намереваться” - хотя, если есть какая-то что-то не так с его механизмом, он может выдать две пачки сигарет или вообще не выдать ни одной. Тем не менее, это дефект, а не намеренный акт.

В течение обычного дня в мои органы чувств поступает огромное количество раздражителей , и я реагирую на них как машина. Но одни и те же раздражители не всегда вызывают одинаковую реакцию. Здесь все зависит от моего настроя

.

У Джорджа Крэбба есть повествовательная поэма “Любовник” Путешествие, которое привело бы Гуссерля в восторг. Она начинается с совершенно феноменологического утверждения:

- Это душа видит, внешние глаза Представляйте объект, но ум его распознает.’

Влюбленный отправляется навестить свою возлюбленную, и пока он едет, все вокруг приводит его в восторг, а его размышления о прелестях природы похожи на те, что мы находим у Голдсмита. Заброшенная деревня, или Времена года Томпсона. Он проходит мимо нескольких цыган и снисходительно размышляет о том, что, даже если они воры и бездельники, они, тем не менее, “веселые разбойники’. Но когда он приходит к ней домой, то находит записку, в которой говорится, что ей пришлось навестить подругу, и просит его последовать за ней. Он

отправляется в путь в совершенно дурном расположении духа; теперь ему все не нравится:

- Я ненавижу эти длинные зеленые аллеи, там ничего не видно

В этой мерзкой стране, но вечно зеленой.’

Вид молодоженов, выходящих из церкви, наводит на циничные размышления. Но вот он приезжает, встречает свою любовницу и мгновенно забывает о своем гневе. Они уходят вместе, совершенно забыв обо всем, кроме друг друга. Мимолетные сцены не вызывают ни восторга, ни раздражения, они остаются незамеченными.

Это пример эмоций, воздействующих на сознание. мыс. Каждый день мы можем наблюдать множество других примеров. Акт влюбленности не только раскрывает интенциональность эмоций, но и является примером другого Гуссерлевская деятельность - заключение в скобки. Мужчина, который сильно склонен влюбляться, находит подходящую ему девушку; но если только она не совершенно неотразима или ему полностью не хватает эмоциональной дисциплины, он не влюбится против своей воли (то есть автоматически). Прежде всего, он может выяснить, замужем ли уже девушка или нет ; если нет, то она становится более подходящим объектом для привязанности. Он также захочет узнать, проявляет ли она какие-либо предварительные признаки интереса к нему. Но даже если предположить, что это так, он все равно может обнаружить, что некоторые черты ее характера раздражают его - склонность хихикать, золотой зуб, форма ее носа. Но если он уже находится в процессе влюбленности, он намеренно “вычеркнет” эти вещи из своего внимания, чтобы больше их не замечать.

Он может даже пойти дальше и почувствовать к ним вкус, так что

теперь они доставляют ему настоящее удовольствие.

Обычный физический процесс обретения вкуса , очевидно, также является преднамеренным. Если я еду в чужую страну и мне дают какую-то странную еду или напиток, моя первая реакция

может возникнуть разочарование. Затем, по разным причинам, я убеждаю себя, что мне это нравится: и, на самом деле, я действительно начинаю получать от этого удовольствие. Это может быть связано с ностальгией по чужой стране, или со своего рода снобизмом - желанием почувствовать это У меня необычные или сильно развитые вкусы - или просто с тем, что я к этому привыкаю. Я войду во вкус, если это каким-то образом покажется мне приключением; я откажусь от этого, если это покажется мне скучным или неуместным. почтение. Но в любом случае, именно моя “интенциональность” имеет решающее значение. Честертон отмечал, что приключение - это правильно оцененное неудобство, а неудобство - это неправильно оцененное приключение.

Это примеры эмоциональной интенциональности, и мы все привыкли к такого рода интенциональности. Существует также физическая интенциональность, о которой мы менее осведомлены, потому что думаем о теле как о машине, которая едва ли подвержена нашим эмоциям. Если я лежу в постели и не могу заснуть, у меня может начать чесаться левая нога. Если я почешу его, зуд перейдет на лопатку или левый локоть. В этот момент я могу осознать, что могу вызвать зуд в любой части своего тела, просто задаваясь вопросом, чешется ли она

.

Это простое явление, очевидно, лежит в основе всех психосоматических заболеваний. Греческий писатель Канзанца-кис, например, описал, как однажды он согласился встретиться с привлекательной женщиной в ее комнате, но, проснувшись утром, обнаружил, что его лицо распухло, а с нижней губы стекает желтая жидкость. Долгое время он был одержим идеей аскетизма; его тело просто мешало ему сохранить целомудрие. Психолог Стекель сказал Канзандзакису, что в середине Веками это называлось “болезнью святых” - у святых, которые поддавались

искушению расстаться со своей жизнью в пустыне и отправиться в города, появлялись ужасные гноящиеся язвы.

Секс в целом представляет собой интересный предмет изучения для феноменолога, потому что это отчасти эмоциональная, отчасти физическая активность, и оба аспекта подвержены

интенциональность.* Опять же, мы склонны думать о сексуальном влечении как об “автоматической” физической активности, особенно потому, что сексуальный стимул может вызывать сильный эффект как автоматическое действие. математический рефлекс. Однако феномен “фиаско” показывает, что мужчина стремится к объекту своего сексуального влечения и может споткнуться по пути и отбросить его. Мастурбация раскрывает полностью интенциональную природу сексуальной активности; здесь разум просто “создает” воображаемый сексуальный объект.

Таким образом, интенциональность может существовать на многих уровнях. Она может быть почти осознанной — например, когда я убеждаю себя, что получу удовольствие от переживания, которое, скорее всего, будет неприятным, — или полностью бессознательной, как в случае с тестом Мюллера-Эффект Лайера и многие другие подобные зрительные иллюзии, используемые психиатрами.

Все это означает, что интенциональность применяется к действиям , которые мы считаем механическими и которые на самом деле вызываем сами. Мы думаем, что что-то просто “происходит”, как камень, падающий, когда мы его роняем, хотя на самом деле мы сами стали причиной этого.

Когда интенциональность проявляется на сознательном или почти бессознательном уровне, Сартр называет это “недобросовестностью”.* Человек знает , что он делает, — например, когда он поддается какому-то порочащему импульсу, - но предпочитает не обращать внимания на это знание, потому что не хочет ставить себя в неловкое положение. Короче говоря, недобросовестность - это разновидность духовной или психологической лени.

Вот еще несколько примеров интенциональности, выбранных

наугад, чтобы читатель мог понять их значение:

(a) Если я смотрю на облака, я вижу различные формы или лица. Если я на мгновение взгляну в другую сторону, лица исчезнут - не потому, что облака изменились, а потому, что

потому что я “видел” лица только потому, что тщательно настраивал свое внимание так, чтобы замечать одни вещи и исключать другие.

(б) Когда моя маленькая дочь падает, я вижу, как она на самом деле решает, плакать ей или нет - позволит ли она себе обидеться или расстроится, или продолжит игру.

(c) Иногда можно опьянеть от двух бокалов пива, а иногда можно пить виски целый вечер и все равно чувствовать себя трезвым. Опьянение лишь отчасти носит физический характер; в гораздо большей степени оно зависит от намерений.

(d) Когда я чувствую себя больным, я обычно могу предотвратить это с помощью определенного настроя ума - целенаправленного привлечения своей здоровой энергии. Это, конечно, в целом относится к нашему физическому состоянию. Головные боли обычно возникают намеренно.

(д) Сонливость. Я могу ложиться спать, чувствуя себя совершенно измотанным, неспособным сосредоточить свое внимание на чем-либо. Если бы кто-нибудь разбудил меня из -за пожара в соседнем доме, сонливость исчезла бы.

(e) Я встречаю человека, которого часто видела издалека - возможно, на сцене или по телевизору, - и поражаюсь, что его лицо совершенно не похоже на то, каким я его себе представляла. Я понимаю, что , когда я смотрел на него издалека, я различал только некоторые его черты, а мое воображение добавляло другие - в основном в процессе ассоциации идей, вспоминая лица , которые он мне напоминал. Однако, наблюдая за ним по телевизору, я мог бы поклясться, что просто “вижу” его, а вовсе не “добавляю” что-либо еще.

Теперь станет ясно, что подразумевалось под предположением , что “детектив может быть убийцей”. Аналогичный сдвиг в

перспективе произошел в современной физике, когда Эйнштейн, Планк и Гейзенберг обнаружили, что полностью пассивный наблюдатель - это заблуждение. Вселенная

ведет себя как школьник, пытающийся писать, когда учитель заглядывает ему через плечо; он становится застенчивым и ведет себя по-другому.

Декарт думал, что сможет понять, из чего состоит Вселенная, если будет сидеть в своем кресле и задавать вопросы - совсем как ученый - и все это под последующие мыслители исходили из того же предположения. В наши дни даже ученые знают, что это всего лишь принятие желаемого за действительное. Разум - это не зеркало; это сложный аппарат, состоящий из призм, зеркал и линз, и философия не может даже начать, пока не узнает точную природу этого аппарата.

Теперь вам должно быть ясно, что слово “интенциональность ” означает в философии именно то, что оно означает в повседневной жизни. Вы можете опрокинуть стакан с водой случайно или намеренно - преднамеренно.

Но трудно осознать, что мое восприятие является “намеренным”. В конце концов, если я сажусь на булавку, я не “намереваюсь” причинить мне боль; это просто происходит.

Но здесь следует понимать , что феноменолог не отрицает непреднамеренного элемента в восприятии. тион. Если бы он это сделал, то оказался бы в положении епископа Беркли или Кант заявляли, что разум создает все , что он видит. Феноменология начинается с признания того, что внешний мир “действительно существует”; мой разум не создает его. Но ведь эта страница, которую вы читаете, тоже действительно существует, и я вложил определенный смысл в ее предложения. Но если вы читаете это, когда ваше внимание рассеяно, вы можете прочитать всю страницу , ничего не уловив. Независимо от того, насколько четко я пишу, это ничего не будет значить, пока ваш разум не выполнит половину работы. Более того, вы должны были научиться читать;

а также, поскольку вы читаете книгу о философии, вы должны были научиться думать. Есть много людей, для которых эта книга была бы бессмысленной, независимо от того, насколько ясно она была написана.

Умение читать не приходит само по себе; мы не рождаемся со способностью к этому. Так же как и умение мыслить. С другой стороны, мы предполагаем, что мы рождаемся со способностью видеть и слышать; поэтому мы совершаем ошибку, предполагая, что я считаю, что зрение и слух просто “происходят” - автоматически, а не намеренно. Это не так. Это правда, что мы рождаемся уже способными видеть, но это не значит, что этому не нужно было учиться, как, например, чтению. Это означает только то, что наши далекие предки научились этому за нас и сумели передать это нам генетически. Можно только предполагать , что в каком-то отдаленном будущем дети могут родиться уже способными читать на своем родном языке - произошли странные биологические мутации. В этом случае какому-нибудь феноменологу будущего будет трудно заставить их понять, что чтение - это “намеренное” чтение, а не то, что просто “происходит”, когда взгляд падает на письменную речь.

Но, с другой стороны, не совсем верно, что нам не нужно учиться видеть. Любой художник скажет вам, что он должен был “научиться видеть”. И, по словам Эрика Кеннингтона, арабы, которых он рисовал для “Семи столпов мудрости” Лоуренса, часто отличаются от арабов, которых он рисовал для “Семи столпов мудрости” Лоуренса. они совершенно не могли узнать свои портреты. И не только это: они не могли разглядеть на бумаге ничего, кроме множества беспорядочных линий, которые могли быть чем угодно.

Все это может показаться достаточно интересным, но имеет сомнительное отношение к вопросу о новом экзистенциализме. Но теперь мы переходим к самому важному моменту. Мы “читаем” окружающий нас мир; на самом деле это беспорядочная масса образов и звуков. Наши органы чувств отфильтровывают около девяноста процентов изображений и звуков, так что нам даже не нужно их замечать. (В нервах есть небольшие промежутки, называемые синапсами; сильные импульсы могут проскакивать через эти промежутки подобно электрической

искре, но слабые отфильтровываются; в противном случае мы должны быть осведомлены о каждом малейшем изменении температуры-КРИЗИС В СОВРЕМЕННОМ МЫШЛЕНИИ

обстановка в комнате и шерстяной жилет - все равно что колючая проволока.) Затем органы чувств учатся ориентироваться в путанице оставшихся десяти процентов, изобретая удобные формулы и короткие пути (например, школьные стишки, которые помогали нам запомнить законы физики или порядок расположения цветов в спектре). Он упорядочивает мир по удобным символам и придает большее или меньшее значение различным символам в зависимости от своей склонности. У Г. К. Честертона есть интересная история об Отце Брауне под названием “Человек-невидимка”, в которой убийца умудряется входить в дом и выходить из него незамеченным, хотя за домом ведется наблюдение. тион. Убийцей оказывается почтальон, и никто его не замечает, потому что почтальон не считается человеком; он всего лишь символ социальной службы. То Сюжет Честертона, возможно, немного притянут за уши, но он указывает на истину: увидеть что-то на самом деле означает обратить на это внимание, придать этому значимость своим видением.

Но есть и еще один момент. За миллионы лет эволюции человеческий глаз преуспел в , казалось бы, невозможном: он научился различать энергию с длиной волны в семьсот тысячных сантиметра и энергию с длиной волны в четыреста тысячных сантиметра. На самом деле, он способен различать гораздо более тонкие оттенки энергии, поскольку две приведенные мною цифры - это длины волн красного и фиолетового света, и глаз действительно может различать все цвета между двумя концами спектра. Он делает это простым и очевидном способом - изобретает семь цветов спектра и привязывает их к разным длинам волн. В данный момент глаз не может различить волны меньшей длины, чем фиолетовая, - в этом не было бы смысла, поскольку очень немногие тела излучают энергию таких длин волн но если бы это вдруг стало необходимо для наблюдения-ЧТО ТАКОЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ? 49

для того, чтобы человеческий глаз мог различать более длинные волны, чем фиолетовая, было бы просто изобретено 5 новых цветов, которых в настоящее время не существует.

Эта проблема цвета была одной из тех, которые раньше беспокоили ученых, придерживавшихся строго материалистической точки зрения. Мы можем объяснить свет в

математических терминах - в виде длин волн, - но мы не можем объяснить реальную разницу, которую видит глаз между двумя цветами; красный сильно отличается от зеленого, и эта разница очень существенна. значение в натуральном выражении , а не в количестве (длина волны). Именно так; и феноменология делает строго материалистическую точку зрения совершенно несостоятельной. То, что является существенным в человеческих существах и человеческом опыте, невыразимо с точки зрения науки; если бы Декарт знал о длинах волн и имел некоторую подготовку в феноменологии, ему не нужно было бы говорить “Я мыслю, следовательно, я существую”, чтобы доказать, что человек не робот; феномен цвета доказал бы это гораздо более убедительно.

Теперь будет понятно, почему феноменология имеет важное значение для экзистенциализма. Философию обычно определяют как попытку понять вселенную, а экзистенциализм рассматривает отношение человека к Вселенной. Но жизнь в значительной степени зависит от привычек - и феноменологический анализ раскрывает новую глубину смысла этого банального утверждения, - а привычка означает принятие как должное. Наука противоположна принятию как должное. Романист имеет право на свою личную точку зрения; то же самое - в меньшей степени - относится и к историку; но ученый старается быть абсолютно объективным, исключая из этой точки зрения предрассудки и привычки мышления. Философ-экзистенциалист не может даже начать быть объективным, пока не узнает некоторые из них. особенность его образа мыслей - то, что он считает само собой разумеющимся, потому что это самый удобный способ постижения мира. Ницше цинично заметил, что

большая часть философии - это не более чем описание прихотей и предрассудков философов, своего рода замаскированная автобиография. Он был прав; так было неизбежно до Гуссерля. Философ может быть достаточно самокритичен , чтобы не

затрагивать свои реальные предубеждения в своей философии, но он все равно принимает свое восприятие как должное и рассматривает свое сознание как своего рода фотографическую пластинку, которая не может лгать. В этих условиях философия, называемая экзистенциализмом и посвященная пониманию природы человека , едва ли могла претендовать на то, чтобы стать чем-то иным, кроме признания личных надежд и страхов. Гуссерль создал возможность для того, чтобы философия стала настоящей наукой, а экзистенциализм - истинной философией.

Подводя итог этому разделу рассуждения:

Декарт указывал, что мы никогда по-настоящему не познаем сами объекты; все, что мы знаем, - это то воздействие, которое они оказывают на наши органы чувств. Это похоже на то, как если бы сознание было экраном радара, на котором появляются маленькие точки света. Декарт указывал , что эти точки могут изображать корабли или аэропланы, но мы никогда не сможем увидеть их на самом деле “я”; только точки на экране радара. Гуссерль сделал шаг, который кажется совершенно очевидным, но который ускользал от философов на протяжении двух столетий: он спросил, почему в таком случае мы не изучаем механику экрана радара? Если мы сможем узнать, как это работает, то у нас будет больше шансов обнаружить причину появления точек. Фено менология - это изучение экрана радара.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗНАЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ ГУССЕРЛЯ

Цель феноменологии - как применяется феноменология - Транзакционизм - Революция Уайтхеда

Суть феноменологического метода еще предстоит прояснить. Люди рождаются в мире , который они принимают как должное. Мир существовал до того, как они появились на свет, и их родители, похоже, знают , что такое жизнь. Мы все черпаем свои представления о нашей жизни. мы отличаемся от того, какими нас видят другие люди, и в ранние годы наша личность является не более чем пассивным отражением окружающей среды (хотя и

обусловлена, конечно, генетическими факторами). После этих самых ранних лет жизнь превращается в череду сюрпризов, потому что мы всегда видим то, что считаем само собой разумеющимся, с другой точки зрения. Возможно, этот первый шок от изменения точки зрения может быть вызван визитом к родственнику и открытием того, что у других людей могут быть совершенно иные представления о хороших манерах за столом, чем у ваших собственных родителей. Каждый раз , когда происходит что-то подобное, из здания клаустрофобии детства выпадает еще один кирпич, и мы испытываем шок свободы. (Возможно, это объясняет, почему большинство из нас так и не могут избавиться от определенного удовольствия от разрушения; оно по-прежнему ассоциируется со свободой.)

Для определенного типа мышления - например, для молодого Герберта Уэллса - наука является величайшим из всех потрясений

свободы. Весь привычный мир человека рушится, и в него врываются мощные потоки света. Каждое из прежних потрясений, связанных с обретением свободы, было частичным избавлением от личности, от представления о себе глазами других людей. Но внезапно появилась возможность почти немыслимой полной свободы от личности. Никакое другое изучение не может произвести такого эффекта: литература, музыка, история - все это действует как катализаторы на старую личность, превращая ее во что-то новое; но старая основа исследования остаются, поскольку это, по сути, “человеческие” исследования, и они обращены к нам как к человеческим существам и подчеркивают, что мы являемся членами человеческой семьи. Наука - это знание внешней природы, и она не привлекает нас как людей. Ученый, читающий статью на свою тему, с таким же успехом мог бы быть марсианином, или бестелесным мозгом, или светящимся шаром. Перед лицом этого абсолютно безличного знания тот факт, что я являюсь существом с двумя руками, двумя ногами и головой, совершенно неуместен. Во всяком случае, именно такое чувство

возникает у человека, когда наука оказывает свое первое значительное воздействие.

Когда мы говорим, что кто-то “в конце концов, всего лишь человек”, мы обычно имеем в виду слабость или глупость. Научное видение, похоже, допускает возможность существования людей, которые не являются “людьми” в этом смысле - “людей, подобных богам”. Бертран Рассел выразил это в письме, написанном в

1918:

‘Я должен, прежде чем умру, найти какой—нибудь способ выразить то главное , что есть во мне, чего я еще никогда не говорил - то, что является не любовью, не ненавистью, не жалостью и не презрением, а самим дыханием жизни, яростным и приходящим издалека, приносящим в человеческую жизнь то , что необъятность и пугающая бесстрастная сила нечеловеческих вещей.. I 1

1. Цитируется Аланом Вудом. См. “Рассел: Мое философское развитие” , стр. 261.

(Любопытно, что Рассел всегда был таким яростным противником философии Ницше, которая является воплощением этой идеи.)

По сути, это видение движет всей наукой и философией.

За этим неизбежно последует разочарование. Ученый, возможно, теперь способен вырваться из замкнутого и сугубо личного мира своего детства, отвергнуть его интеллектуальные предрассудки и даже разрушить большинство его эмоциональных рефлексов; но он остается человеком в человеческом теле, и каким-то образом все знания в мире оставляют его в основном неизменным. Это признак Поразительный гений Гете в том, что он сумел выразить это разочарование в “Фаусте” еще до того, как начался научный век . Ибо именно на это жалуется Фауст в начале драмы. Он изучал философию, медицину, юриспруденцию, теологию и все еще чувствует себя “не мудрее, чем раньше”. Какой смысл знать так много, если вы, в сущности, чувствуете разочарование и застой, так что завидуете мужланам, танцующим на деревенском лугу?

Таким образом, кажется, что научное видение обещает нечто такое, чего оно не может достичь. В этом источник отчаяния девятнадцатого века, выраженного, например, в романе Теннисона “In Memoriam”, и, в конечном счете, интеллектуального нигилизма наших дней. Казалось, что наука, в конце концов, не может заменить религию; и все же ее предпосылки отравили религию медленным действием, от

которого она , очевидно, никогда не сможет оправиться. Итак, что же нужно сделать?

И теперь можно увидеть все значение этого Революция Гуссерля. Он отмечает, что если философия оказывается в тупике, то это просто потому , что до сих пор она была наукой, похожей на полумеру. Наука может

кажется, что это вырывает человека из его мира провинциализма и предрассудков; но Гуссерль показал, что предрасположенность человека суждения проникают гораздо глубже, чем его интеллект или эмоции. Сознание само по себе “предвзято”, то есть преднамеренно. Я родился в “ситуации”, которая включает в себя мое семейное и социальное происхождение, и я вырасту с определенными интеллектуальными и эмоциональными предрассудками, которые являются их результатом. Наука может помочь мне избавиться от большинства из них. Но я также рожден с привычками восприятия, которые постепенно вырабатывались на протяжении миллионов лет и которые наука оставляет нетронутыми. По общему признанию, некоторые из этих представлений расширяются по мере того, как я становлюсь старше: у меня может развиться интерес к музыке, поэзии или религии. Но эти вещи только прояснят мне, что именно мучает Фауст: это простое знание - науки, философии и т.д. - не оказывает радикального воздействия на мою сущность в виде свечения новый фрагмент жизни, стремящийся быть более живым. Если знаешь выступ на самом деле должен воспламенить все мое существо и вызвать его взрыв. кроме того, она должна быть способна не только разрушить мои детские предрассудки и выпустить меня в более широкий мир универсальных знаний; она также должна дать мне возможность понять свою внутреннюю сущность: что происходит, например, с моим сознанием, когда меня трогает великая музыка. Если это удастся сделать, то огромное облегчение, которое обещает наука, может стать реальной возможностью. Сумев отойти от своих привычек

восприятия, я открою секрет поэзии и мистицизма. Рембо уловил эту истину, когда говорил о “систематическом расстройстве чувств”; наука, в конце концов, - это систематическое расстройство человеческих предрассудков, и Гуссерль показал, что сознание также “подвержено предрассудкам”; к сожалению, Рембо понятия не имел, с чего начать, и напрасно тратил время на эксперименты с наркотиками и алкоголь, пока его проницательность не померкла.

Животное - существо пассивное; оно приспосабливается к окружающей среде. мент и оставляет все как есть. Человек стал эволюционной силой, когда преодолел “пассивное заблуждение”, управляющее поведением животного, то есть когда он обнаружил, что его усилия могут изменить мир. Человек - это существо, которое сделало открытие мистера Полли: “Если вам не нравится ваша жизнь, вы можете изменить ее”. Человек зашел в тупик в своем эволюционном развитии, потому что он еще не сделал открытия о том, что его восприятие тоже можно изменить; что касается сознания, то он все еще страдает от “пассивного заблуждения” - что вещи таковы, каковы они есть, такими они и должны оставаться.

Как экзистенциалисты пытались использовать феноменологию Мартин Хайдеггер, с его вопрошающим религиозным настроем перамент, столь близкий к Кьеркегору, сразу же увидел возможности открытий Гуссерля для экзистенциализма. Философия со времен Декарта отказывалась признавать , что человек может быть подходящим предметом для ее размышлений. Философ, по словам Декарта, должен начинать с вопроса: Что я могу знать? Это означало, что философия интересовалась только человеком познающим, а не человеком любящим и страдающим, “мыслящим тростником” с его слабостью, деградацией и странными вспышками величия. Для Кирке Гаарда это было большой трагедией. Как, спрашивал он, философия может быть настолько глупой, чтобы концентрироваться на второстепенном вопросе и игнорировать действительно важный вопрос, единственный по-настоящему важный вопрос? Это был вопрос, который мучил Кьеркегора днем и ночью и вызывал в нем одновременно и мучение, и экстаз. Предыдущие века были неправы; человек - не пассивное создание, призванное подчиняться закону и возделывать свой сад. Литература, музыка,

философия девятнадцатого века говорили о новом видении человека как чего-то бурлящего

и продвигаемся ощупью к новому состоянию бытия. Однако даже Гегель, с его видением истории как движения духа, не смог уловить всей сути этой новой ситуации: человек внезапно столкнулся с возможностью обретения нового вида свободы. Мысля в терминах истории, Гегель автоматически преуменьшал роль индивида; но важным в этой романтической свободе было то, что она была индивидуальной. Охваченный ее властью, человек переставал чувствовать себя просто частью общества, представителем биологического вида; он становился таким же уникальным, как Бог. Таким образом, не могло быть философской системы, которая понимала бы эту свободу, поскольку само понятие системы лишало ее сущности.

Но Кьеркегор чувствовал , что это непонимание загоняет его в угол. Нрав средневековых святых показался ему более близким; он поддался искушению стать просто антигегелевиком, анти-ученый, неохристианин. Было неизбежно, что его протест был неправильно понят и проигнорирован, поскольку он выражал его таким образом, который вызывал непонимание. После “Ненаучного постскриптума” (одного названия было достаточно , чтобы заставить его современников поморщить носы) он больше не предпринимал попыток пойти навстречу философам; он стал проповедником, торговцем религиозными парадоксами.

Хайдеггер был полон решимости не попасть в эту ловушку; что бы ни случилось, он никогда не дал бы философам шанса отвергнуть его идеи, заявив, что они выходят за рамки философии. А “Бытие и время” стали великолепным началом его кампании: блестящей, эрудированной (с использованием греческих цитат), строго феноменологической по методу и почти без упоминания религии. Заявив, что философия со времен греков забыла о великом вопросе бытия (seinfrage) и что он намеревался возродить его. Хайдеггер перешел к

на безопасном расстоянии от религии. В то время мало кто

замечал, что ближайшим родственником мысли и/или ее, в эмоциональном смысле, являются размышления Паскаля.

Бытие и время - это, главным образом, попытка описать психологический (или духовный?) проблемы поэта с точки зрения психологии. Это предложение звучит тавтологично, пока мы не осознаем, что Хайдеггер имел в виду психологию со строго феноменологическим методом, то есть без Фрейдистские предположения о либидо или желании смерти. Отправной точкой поиска и/или приспособления является то, что человек оказывается опутанным психологическими цепями и лишь изредка ощущает проблески свободы - или, по замечательному выражению Уильяма Киммела, “фундаментальное отчуждение существ от источника силы, смысла и цели”1.

Само стремление Хайдеггера пойти навстречу философам привело к его гибели; он столкнулся с той же проблемой, что и Кьеркегор. Суть экзистенциализма в том, что переживание свободы настолько уникально, что попытка вписать его в философскую систему обречена на провал. “О мире и времени” должно было быть три тома, но был опубликован только первый из них. Хайдеггер сказал, что второй был написан, но, как ему показалось, не соответствовал основным стандартам ясности. Ему можно верить. Но, по крайней мере, завоевав в западной философской традиции репутацию человека, способного к устойчивому мышлению , Хайдеггер теперь мог обратиться к более близким по духу способам самовыражения — к попыткам выразить себя в странных, аллюзионных эссе о поэзии или книгах, полных непонятных афоризмов. Хайдеггер очень быстро отказался от гуссерлевского метода. В результате он остается одним из самых интересных и вызывающих современных мыслителей, но в то же время каким-то образом дает

1. Поиск бытия; избранные тексты по экзистенциализму, Полдень, Нью-Йорк, 1962 год.

впечатление незавершенности, как от фундамента какого-нибудь огромного дворца, достройка которого обошлась слишком дорого.

Аналогичен случай с Сартром; с его первых попыток применить метод Гуссерля также было совершенно очевидно, что он делает

первые шаги по замкнутому кругу.

Итак, Гуссерль не только предписал метод чисто описательного анализа человеческого сознания; он также сформулировал конечную цель феноменолога . Наука, как уже отмечалось, способна освободить человека от его “ложного я” - представлений о себе самом о себе и мире, построенных на детских предрассудках. Гуссерль предположил - вполне естественно, - что по мере того, как человек посредством научного анализа избавляется от всех ложных представлений о себе и мире и приходит к осознанию того, что он сам несет ответственность за многое из того, что он считал “объективным” , он придет к осознанию своего истинного “я”, управляющего восприятием и всем остальным. другие жизненные акты. Эта идея кажется достаточно здравой, и наши интуитивные представления о наших “Я”, похоже, поддерживает это.

Сартр, как можно понять из его автобиографии, был человеком, страдавшим странной клаустрофобией, постоянно испытывавшим отвращение к самому себе; философия оказала на него то же воздействие , что наука на молодого Уэллса, - она давала ощущение освобождения, “пугающей бесстрастной силы нечеловеческих вещей’. Феноменология Гуссерля стала для него, как и для Хайдеггера, метод, с помощью которого вопросы о свободе и предназначении человека могли бы быть вновь вынесены за рамки философии. Но рассуждения Гуссерля о ” трансцендентальном эго” (то есть об “истинном я”, которое “преднамеряет” все интенциональные действия и конституирует мир), казалось, Сартр - пережиток романтического идеализма и угроза статусу феноменологии как академической философии. Сартр стал еще и роялистом ради короля, еще и феноменологом-

логичнее, чем Гуссерль, и провозгласивший, что не существует такого конституирующего эго, никакого “истинного я”. Сознание не только интенционально; это интенциональность.

Этот вопрос заслуживает более пристального изучения, поскольку он является основополагающим для “старого экзистенциализма”.

Гуссерль указывал, что сознание является интенциональным. Я не просто вижу что-то; я направляю свое внимание на объект, как если бы я стрелял из ружья в цель. Если я этого не делаю, то Я не осознаю, на что я смотрю.

Теперь Сартр идет дальше. Он заявляет , что быть сознательным - значит осознавать что-то. ‘Сознание, которое перестает быть сознанием чего-либо, по этой самой причине перестало бы существовать” (Z, “Воображаемый”). Но так ли это? Я могу смотреть на вещь, не видя ее, но я все еще в сознании. Сартр ответил бы: Потому что вы осознаете что-то еще. Возможно, ваше внимание блуждает где -то еще, но оно где-то есть. Но так ли это? Могу ли я быть сознательным, но ничего не осознавать? (используя выражение Т. С. Элиота). Мерло-Понти, другой выдающийся феноменолог , согласен с тем, что большая часть сознания является интенциональным, но предполагает, что сознание, которое мы испытываем на грани сна, не является интенциональным. Если я закрою глаза, я могу “ничего не осознавать”, но есть явная разница между этим осознанием ничего и настоящим засыпанием.

Сартр, однако, не согласен с этим. Обычное представление о сознании состоит в том, что это своего рода свет, с помощью которого мы видим вещи. Но свет должен быть включен, и у него есть источник. Согласно Сартру, у него нет другого источника, кроме самого объекта; это как если бы объект был, так сказать, светящимся. Он выражает свою точку зрения графически:

‘Представьте себе связанную серию взрывов, которые отрывают нас от самих себя… которые бросают нас на… сухую пыль этого мира, на грубую землю, среди вещей; представьте

что мы, таким образом, отвергнуты, покинуты самой нашей природой в безразличном, враждебном и беспокойном мире; тогда вы бы поняли глубокий смысл открытия, которое Гуссерль выражается в знаменитой фразе: “Всякое сознание - это сознание чего-то”. ’\

Здесь Сартр пошел дальше Гуссерля; он рассматривает сознание как нечто пассивное, как “ветер, дующий навстречу объектам”, и пишет: “Если, несмотря ни на что, вы войдете “в” сознание, вас подхватит вихрь и выбросит наружу… потому что сознание обладает никакого “внутри”; это не что иное, как внешняя сторона самого себя.’ (Ситуаций ,

Сартр считает, что он был зачистки теории Гуссерля всех идеалистический бред и размещения экзистенциализм в СОМ полностью научной основе. На самом деле он просто перечеркнул все, что намеревался сделать Гуссерль. В старых механических теориях человека не было необходимости в сознании, потому что все, что люди, по-видимому, делают по “свободной воле” , может быть объяснено исключительно как реакция на стимул; следовательно, психолог Уотсон сказал, что он никогда не наблюдал ничего, что можно было бы назвать сознательным несс! Точно так же Дэвид Хьюм говорил, что, когда он заглядывал внутрь себя в поисках своего “истинного я”, он никогда не мог по-настоящему увидеть свое “я”, а только множество восприятий и чувств. Все, что сделал Сартр, - это представил экзистенциалистскую вариацию на эту тему. Человек - это декартовский робот, обладающий сознанием, но его сознание механическое, как и все остальное в нем; у робота просто на лбу установлена фара , чтобы он мог видеть вперед. Согласно с Сартр, нет никакого “Я”, которое руководило бы сознанием; сознание - это “Я”, и это пустота, простое условие единства опыта.

Эта точка зрения была изложена в ранних философских трудах Сартра. 1. Ситуации, 1, стр. 33. Цитируется Морисом Натансоном, стр. 28.

1

ЗНАЧЕНИЕ ГУССЕРЛЕВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 6l

работа, эссе под названием “Трансценденция эго”. Трудно понять, как ему удалось сохранить точку зрения , что сознание вообще является интенциональным, поскольку он сводил сознание к чему-то пассивному. Сознательный По Сартру, природа подобна морю, притягиваемому к объектам подобно тому, как Луна притягивает прилив - под действием силы тяжести.

Таким образом, очевидно, что в основе философии Сартра лежит фундаментальное противоречие самому себе - противоречие , которое является отражением его противоречивых желаний быть экзистенциалистом и в то же время оставаться строгим ученым. Его фраза о том, что он “брошен” среди предметов и “ради заложены самой нашей природой” - это картина того, что он

называет ‘тошнота’ в романе с таким названием, и мы уже обсуждали вопрос о том, почему реакция Сартра на “голое существование” так не похожа на реакцию Хайдеггера или Олдоса Хаксли. Таким образом, и здесь, как в феноменологии, так и в экзистенциализме, темперамент Сартра - его склонность быть антиэмоциональным, потому что он боится эмоций, - приводит его к позиции, которая подрывает основы его философии.

Цель феноменологии

Приведенные выше замечания о Хайдеггере и Сартре были своего рода отступлением, попыткой объяснить, как они пытались применить феноменологические методы и каким образом они потерпели неудачу. Хайдеггер, безусловно , остался верен гуссерлевскому духу в феноменологии - духу, который должен быть основой основательного экзистенциализма. Ибо и Гуссерль, и Хайдеггер руководствовались определенной оптимистической интуицией: они верили, что человек каким-то образом откроет секрет работы сознательного стать по-настоящему свободным существом, по-настоящему человечным, если мы определим животное как существо , обладающее стимулом и реакцией. В “Тошноте” Сартр говорит о

слабоумный владелец кафе: “Когда его кафе пустеет, его голова тоже пустеет”, то есть его сознание полностью зависит от внешних объектов, которые могут его вызвать; когда они исчезают, оно погружается в сон. Это должно было привести Сартра к пониманию того, что более удовлетворительный человек был бы менее зависим от объектов, более способен контролировать свое сознание. Но идея ‘контроля сознания “несс” предполагает наличие “контролера”, а этого Сартр допустить не мог.

И Гуссерль, и Хайдеггер считали, что феноменологический логический поиск даст человеку возможность ‘мистического’ опыта без необходимости в специфических христианских или йогических дисциплинах. Гуссерль сказал , что изучение интенциональности в действии приведет к “хранителям ключа к

высшим источникам бытия" (фраза, полностью принадлежащая Хайдеггеру) и к "раскрытию скрытого достижения". изменения трансцендентального эго'.

Как применяется феноменология

Теперь необходимо сказать еще кое -что о феноменологических дисциплинах и их действительных целях. Следует сразу признать, что существует столько же различных видов феноменологии, сколько и самих феноменологов. Так и должно быть. Феноменология - это метод; на самом деле, это не более чем другое название науки, попытка создать наиболее строгую форму науки. У разных ученых разные цели, разные области , к которым они применяют научный метод; так же обстоит дело и с феноменологией. Один из самых выдающихся современных феноменологов, Роман Ингарден, посвятил свою жизнь применению феноменологии к произведениям искусства; Мерло-Понти занимался феноменологическим анализом тела как источника смысла. Психотерапия является особенно богатой областью для применения феноменологии логика - на самом деле, возможно, самая богатая из всех. Какой бы она ни была.

филд, феноменология - это попытка наблюдать за вещами как за проявлениями сознания и, в конечном счете, усилить контроль человека над своим собственным существованием.

Сразу станет ясно, что цель Гуссерля в основе своей идентична цели Ясперса. Ясперс хочет, чтобы мы воспринимали знание как живой процесс, а человеческое отношение к нему - как динамичное, чтобы отбросить старое заблуждение о том, что мы пассивные существа перед лицом знания. Огромный город может внушать благоговейный трепет ребенку, но инженер-строитель знает , что он может разрушить его и перестроить заново сам. Философия Гуссерля преследует ту же цель: показать нам, что, хотя мы, возможно, и были заброшены в этот мир без " вашего позволения", мы ошибаемся, предполагая, что он существует независимо от нас. Это правда, что реальность существует отдельно от нас, но то, что мы ошибочно принимаем за мир, на самом деле является миром, созданным нами, выбранным из бесконечно большого числа сложная реальность. Он есть там, точно так же, как есть город. Но город был построен нашими

отцами, и наш мир был построен, был выбран нашими предками, которые передали нам свое видение в генах. Город - это удобное место для жизни, вот почему он был построен. Но если мы живем в городе, который угнетает нас своим уродством, мы можем переехать в другой (или даже построить свой собственный). То же самое верно и для созданного нами жизненного мира, в котором мы родились (и который Сартр, например, демонстрирует устойчивую тенденцию отождествлять себя с миром).

Чем на самом деле занимается феноменолог? Он применяет феноменологический метод к любой области своей деятельности. Необходимо вкратце сказать кое-что об этом феноменологическом методе.

Если я слушаю музыкальное произведение, которое меня волнует, я осознаю его исключительно как значение, то есть как то, что оно делает со мной. Если я еще и специалист по музыке, я вполне могу в то же время точно определить, что такое композитор.

он сумел тронуть или взволновать меня. Но если я буду слишком интересоваться последним аспектом и обращу свое внимание на механику музыки, я перестану чувствовать ее смысл и получать от нее такое глубокое удовольствие.

Теперь этот мир, в котором я живу, очень похож на музыкальное произведение. Мой день проходит как симфония, со скучными и волнующими отрывками, отрывками, которые вызывают грусть, отрывками, которые вызывают ярость или решимость, отрывками, которые почти полностью лишают меня внимания. Мой ‘жизненный мир” - мир моего жизненного опыта - предстает передо мной в виде ряда значений или полусмыслов. Но точно так же, как я могу переключить свое внимание со смысла симфонии на ее механику, я могу исследовать структуру своего опыта, своего “жизненного мира’. Феноменолог - это аналог музыкального теоретика, которому интересно выяснить, как композитор добился своих результатов. Но с одним важным отличием: феноменолог осознает , что он сам является композитором.

Таким образом, музыка имеет два уровня, и мы можем переключаться с одного на другой. Если я хочу полностью сконцентрироваться на механике музыки, мне придется постараться, чтобы она меня вообще не трогала, потому что это будет отвлекать меня. Гуссерль называет этот процесс сосредоточения на структуре музыки “заключением в скобки”. Я “заключаю в скобки” смысл и концентрируюсь на его структуре. Гуссерль называет каждый акт заключения в скобки ‘эпохой’. (Я упоминаю эти технические термины не потому, что предлагаю использовать их самостоятельно, а на тот случай , если читатель использует это изложение в качестве общего введения в феноменологию.) Первый этап состоит в том, чтобы вынести за скобки свою веру в реальное существование рассматриваемого объекта (или чувства, или чего бы то ни было еще). Я не говорю “это книга”; я отказываюсь верить в ее реальное существование остановитесь и скажите: “Я вижу красный параллелограмм, который, кажется, имеет толщину в дюйм”. (Где описание эмоций ограничено-ЗНАЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ ГУССЕРЛЯ 65

в конце концов, можно видеть, что этот метод способствовал бы честности.) Книга может быть миражом, галлюцинацией или

проецироваться на экран кинокамерой; я не спрашиваю об этом. Это первые эпохи.

Все еще существуют различные уровни объекта, которые можно “заключить в скобки”. Например, если я смотрю на жертву когда

я рисую картину, рассказывающую историю, я могу сначала вычеркнуть свое восприятие ее как истории, затем как картины, содержащей человеческие фигуры, так что теперь я вижу ее просто как дизайн, структуру; я могу даже вычеркнуть свое восприятие ее цветов, пока не увижу ее как чистую картину. структура. Это три уровня, которые могут быть перенесены в последующие эпохи.

Трансакционизм

В последние годы группа американских психологов, называющих себя “трансакционистами”, проводила исследования, которые по сути являются практическими феноменами. менология, и это может вернуть дискуссию на землю на данном этапе, если я расскажу об их работе. 1

Транзакционизм - это психология восприятия, основанная на признании того, что не существует такой вещи, как “простое восприятие”, то есть восприятие, которое не является преднамеренным. Восприятие - это не пассивная деятельность, для которой требуется только открыть глаза; это взаимодействие с окружающей средой, подобное походу в магазин и покупке фунта сливочного масла. Это утверждение не вызовет никаких затруднений у тех, кто понял предыдущую главу.

Оригинальность трансакционизма заключается в том, что некоторые эксперименты, разработанные для того, чтобы показать, что восприятие - это процесс трансакции. тион. Мы все знакомы с определенными ошибками восприятия; например, если я сижу в поезде на станции, а

1. Наиболее известными представителями этого движения являются покойный Адельберт Эймс-младший, Хэдли Кэнтрил, Уильям Х. Иттельсон и Франклин П. Килпатрик.

поезд, идущий рядом со мной, трогается, я на мгновение предполагаю , что это движется мой собственный поезд, и вынужден повернуть голову, чтобы взглянуть на платформу, прежде чем мне удается убедить свои глаза, что я все еще стою на месте.

На самом деле “восприятие” состоит по меньшей мере на пятьдесят процентов из допущений, и эти допущения зависят от общих обстоятельств , в которых происходит восприятие. Например, если я сижу в кабинете начальника станции, смотрю в окно и вижу, как трогается поезд, у меня ни на секунду не возникает сомнений в том, двигаюсь ли я, потому что я не ожидаю, что буду двигаться.

В книге “Символизм, его значение и эффект”. , Уайтхед отмечал, что восприятие обычно основано на символах, как и язык; я говорю, что вижу книгу, когда на самом деле вижу красный продолговатый предмет. Трансакционисты (на которых больше повлиял Уайтхед, чем Гуссерль) идут на этот шаг дальше и указывают, что когда я что-то “воспринимаю” , я обычно заключаю пари с самим собой, что то, что я воспринимаю, является тем, о чем я думаю. Чтобы действовать и вообще жить, я должен делать такие ставки; я не могу позволить себе быть абсолютно уверенным в том, что все обстоит именно так, как я думаю . Но это означает, что мы не должны полагаться на свое восприятие. точно так же, как Ницше не был готов принимать философию за ее чистую монету; мы должны допускать предрассудки и искажения.

Одним из наиболее эффективных экспериментов, разработанных трансакционистами, была “искаженная комната”. Если я сфотографирую лежащего человека, поднеся камеру близко к его ногам, на снимке будет изображен человек с огромными ступнями и крошечной головой. Теперь предположим, что кто -то показывает мне такую фотографию человека с огромными ступнями и маленькой головой. Я говорю ему: “Вы держите камеру слишком близко к его ногам”, но фотограф отвечает: “Нет, на самом деле, у него слишком большие ноги…”

В эксперименте с искаженной комнатой применяется этот принцип. Меня подводят к маленькому глазку в экране. Я смотрю сквозь него и вижу то, что кажется обычной комнатой. В одном углу стоит маленький мальчик, а в другом - высокий мужчина. Там также есть пара стульев, стоящих рядом. там, где ближе к задней стене. Теперь мужчина и маленький мальчик приближаются друг к другу. При этом они, кажется , меняются в размерах, и когда они достигают противоположных углов, их роли меняются местами. Мальчик теперь огромный, а мужчина уменьшился вдвое.

Это трюк с перспективой. Я предположил, что это обычная квадратная комната, потому что стена, обращенная ко мне, казалась обычной квадратной. На самом деле стена была трапециевидной формы как показано ниже:

Но чего я не заметил, так это того, что она была наклонена в мою сторону, так что короткий конец трапеции был ближе всего к моему глазу, и казалось, что она точно такой же длины, как и длинный конец. (Принцип тот же, что и при фотографировании человека с большими ступнями.) Следовательно, мне казалось, что я смотрю на обычный прямоугольник. Иногда в стене есть два окна, тоже трапециевидные-имеют такую форму, что они также кажутся квадратными. Это может привести к поразительным последствиям: если лицо мужчины смотрит на меня сначала через одно окно, а затем, мгновение спустя, через другое, мне кажется, что его голова внезапно изменилась

размер. Стулья в комнате, конечно же, сконструированы по тому же “искаженному” принципу.

Адельберт Эймс сконструировал еще одну интересную конструкцию паратус представляет собой большую трапецию с нарисованными на ней многочисленными окнами. Тени также нанесены, чтобы усилить иллюзию того, что трапеция представляет собой квадрат. Когда это устройство подвешивают на веревочке и заставляют вращаться, кажется, что оно на самом деле колеблется взад и вперед на угол около 100°. Если трубу просунуть в одно из окон под углом, то будет видно, что труба продолжает двигаться нормально, в то время как окно поворачивается назад. Из этого следует, что в определенных местах труба изгибается.

Эти эксперименты могут быть отвергнуты - как это делают некоторые английские психологи - как простые эксперименты с иллюзиями. Но они помогают нам практически осознать истинность некоторых утверждений феноменологии, особенно центрального из них, согласно которому наше восприятие так же подвержено предубеждениям и искажениям, как и наши эмоции. Один любопытный результат, полученный в результате этих экспериментов, известен как “феномен Хони”. Уже отмечалось , что если в стене искаженной комнаты есть два окна , то лицо человека, появляющееся сначала в одном, а затем в другом , будет казаться изменяющимся в размерах. Но в одном случае женщина не заметила такой перемены в лице мужчины, стоявшего у двух окон. Причина была в том, что она была замужем за ним; и не только в этом, но и в том, что они были женаты долгое время, и муж был очень выдающимся человеком, которого жена уважала. Ее эмоциональное отношение к мужу было таково, что она не заметила никаких изменений ни тогда, когда его лицо переходило от окна к окну, ни когда он ходил из угла в угол искаженной комнаты. Можно предположить , что жена смогла заметить, что комната исказилась, когда ее муж не смог изменить размер.

Аналогичные эксперименты были проведены с военнослужащими военно-морского флота; на этот раз человек в искаженной комнате был иногда рекрутом, иногда “авторитетной фигурой” - сержантом или офицером. Если наблюдатель был новобранцем, то снова проявлялся “эффект Хони”: то есть авторитетная фигура воспринималась менее искаженно, чем новобранец. (В первоначальном эксперименте “Хони” было прозвищем жены для

мужа.) Здесь видно, что восприятие изменяется в зависимости от ментального отношения воспринимающего к воспринимаемому. Эти эксперименты представляют собой безвредную и временную форму “промывания мозгов”. Их результаты обобщены Хэдли Кэнтрил:

‘Таким образом, восприятие никогда не может быть абсолютным раскрытием реальности; вместо этого оно раскрывает только возможность, “наилучший выбор” относительно того, что и где находятся внешние объекты и каковы их характеристики”. [Размышления о человеческом Венчур , стр. 45 .)

Именно “феномен Хони” указывает на возможную важность подхода Кэнтрила. Мы принимаем мир таким, какой он есть, - чем-то постоянным, реальным и стабильным, имеющим гораздо большее значение, чем наше незначительное и непостоянное “я”. Если мы хотим изменить свое восприятие, мы должны напиться или принять наркотики. Мы знаем , что Ван Гог воспринимал кипарисы как живые факелы, а звездную ночь - как водоворот жизни и творческой энергии; но мы склонны полагать, подобно Камю, что такое восприятие “ненормально” и уж точно не имеет отношения к нашему образу жизни. Феномен Хони указывает на то, что на восприятие совершенно обычных людей влияют их бессознательные установки. В случае новобранцев военно-морского флота отношение, которое повлияло на их восприятие, было негативным - страх, но в случае жены - позитивным - любовь и уважение. Разве не возможно, что именно видение Ван Гога следует назвать “нормальным” (то есть более верным по отношению к нижнему-70

лживая реальность воспринимаемого), в то время как наше повседневное восприятие, которое, как мы предполагаем, открывает нам “реальность” - по большей части чрезвычайно унылую реальность - искажено совершенно негативными предположениями, такими как страх, скука, уверенность в собственной незначительности? Пятьдесят лет назад такой вопрос был бы расценен как безнадежно идеалистический и ненаучный. 5 В наши дни, благодаря работам таких людей, как Кэнтрил, Маслоу и экзистенциальный психолог. по сути (о которых я

расскажу позже), это имеет значение, которое можно проверить в лаборатории.

Фраза “более соответствует реальности, лежащей в основе воспринимаемого” может показаться некоторым читателям попыткой словесной ловкости рук; в конце концов, зачем называть то или иное видение ‘нормальным”, если мы признаем, что видение зависит от того, что мы в него вкладываем? Но рассуждать таким образом - значит не понимать всего смысла феноменологического вывода - смотри. Это правда, что наше восприятие-это тщательно заранее judiced и выборочный. Но тогда, в некотором смысле, “реальность” снаружи - это жужжащий хаос, похожий на звуки настраивающегося оркестра. За миллионы лет эволюции мы развили способность различать различные инструменты; наши органы чувств “отфильтровывают” большую часть хаоса , чтобы он никогда не доходил до нас; наша нервная система справляется с остальным, придавая ему смысл. Но наше восприятие по-прежнему на втором месте, на много ступеней лучше, чем у изначального хаоса, но далеко от его возможностей видеть порядок и смысл во Вселенной. Мы могли бы выразить положение дел, сказав, что нынешний “порядок”, царящий в нашем восприятии, является своего рода военным положением. Жизнь нелегка; она слишком сложна, поэтому нам приходится ограничивать свое восприятие, чтобы справиться с ней, подобно тому, как армейский командир вынужден объявить военное положение в городе, который в любой момент может полностью выйти из-под контроля; но никто не утверждает, что военное положение - это идеальное условие для воспитания ребенка. Город Солнца. То

военное положение привело к тому, что Хайдеггер называет “забвением существования”. Поэтому не будет ошибкой использовать фразу, подобную “более близкую к основополагающей реальности’ в феноменологическом смысле. Ошибка возникает из-за старого предположения, что восприятие пассивно и что, следовательно, это чисто относительный процесс, который мы считаем “нормальным”. Все воспринимаемые восприятие Ван Гога более интенционально, чем наше повседневное восприятие, и поскольку без интенциональности не может быть восприятия, это вовсе не относительный вопрос, а вопрос жизни и смерти. Нет интенциональности - нет восприятия.

Читателям, которые внимательно следили за этим рассуждением, будет понятно, что в нем предлагаются идеи исключительной важности. Переход к “феноменологической точке зрения” может оказаться трудным для понимания, точно так

же, как в начале этого столетия разница между физикой Эйнштейна и физикой Ньютона казалась раздражающе неуловимой ; но последствия изменения точки зрения эти моменты одинаково важны в обоих случаях. Феноменология - это Коперниканская революция в мышлении, все последствия которой были скрыты даже от ее основателя Гуссерля. Высказанные пятьдесят лет назад, некоторые из ее центральных концепций прозвучали бы “антинаучно” в том смысле, что Блейк или Д.Х. Лоуренс были антинаучными. Но все, что произошло на самом деле, - это то, что наука пересмотрела свои основы с целью устранения аномалий и противоречий и стала более “научной”, чем когда-либо. Старая концепция науки как простого объективного наблюдения была ненаучной.

Революция Уайтхеда

Уайтхед, который мало или совсем ничего не знал о работах Гуссерля, тем не менее пришел к выводам, которые принципиально

Кризис современной мысли

похоже, и, возможно, стоит сделать еще одно краткое отступление , чтобы упомянуть об этом. В книге “Символизм, его значение и влияние” он предположил, что мы ошибаемся, полагая, что обладаем только одним способом восприятия — нашим “непосредственным восприятием”.* о вещах. Я, безусловно, обладаю этим способом восприятия, который можно описать как своего рода щупальце, выходящее из моих глаз и ощупывающее поверхность окружающих меня предметов. Но у меня есть и второй способ восприятия. процесс, который вряд ли можно описать с помощью сравнения, разве что сказать, что это похоже на включение электрического света в темной комнате и внезапное раскрытие всей ситуации , на оценку которой потребовались бы часы, чтобы “ощупать” комнату в темноте. Другими словами, мы обладаем смысловым восприятием, и эти два способа восприятия должны работать сообща. Другая аналогия поможет прояснить смысл сказанного. Во время войны,

когда речь шла о разрушении некоторых плотин в Германии, Королевские ВВС столкнулись с проблемой, как заставить самолет пролетать очень низко над озером на точно определенной высоте. Очевидно, что предложение провести длинную линейку от нижней части самолета до поверхности воды было не лучшим решением. Затем кто-то предложил очевидное и простое решение: установить два прожектора, один в носу, другой в хвосте самолета, лучи которых сходились бы точно на нужном расстоянии под самолетом. Все, что нужно было сделать пилоту, - это включить оба прожектора и, когда оба луча образовали единый круг на воде, удерживать самолет точно на этой высоте.

Мы склонны рассматривать восприятие как единый луч , который исходит из глаза и направляется к объектам. Но это только один из способов восприятия - непосредственность. Чтобы по-настоящему воспринимать что-либо, оба “способа” должны быть включены одновременно, и когда они сходятся идеально на объекте, тогда мы действительно “воспринимаем’ его.

Иногда, если мы очень устали или нервничаем, восприятие смысла исчезает почти полностью, и тогда мы просто видим вещи, но они лишены смысла. Герой “Тошноты” Сартра находился в таком положении. В основном, оба моих способа восприятия работают, но они не могут точно сфокусироваться на объекте. Это связано с тем, что восприятие смысла лучше всего работает на расстоянии, а непосредственное восприятие лучше всего работает на близком расстоянии, и я редко нахожусь на нужном расстоянии, чтобы они были равны. Кроме того, каждое колебание моей ментальной энергии это означает, что восприятие смысла становится более тусклым, а восприятие опосредованности возрастает. В определенные моменты сильного возбуждения или удовольствия все может происходить наоборот, и тогда я испытываю нечто противоположное забвению о существовании - ощущение, что все смыслы моего мира обостряются. Или, если использовать другое сравнение, мой повседневный опыт подобен игре на пианино, когда нога твердо стоит на педали, что приглушает звуки, так что каждая нота замирает, как только прозвучит, и нет ощущения непрерывности. Когда мое восприятие смысла усиливается, я как будто снимаю ногу с педали; каждая нота продолжает вибрировать, так что теперь мы получаем оркестровый эффект, при котором смыслы,

кажется, расходятся во все стороны, как рябь на пруду.

Обычная научная точка зрения гласит, что у нас есть только один способ восприятия - непосредственность, и значения - это не то, что мы воспринимаем, а то , к чему мы приходим с помощью нашего разума, складывая воедино отдельные ощущения, которые мы восприняли, подобно математической модели. специалист получает результат, складывая каждую цифру в столбик. Но это не совсем так. Это правда, что большинство бухгалтеров работают с одной цифрой за раз, и суммирование - это чисто мыслительный процесс; но легко представить себе математика, который настолько гениален, что столбец

в цифрах предстает перед ним в наглядном виде, и он мгновенно находит ответ. Затем он может подтвердить это более трудоемким методом, но процесс суммирования - это всего лишь длительный способ прийти к тому значению, которое он увидел в мгновение ока.

Вышеизложенное является краткой и, возможно, несколько искаженной версией тезиса Уайтхеда о символизме. Аргументация Уайтхеда начинается с нападок на Юма и его критику причинно-следственных связей (упомянутую ранее), так что он называет восприятие смысла “причинной эффективностью”, а восприятие непосредственности - “непосредственностью представления’. Все , что важно усвоить в данный момент, - это концепция восприятия как совмещения двух “лучей” восприятия. (Опять же, интерпретация концепции в этих терминах принадлежит мне). Все значение этого будет раскрыто во второй части этой книги.

Кстати, “два способа восприятия ” не обязательно должны восприниматься как буквальное описание того, как работает восприятие, а просто как модель, которая помогает нам понять его работу. В какой-то степени это, очевидно, противоречит феноменологии, поскольку “осмысленное восприятие” - это

другое название интенциональности, а феноменолог считает, что без интенциональности нет восприятия.

В чем, наконец, смысл всей этой дискуссии о механизме восприятия? Как это связано с проблемами человеческой свободы и фундаментальным “жизненным вопросом”1, который мучил Паскаля и Кьеркегора? Я попытаюсь прояснить это в следующей главе.

1. Я предпочитаю термин “жизненный вопрос” или “жизненное право” хайдеггеровскому “seinfrage”, который имеет более узкое применение.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НОВАЯ КАРТИНА ВСЕЛЕННОЙ

Потребность знать - Экзистенциальная психология-Случай с Марией - Пиковые переживания в психотерапии-Алкоголики, излеченные мескалином и ЛСД

Настоящая глава завершает работу по “подготовке почвы” для рассмотрения проблем “нового экзистенциализма”.

До сих пор я пытался показать, что в нашем представлении о науке произошла тихая, но фундаментальная революция. Ученый девятнадцатого века в какой-то степени видел себя человеком, сражающимся с силами самообмана и безвестности. Его представление о себе вызывало крайнюю реакцию; в противовес себе он видел церковь с ее палачами и инквизиторами и государство , заинтересованное в том, чтобы люди оставались невежественными и угнетенными. Как следствие, в науке утвердился тезис о том, что человек обычно переоценивает свою значимость во Вселенной, которая не подозревает о его существовании. Религии искажают правду о человеке, чтобы соответствовать желаниям глубоко задумавшись, ученый заявил: “Моя истина находится где-то там, в природе или космосе; мой метод постижения ее - беспристрастное наблюдение и

использование моего разума”. Он представлял себе идеального ученого как своего рода комбинацию фотоаппарата и арифмометра. Религия переоценивала человека; наука автоматически делала обратное. Религия утверждала , что человек обладает бессмертной душой; наука утверждала, что он - машина.

7. КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ МЫСЛИ

Религия утверждает, что человек является особым объектом Божьего внимания ; наука утверждает, что он был случайным продуктом нецелесообразной эволюции. Религия утверждает, что человек может грешить или быть добродетельным по своей собственной воле; наука утверждает, что человек - это игральный автомат, в котором нет свободы воли. Стриндберг высказал возражение против всего этого, процитировав святого Мартина:

‘[Люди] полагали, что подчиняются велениям смирения, когда отрицали, что земля и все, что есть во Вселенной, существует только благодаря человеку, на том основании, что принятие такой идеи было бы всего лишь самонадеянностью. Но они не испугались лени и трусости , которые являются неизбежными последствиями этой ложной скромности (Легенды (1912), Стр. 74 -)

Современный ученый просто начинает осознавать, что это видение науки было по-своему таким же односторонним и предвзятым, как и то, которое оно намеревалось вытеснить. Если идеальным ученым была машина, фотоаппарат с подключенным к нему арифмометром, что побуждало его искать истину? Что-то произошло. очевидно, что-то очень личное было упущено из виду. На это недавно блестяще указал выдающийся физик Майкл Поланьи в своей книге “Личное знание”, тезис которого заключается в том, что “строгая объективность” науки - это заблуждение. ‘Даже в точных науках “познание” - это искусство, логически необходимой частью которого является мастерство познающего, направляемое его страстным стремлением к все большему контакту с реальностью

“.

Речь идет о движущей силе науки. Ученый девятнадцатого века, возможно, насколько ему известно, говорил правду, когда говорил о чисто объективном стремлении к знанию; но если это и так, то только потому, что в глубине души он представляет себе мощь сил, выступающих против знания. Даже в такой книге, как “Религия и наука” Бертрана Рассела, прослеживается тенденция прославлять науку, акцентируя внимание на порочности

старые времена, когда ученого могли сжечь на костре, скорее напоминают русским коммунистам о злых временах царизма. В наши дни, когда наука выиграла свою битву, она утратила силу этого негативного побуждения, и ученый может видеть, что “объективное стремление к знаниям” никогда не было адекватным объяснением огромной жизнеспособности науки. Знания для чего? Не само по себе, а из-за некоего страстного и личного стремления установить контакт с реальностью и превратить знающего в нечто большее, чем арифмометр.

Потребность знать

Это возвращает нас к профессору Маслоу. В интересной статье под названием “Потребность знать и страх перед Зная это, Маслоу рассказывает, как в 1932 году он работал над замедленными реакциями у обезьян и спрашивал себя, почему обезьяны работают над некоторыми скучными задачами. И дело было не в куске хлеба, который они получали в награду, потому что иногда они решали проблему, а затем выбрасывали еду . Они работали почти так же хорошо за небольшие поленья или вообще без вознаграждения.

Шесть лет спустя одной из пациенток Маслоу была студентка колледжа , которая жаловалась на различные нервные заболевания, каждое из которых привело к полной потере интереса к жизни. Уильям Джеймс назвал ‘ангедонией’; скуку, даже физически это проявлялось в отсутствии менструаций. Она объяснила, что бросила колледж и надеется продолжить какую-нибудь работу, которая потребует от нее полного интеллектуального развития. отсюда. Это было время великой депрессии, и по счастливой случайности она нашла отличную работу с хорошей зарплатой в чу фабрика жевательной резинки, которая позволяла ей заботиться о своей безработной семье.

Вместо того, чтобы анализировать детские разочарования и травмы девочки в классической фрейдистской манере, Маслоу

высказал разумное предположение, что такая умная девушка , возможно, испытывает глубокое разочарование из-за того, что ей не удается использовать свой разум; он предложил заниматься неполный рабочий день. Лекарство подействовало; к девушке вернулся интерес к жизни, а физические симптомы исчезли.

Этот и подобные случаи привели Маслоу к выводу , близкому к выводу Майкла Поланви о том, что потребность в знаниях — это жгучий стимул, который не обязательно является проявлением более важных побуждений - потребности в безопасности и т.д. Это само по себе является основным психологическим стимулом. Непосредственное обследование психологически здоровых людей довольно четко показывает, что их положительно привлекает все таинственное, неизведанное, озадачивающее и необъяснимое. Это… резко контрастирует с психотравмирующим поведением. склонность логически больного человека бояться незнакомого, двусмысленного…" (Первая книга Ницше предполагает, что трагедия греков была проявлением их всепоглощающего интереса к жизни). Маслоу отмечает, что удовлетворение этой потребности в знании приносит удовлетворение, даже если оно приводит к болезненным результатам. Здоровый человек хочет знать правду, даже если это причиняет боль; только нездоровые люди предаются 'недобросовестности' для самозащиты.

Революционные последствия этого могут быть неочевидны на первый взгляд. Это означает, что фундаментальной движущей силой человеческой жизни является не какое-то фрейдистское либидо или жажда смерти, не страх перед неизвестным и не потребность в безопасности, а эволюционный аппетит, для которого другие аппетиты являются минимальными проявлениями. (То есть страх или потребность в безопасности становятся фундаментальными побуждениями только тогда, когда жизненные силы отступают, и оборонительная борьба - лучшее, с чем можно справиться.) Маслоу не использует фразу "эволюционный аппетит", но это явно подразумевается.

Читателям, живущим через сто лет, все это может показаться слишком очевидным, чтобы о нем говорить. Но психология в

середина двадцатого века все еще основана на предположениях , заимствованных у Фрейда и механистов девятнадцатого века. изм. Мужчинами движут три “Я” - самость, секс и общество, и большинство психологических заболеваний вызвано их неприспособленностью отношение “я” к сексу или обществу. Как только эта адаптация достигнута, единственным важным побуждением, которое остается, является желание доминировать, установить превосходство над остальным обществом. Это негативная картина. Джордж Оруэлл в эссе “Никаких орхидей для мисс Блэндиш” отметил, что этот крайне неприятный гангстерский триллер является всего лишь переводом на язык художественной литературы “реалистической” этики и философии наших дней. (То же самое можно сказать и о триллерах о Джеймсе Бонде конца пятидесятых.) Моральная атмосфера этих книг, с их насилием и садизмом, - это моральная атмосфера науки девятнадцатого века, за вычетом ее элемента “реакционного идеализма” (направленного против религиозного и политического угнетения). Точно так же, как за Чосером, кажется, скрывается вся панорама средневековой церкви; точно так же, как за Диккенсом скрывается весь вес британского протестантизма и гуманизма; точно так же и за Хэдли Чейз или Ян Флеминг - это вселенная науки девятнадцатого века, в которой земля - песчинка в пустой вселенной, а человек - эволюционная случайность, который оказался достаточно умен, чтобы питаться животным , которое хотело питаться им.

Можно возразить, что вся психология признает важность “потребности знать”; в конце концов, именно Фрейд продемонстрировал, что неврозы можно вылечить, дав пациенту представление об их причинах. Но в этой картине потребность в знании по-прежнему остается простым слугой воли к выживанию. Выводы из взглядов Маслоу идут гораздо дальше. В 1914 году Шоу использовал фразу ‘… стремление к плодотворной деятельности и высокому качеству жизни”. Если “потребность знать” - это просто одно из проявлений этого стремления

(хотя, возможно, и самый важный), тогда станет ясно, почему его нельзя интерпретировать как часть воли к выживанию и самоутверждению. Главной характеристикой человека является то, что его интересы выходят далеко за рамки простого выживания и комфорта. Потребность в выживании - это всего лишь подспудная потребность отдела “стремление к плодотворной деятельности и высокому качество жизни. 5 ˚

Здесь следует признать, что я использую слово “человек” в особом смысле. Владелец кафе у Сартра, у которого пустеет голова, когда пустеет его кафе, - человек в биологическом смысле. Но последние столетия стали свидетелями целого появляется тип человека, минимальные требования которого выходят за рамки сытого желудка и покладистого сексуального партнера. В своей автобиографии Герберт Уэллс отмечает, что теперь люди могут задавать вопросы, которые были бы непонятны пятьсот лет назад. Они могут сказать: “Да, вы зарабатываете на жизнь, вы содержите семью, вы любите и ненавидите, но - чем вы занимаетесь?” - Эта жизнь разума становится все более важной для все большего числа людей, и Уэллс продолжает: ” Сейчас я ни в малейшей степени не желаю, чтобы кто-то из вас жил в этом мире”. жить дольше, если только я не смогу продолжать заниматься тем, что считаю своим настоящим делом.’ Иными словами , минимальное требование Уэллса к жизни - это не просто выживание или даже сексуальное или социальное самоутверждение, но его творческая интеллектуальная работа, которая стала смыслом его жизни. Он сказал: “Мы похожи на ранних амфи”. бианы, так сказать, вырываются из вод, которые до сих пор покрывали наш вид, на воздух, стремясь дышать по-новому.’

Историкам будущего вполне может показаться, что 1800 год - это примерно та граница, которая разделяет старую и новую эпоху. В западном мире начинает появляться большое количество этих существ с новыми “минимальными требованиями” , которые оказывают глубокое влияние на всю жизнь

эпохи. Если судить по чисто животным меркам , в этих “романтиках” есть что-то парадоксальное, и они сами признают это и задаются вопросом, не является ли их странное стремление к духовной свободе замаскированным суицидальным порывом. (Именно по этой причине я ввел в обиход слово “аутсайдеры”, чтобы описать их.)

Причины этого изменения нас здесь не касаются. Возможно, как предполагает Уэллс, просто увеличение свободного времени в современном обществе побуждает людей искать новые формы удовлетворения. фракции. Или, возможно, с тех пор, как ортодоксальная религия исчезает, религиозный порыв вновь появляется в новой форме. Какой бы ни была причина, появление “я фибиан’ - это исторический факт. Владелец кафе Сартра по-прежнему остается морским существом, чья психическая жизнь является отражением окружающей его среды; он не способен нести бремя своего ума без помощи извне. ‘Земноводный” стремится к новой степени свободы, но он еще ни в коем случае не является сухопутным существом; бремя его ума быстро утомляет его, и он рад вернуться к морю - к повседневным заботам, которые несут в себе часть тяжести свободы. Но ясно, что слово “человек” больше не относится к владельцу кафе и наземному существу, которым однажды может стать земноводное. По-настоящему человеческое слово будет означать совершенно новую степень свободы. Проблема , которая на данный момент имеет большое значение, заключается в том, как этого добиться.

Экзистенциальная психология

Профессор Маслоу назвал бы себя экзистенциальным психологом, и это отражено в названии одной из его самых важных книг “На пути к психологии бытия”. Слово “бытие” употреблено здесь в том смысле, в каком его употребляет Хайдеггер.

За последние двадцать пять лет всемирная школа

появилось множество экзистенциальных психологов. Их общее предположение состоит в том, что психологические заболевания

нельзя полностью объяснить социальной или сексуальной неприспособленностью мент. Некоторые из этих психологов — Эрвин Штраус, Юджин Минковский и В. Э. фон Гебзаттель - находятся в основном под влиянием Гуссерля; другие, в частности Людвиг Бинсвангер и Медард Босс, более тесно связаны с Хайдеггером. Один из ведущих представителей этого движения, Виктор Э. Франкл, находившийся в заключении в нацистском концентрационном лагере на протяжении всей войны, просто заметил, что заключенные с наибольшими шансами на выживание были не теми , у кого была сильнейшая животная воля к выживанию или самоутверждению, а теми, кого поддерживало какое-то чувство цели или вера. Это не обязательно должна быть религиозная цель; это может быть интерес к математике, который побудил Якоба Трахтенберга создать свою систему быстрых вычислений в концентрационном лагере; или просто человеческая мотивация, как у Франкла. Впоследствии Франкл сделал в терапии то же открытие , которое Маслоу сделал отдельно: некоторые неврозы поддаются лечению только тогда, когда возникают проблемы , связанные со смыслом человеческого существования.

Экзистенциальная психология, по сути, - это просто психология , которая признает, что “потребность Маслоу в знаниях” и “стремление Шоу к высокому качеству существования” являются фундаментальными принципами. это относится к людям так же, как сексуальный аппетит или потребность в социальном обеспечении. (Здесь, конечно, слово “человек” используется в том смысле, который был определен выше.) На языке Хайдеггера человеческое существо характеризуется потребностью в контакте с “экзистенцией”; с реальностью, которая лежит в основе банальности нашего социального существования.

При изучении историй болезни экзистенциальных психологов сразу бросается в глаза определенная разница в качестве

по сравнению с тем, к чему мы привыкли в работах Фрейда. Фрейд демонстрирует отчетливую

склонность к ‘редукционизму’, к урезанию гениальных людей до размеров (как в его анализе Леонардо или Достоевского) и отрицанию реальности идеалистических или творческих

импульсов. 1 Экзистенциальный психолог склонен просто признать, что творческая неудовлетворенность может быть такой же важной причиной невроза, как и обычные негативные страхи и тревоги. И здесь важно понять, что подразумевается под словом “творческий’. Истинное творчество всегда связано с саморазвитием мент - по сути, это почти синоним ит. Личность развитие всегда связано со смыслом человеческого существования. Фраза “смысл существования” может иметь очень широкое и очевидное значение, как в работе Кирке гаард, или Хайдеггер, или очень узкий кругозор - как, например, в жизни совершенно бесталанного человека , чье психическое здоровье, тем не менее, связано с его любовью к пресноводной рыбалке. Но даже в этом последнем случае можно увидеть, что рыбалка связана с подлинными творческими элементами — уединением, индивидуальной предприимчивостью и общением. единение с природой — это, по сути, связано с ощущением смысла существования, даже если импульс настолько слаб, что у вопроса никогда по-настоящему не возникает шанса. Также можно видеть, что психолог-фрейдист , который рассматривал рыбалку как выход для агрессии, или символ грубый половой акт означал бы игнорирование самого важного элемента в данном деле.

Дело ‘Марии’

Случай, приведенный Медардом Боссом*, подчеркивает то, что я пытаюсь здесь изложить, хотя на его лечение повлияли

1. Хотя покойный Эрнест Джонс указал мне, что Фрейд постоянно менял свою точку зрения - он был противоположностью догмы. этот и его более поздние работы свидетельствуют о появлении все более и более нетрадиционной точки зрения.

2. Психоанализ и дазайнсанаизис, “Бейсик Букс”, Нью-Йорк, стр. 155.

обычное психоаналитическое лечение. Пациентка Мария выросла в атмосфере ограниченного ханжества в маленькой швейцарской деревушке. Ее мать была очень толстой, и когда в раннем подростковом возрасте у Марии начали проявляться признаки ожирения , появились первые невротические симптомы - ее стало тошнить от одного только запаха пищи. Она стала физически истощенной, и у нее прекратились менструации. В семнадцать лет она поступила в педагогический колледж и завязала довольно неземную дружбу со студентом -юношей, таким же худым, как и она сама; они читали друг другу огромное количество стихов, и вскоре она поправилась, и у нее снова начались менструации. К несчастью, в свой девятнадцатый день рождения она пошла на танцы, и кто-то попытался ее изнасиловать. После этого инцидента, который глубоко потряс ее, у нее внезапно возникло непреодолимое отвращение к своему бывшему парню. Несколько недель спустя у нее случился странный приступ истерии, когда она упала на пол, выгнулась назад и начала ритмично двигаться когда она пришла в себя, то улыбнулась врачу “сладкой, эротичной улыбкой’. Но попытки вылечить ее от истерии привели к появлению новых симптомов — сильных выделений из влагалища. Еще один врач вылечил ее с помощью гипноза, и симптомы сменились сердечными судорогами. Затем она начала есть очень много — очевидно, подозревая, что все началось с ее страха растолстеть, как ее мать, - и сердечные симптомы исчезли, когда она стала очень толстой. Но , очевидно, это было и неправильным решением, поскольку ее жизненный тонус снизился до такой степени, что ей посоветовали соблюдать диету. Она обнаружила, что это невозможно - переедание стало для нее навязчивой идеей. Раньше она отличалась большой жизнелюбием и любовью к своей преподавательской работе; теперь же невротические расстройства настолько захлестнули ее, что был рекомендован психоанализ

.

Босс не описывает метод психоаналитического лечения, которое продолжалось четыре года. Но, по-видимому , это удалось.

Впечатляющий сон сообщил о ее скором выздоровлении. Она была у своего психиатра, когда вошел мужчина с интеллигентным лицом. Они вышли вместе и отправились на праздничную вечеринку. Там они вышли на балкон полюбоваться ночью. “Они знают, что едины в своих мыслях и сердцах. Сексуального влечения нет. Они знают, что поженятся… . Теперь небо начинает приобретать праздничный оттенок. Звезды выстраиваются в огромную рождественскую елку. Мощный орган сфер играет мелодию мира на земле. Сновидица погружается в глубокий сон, от которого просыпается в счастливом настроении. Босс добавляет, что позже эта мечта стала реальностью, когда пациентка вышла замуж за очень одаренного профессора, которого она не знала на момент сновидения, и с тех пор не испытывала никаких трудностей в том, чтобы жить полноценной жизнью. фабрика в эмоциональном и физическом смысле. Ее вес снова стал нормальным.

Если бы не было других свидетельств, сам сон указывал бы на то, что Мария была личностью с сильными творческими и идеалистическими порывами. Она также обладала сильной способностью любить — и в детстве это чувство было направлено в основном на ее мать, за которой она постоянно следовала. Страх перед ожирением превратил эту любовь в отвращение и резко сократил важный источник эмоционального удовлетворения. Несмотря на это, и несмотря на ее невроз по поводу еды, ее творческая энергия нашла выход в обучении на преподавателя, и она была известна своим огромным энтузиазмом, с которым подходила к работе. Очень важно, что у нее был период нормального развития. мент освободился от неврозов, когда она подружилась с любителем поэзии; теперь ее творческому потенциалу было позволено полностью проявиться.

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ МЫСЛИ

К сожалению, у этой дружбы не было физической составляющей она оставалась чисто платонической. Здоровые физические влечения приходилось подавлять - и здесь , должно быть, сыграли свою роль ее семья и социальное положение, заставившие ее подавлять их. Попытка изнасилования вызвала неоднозначную реакцию отвращения и желания, за которой последовали истерические симптомы: корчение на полу, выделения из влагалища и учащенное сердцебиение.

До этого момента творческая энергия девушки боролась с расстройствами; теперь, в изнеможении и, возможно, опасаясь полного безумия, она пробует эффект полной капитуляции — переедания. Но предавать творческую энергию опасно: результатом является усталость от жизни, ангедония. А сон, который, наконец, сигнализирует о выздоровлении девочки, указывает на то, что энергии оптимизма и созидания снова работают в обычном режиме; описание того, как звезды выстраиваются в виде Елка имеет истинного творческого импульса нем выражает такую же энергию, как симфония Бетховена или Звездная ночь Ван Гога.

Здесь невроз явно из-за сексуальной Фрус страции. Эмоциональная жизнь пациентки состоит из трех мощных компонентов: любви (к ее матери), сексуального желания и творческой энергии. “Когда первый из них разочарован, она способна поддерживать равновесие с помощью творческой деятельности. (Босс интерпретирует учащенное сердцебиение как признак неудовлетворенных энергий привязанностей - сердце готово разорваться”.) Но неудовлетворенность сексуальными энергиями слишком велика. Босс не описывает свое лечение пациента, но, поскольку он называет его психоаналитическим, можно предположить, что оно было сосредоточено на сексуальном аспекте невроза. Как только пациент смирится с этим, творческая энергия снова сможет высвободиться.

Я посвятил этому делу много места, потому что

это еще более четко, чем в случае со студенткой Маслоу, указывает на важность творческих энергий. Это подчеркивает, что мы не можем совершить большей ошибки, чем думать о психическом заболевании так, как будто его можно сравнить с простым физическим недугом. Девяносто пять процентов людей , страдающих от боли в горле, можно вылечить с помощью таблеток пенициллина, потому что пенициллин уничтожает бактерии, вызывающие боль в горле. Это почти так же просто, как вылечить скрипучую дверь, смазав петли. В случае с Марией способность девочки использовать свою энергию в творческой работе означала, что ее свободная воля имела большее значение, чем при простых физических заболеваниях. Она могла бы выбрать, стоит ли прилагать еще больше усилий, чтобы

сублимировать свою сексуальную энергию в поэзии или преподавании, и выбрать, когда прекратить желать и попытаться вылечить себя, уступив. вплоть до невроза.

Экзистенциальная психология признает, насколько велик этот элемент в большинстве человеческих существ. Человек оказывается в состоянии, которое не является полностью предопределенным. “Жить полноценно” - это не просто удовлетворение определенных желаний , которые естественны для него как для человека; это требует проявления свободы.

Пиковые переживания в психотерапии

В документе под названием слияния фактов и ценностей, профессор Маслоу упоминает эксперимент, который может иметь некоторые Лур-roaching последствия. В трех университетах алкоголиков лечили мескалином или лизергиновой кислотой, и в шестидесяти процентах случаев они были излечены. Далее он отмечает, что почти все выздоровевшие пациенты имели У меня был “пиковый опыт”, и сорок процентов тех, кто не выздоравливал, не испытывали пикового опыта под воздействием мескалина. Очевидно, пиковые переживания были не просто результатом действия препарата; они были вызваны музыкой,

визуальные стимулы, слова или внушения, в то время как пациенты находились под воздействием препарата.

Очевидно, что самый важный вопрос заключается в следующем: почему? Небольшое размышление позволит выявить причину. Алкоголик - это человек , для которого повседневная жизнь стала либо слишком скучной, либо слишком тягостной, чтобы стоить затраченных усилий. И поскольку его психическая энергия упала до низкого уровня, он воспринимает мир, по сути, как мертвый, пассивный. Он уже давно перестал прилагать те творческие усилия, которые помогали пациентке Босса Марии оставаться в здравом уме, несмотря на ее разочарования.

Определенный процент алкоголиков - это мужчины, которые слишком грубы или глупы, чтобы получать удовольствие, кроме физического. Но очень большой процент из них, безусловно , являются сверхчувствительными личностями, которые избегают воздействия реальности. Чарльз Джексон изображает алкоголика такого типа в “Потерянных выходных” , человека, который драматизирует себя как своего рода современного Эдгара Аллана По. У большинства из нас в жизни бывают длинные и скучные периоды, но из-за чрезмерной активности мы часто перестаем обращать на них внимание. Для человека, чья умственная энергия упала до такой степени, что он больше не в состоянии сохранять необходимую концентрацию даже при чтении книги или просмотре телевизора, выпивка дает кратковременное ощущение “плодотворной деятельности и высокого качества жизни’. К сожалению, чрезмерное употребление алкоголя также вызывает депрессию, поэтому стимулирующий эффект теряется при похмелье, единственное лекарство от которого - больше выпивки.

В некоторых отношениях воздействие мескалина или лсд может быть гораздо более приятным, чем воздействие алкоголя. Начнем с того, что они действуют дольше; кроме того, они не оставляют после себя похмелья и сохраняют ясность ума. Они стимулируют умственные способности и создают идеальную почву для получения незабываемых ощущений.

Теперь пиковое переживание можно было бы описать как разновидность творческого оргазма, в отличие от сексуального,

энергия. Созидание - это самое ясное осознание человеком своей свободной воли. дом. Пиковое переживание, которому способствует лсд, разрушает “пассивное заблуждение”; интуиция свободы возвращается, как кровообращение возвращается в руку, которая “перестала работать”. С разрушением “пассивного заблуждения” исчезает идея о том, что ничего не стоит делать. Это, так сказать, осязаемая награда, душевный отдых, который возбуждает аппетит к дальнейшим подобным переживаниям, а также осознание того, что они полностью зависят от свободы воли. Алкоголизм основан на неправильном представлении, сходном с тем, которое порождает садизм и другие формы сексуальных извращений; это неспособность осознать, что пассивное отношение к удовольствию неразрывно связано с

законом убывающей отдачи. Пиковый опыт разрушает это заблуждение у тех , кто достаточно умен, чтобы понять его значение. (Я предполагаю , что все успешные излечения были проведены с помощью Пьяница типа “Потерянных выходных’.) Отсюда и лекарство.

Но что, пожалуй, самое захватывающее в этом эксперименте * возможность его развития в общий метод. Если пьяницу характеризует его неосознанность своей свободы, то все люди - пьяницы, даже самые великие. Некоторые гениальные люди вызывают наше уважение, потому что им удается сохранять высокую степень свободы на протяжении всей своей творческой жизни. Слишком многие талантливые люди сначала прилагают огромные усилия и превращаются в творческих личностей, а затем просто позволяют новой личности окостеневать, пока она не становится такой же тюрьмой, как и старая. Эрнест Хемингуэй - яркий тому пример; с возрастом он все больше превращается в карикатуру на самого себя . Но придумать примеры нетрудно, поскольку, к сожалению, большинству талантливых людей трудно продолжать развиваться. С другой стороны, Бетховен, Блейк, У. Б. Йейтс вызывают восхищение своей способностью

для самообновления; некое твердое ядро существа, продолжающее еэс должно развиваться. Что самое замечательное, так это, пожалуй, не способность продолжать расти, а способность продолжать делать это осознанно и разумно, с помощью самоанализа. Никто не отрицает величия Вагнера; но на раннем этапе своей карьеры он допустил известную романтическую ошибку , отождествив высшую свободу со смертью; это означает , что развитие его творчества после “Тристана” полностью предсказуемо; оно неизбежно превратится в перезревшее, законченное. сладкий плод Парсифаля. Йейтсу, с другой стороны, хватило сил отказаться от своего раннего романтизма смерти ценой пересмотра всех своих ранних представлений о жизни и о самом себе, в результате чего он стал

великим поэтом.

Но такое развитие зависит от непобедимого оптимизма и веры в жизнь. Великий поэт или художник - это человек, который каким-то образом инстинктивно овладел приемом вызывать пиковые переживания; но рано или поздно это умение покидает его - и в этот момент он становится самопародистом. Разница между поэтом в его лучшие моменты и в его “будничные” моменты примерно такая же, как разница, скажем, между увлеченным школьным учителем и заядлым пьяницей. Что было утрачено , так это способность к творчеству, чувство свободы.

Это не означает, что лсд следует использовать для того, чтобы сделать большинство людей более целеустремленными и разрушить в нас пассивное заблуждение. Постоянное употребление чего бы то ни было становится привычкой, а привычка - это противоположность свободе. Но есть вероятность, что такие препараты могут время от времени использоваться в качестве стимула к феноменологическому самоанализу - чтобы обеспечить, так сказать, исходный материал для внутреннего импульса, на основе которого может работать такой анализ. Необходимы пиковые переживания; они подзаряжают творческие батарейки. Психологически здоровый человек в какой-то степени овладел искусством вызывать пиковые переживания без помощи наркотиков.

Феноменологический анализ - это попытка обнаружить сознательную структуру любого опыта , то есть, так сказать, рецепт его воссоздания. Если наркотики, подобные лсд, могут помочь достичь пиковых переживаний, а феноменологический анализ может помочь раскрыть их структуру, значение этого метода может выйти далеко за рамки его возможностей в качестве лекарства от алкоголизма. Хэдли Кэнтрил отмечает, что любая человеческая деятельность - и, следовательно, творчество - основана на предположениях о ее успехе, основанных на предыдущем опыте . Армия, вступающая в битву, которую она, как ожидается, проиграет , вряд ли будет действовать энергично; она также почти наверняка проиграет. Очевидно, что здесь задействованы и другие факторы: например, численность и оснащение , но невозможно сказать, насколько это противоречит предположению. понимание победы или поражения.

В настоящее время феноменология и трансакционная психология продемонстрировали, что большинство предположений, на основе которых мы живем и формируем наше психологическое бытие, ложны. Но вопрос о том, в какой степени сама жизнь является успехом или поражением, зависит от этих предположений. Не кажется ли вероятным, что пассивная ошибочность восприятия оказывает такое же влияние на определение степени, в которой мы ощущаем свою свободу, как убежденность в неизбежном поражении для армии, идущей в бой? Наша 'духовная' жизнь (я использую это слово за неимением лучшего), безусловно, переживается как постоянный конфликт между пассивным заблуждением и внезапным осознанием нашей неотъемлемой свободы. Но для практических, повседневных целей пассивная ошибка неизбежна просто потому , что для практических целей наше восприятие должно быть ограничено. (Олдос Хаксли отмечал, что если бы мы все жили в состоянии мескалинового осознания, то не было бы войн, но и цивилизации тоже не было бы; "шоры", которые мешают нам видеть, в какой-то степени психологически необходимы.) Если бы пассивная ошибочность могла быть полностью подорвана каким-то

феноменологическая дисциплина, результаты человеческой эволюции были бы непредсказуемы, но, безусловно, они имели бы по сути, наше "человеческое состояние" (как мы понимаем его с естественной точки зрения) определяется тем, как мы действуем и живем, и, следовательно, становится известным нашим близким. личности. Но наши действия определяются нашими предположениями о возможности их успеха. И наши предположения о возможности их успеха определяются нашим представлением о "человеческом состоянии" (как мы понимаем его с точки зрения природы). Можно видеть, что это порочный круг, который прерывается лишь время от времени незначительными проявлениями свободы (в виде произведений искусства, научных идей, философских течений). Феноменологический анализ предполагает внезапный

радикальный разрыв этого цикла. Теперь, возможно, понятно, почему я говорю, что результаты непредсказуемы.

И последнее предупреждение, прежде чем я попытаюсь связать некоторые из этих наблюдений с моим собственным “новым экзистенциализмом”5. Феноменология - это не философия, это философский метод, инструмент. Она подобна разводному ключу, который можно использовать для разборки холодильника или автомобиля, для забивания гвоздей или даже для того, чтобы вырубить кого-нибудь. Феноменолог может быть экзистенциалистом, или логическим позитивистом , или неогегельянцем, или историком, если на то пошло. Если иметь это в виду, это может избавить от некоторой путаницы в последующей дискуссии.

Часть вторая

НОВЫЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

Н.Э.— 7

1

первая глава

ЧЕЛОВЕК В ТУМАНЕ

Первая половина этой книги была не более чем попыткой прояснить ситуацию. Во второй части я попытаюсь показать, что экзистенциализм - это далеко не мертвая философия. osophy, это фактически единственная современная философия с длинным и ясный путь развития на шаг впереди.

Основатель истинного ‘* нового экзистенциализм Ницше, для этого он анонсировал появление нового Опти мисм. Но даже

Ницше не осознавал всей очевидности этого оптимизма.

В важной статье о мистицизме, к которой я обращусь позже, Уильям Джеймс приводит слова человека, пережившего “мистический опыт” под воздействием эфира. Когда один из врачей сделал замечание другому, пациент усмехнулся, потому что почувствовал, что они “верили, что видят реальные вещи и причины, но это было не так”. … Я был там, где были причины, и для того, чтобы увидеть их, требовалось не больше умственных способностей, чем для того, чтобы распознать синий цвет. … Осознание того, как мало (врачи) на самом деле видели, в сочетании с их очевидным ощущением, что они видели все, что было, было в высшей степени забавно…. (Они) знали об истинных причинах так же мало, как ребенок, который, наблюдая за проходящим поездом и замечая его вращающиеся колеса, предполагает, что они, поворачиваясь сами по себе, дают толчок вагонам и локомотивам. придать им инерцию. Или представьте себе человека, сидящего в лодке,

окруженный густым туманом, я вижу, как плоский камень перепрыгивает с гребня одной волны на другую. Если он всегда сидел таким образом, его объяснения должны быть очень грубыми по сравнению с объяснениями человека, чьи глаза могли видеть сквозь туман и который увидел на берегу мальчика, прыгающего по камням. В некотором роде замечания двух врачей кажутся это прозвучало для меня как два последних “прыжка” камня, брошенного с моей стороны…

Я привел здесь этот отрывок, потому что эти два изображения - мальчика, бросающего камни сквозь туман, или ребенка , наблюдающего за железнодорожным локомотивом и воображающего, что он движется движение колес приводит в

движение двигатель - отличная отправная точка для “нового экзистенциализма”. В рамках его ограниченного диапазона на самом деле нет ничего плохого в том, чтобы С мышлением Сартра или с мышлением Хайдеггера. Это просто не заходит достаточно далеко. Это люди, сидящие в лодке в тумане.

Давайте попытаемся понять, почему “старый экзистенциализм” потерпел неудачу.

Предпосылкой любых человеческих усилий является видение успеха. Человек никогда не бывает таким сильным, таким предприимчивым, таким целеустремленным. менее изобретателен, когда его цель четко стоит перед ним и должна быть достигнута определенным количеством решительных шагов. ‘Работать без надежды” - это почти противоречие в терминах, поскольку работа без надежды - это работа без реального стремления, без импульса.

Итак, основным импульсом, стоящим за экзистенциализмом, является оптимизм. мистический, очень похожий на импульс, стоящий за всей наукой. Экзистенциализм - это романтизм, а романтизм - это ощущение того, что человек - не просто создание, за которое он себя всегда принимал. Романтизм возник как огромный всплеск оптимизма по поводу роста человека. Ее цель, как и цель науки, состояла в том, чтобы поднять человека над запутанными чувствами и импульсами его повседневной человечности и сделать его богоподобным наблюдателем человеческого существования.

Теперь, если мы обратимся к Сартру и Хайдеггеру, мы сразу поймем, почему их экзистенциализм так неудовлетворителен. Великий призыв к оптимизму больше не звучит. Нет четкого пути вперед. Хайдеггер приходит к выводу, что, за исключением нескольких великих поэтов, человек достигает ‘подлинность’ только перед лицом смерти. Анализ человеческой ситуации, проведенный Сартром, приводит его к выводу, что для всех людей

нет “жизненной цели”, нет абсолютных ценностей. Единственное благо - это относительное благосостояние людей, поэтому единственный возможный путь вперед лежит через приверженность социалистической политике. Все дороги перекрыты, кроме этой. Философия теперь - закрытая тема, потому что нет смысла размышлять дальше; мы будем только возвращаться к осознанию того, что все пути, кроме этого, перекрыты.

Это вызов, с которым приходится сталкиваться ‘новому экзистенциализму’ . Может ли это снова указать на ясный, открытый путь, по которому мысль может продвигаться вперед с оптимизмом ранних романтиков?

Я попытаюсь показать, что это именно то, на что она способна. Но сначала я должен повторить мысль, которую я высказал ранее в этой книге. Конечно, не существует “старого экзистенциализма” и “нового экзистенциализма”; эти термины следует использовать только в целях изложения. “Старый экзистенциализм” терпит неудачу только потому, что он не может проникнуть достаточно глубоко в туман, окружающий человека в лодке. Он “негативен” только из-за определенных ошибок в суждениях. Как только нам удается постичь суть “нового экзистенциализма”, туман рассеивается, и это ложное различие между “старым” и “новым” исчезает. Перед нами открываются новые перспективы, и все внезапно становится видимым в перспективе.

Давайте начнем с того, что попытаемся увидеть точный масштаб и очертания проблемы “нового экзистенциализма”. Центральная проблема экзистенциализма - это случайность человека, и в ее наиболее

в крайней форме это выражено Уильямом Джеймсом в отрывке об идиоте и его размышлениях: “Если для меня пробьет час, как он пробил для него, ничто не сможет меня спасти… Поскольку это происходит, логически невозможно отрицать, что мы не знаем, будем ли мы дышать”. выдыхать тот самый воздух, который мы сейчас вдыхаем”. Следовательно, если придерживаться “неопровержимых фактов”, то Омар Хайям как экзистенциальный мыслитель находится в гораздо более выгодном положении, чем Сартр. Сартр говорит, что мы ничего не знаем, кроме того, что

людям нужны хлеб и справедливость. Омар Хайям отвечает, что мы ничего не знаем, кроме того, что политики и философы умирают, как животные, поэтому нам лучше “наполнить чашу” и наслаждаться настоящим.

Давайте посмотрим в лицо ‘основным фактам’. Люди умирают, и они подвержены случайностям. Этих “фактов” достаточно, чтобы опровергнуть все разговоры об “абсолютной истине”, неукротимом духе человека и так далее.

Начиная с Конта, все философы-материалисты высказывали одну и ту же точку зрения: человек изобрел “иллюзию центрального положения” - Бога, религию, “человеческий дух” - чтобы скрыть от самого себя свою собственную фундаментальную случайность. Конечно, не требуется больших умственных усилий, чтобы увидеть, как Появились христианские небеса, где грехи наказываются, а добродетели вознаграждаются. Религия - это попытка человека избежать своей случайности.

Хорошо. Но означает ли это, что единственный окончательный выбор для философа лежит между Омаром Хайямом и Христианская церковь? (Несомненно, именно по этой причине так много “интеллектуалов” двадцатого века стали Христиане.) Препятствие, которое преграждает путь “старому экзистенциализму”, - это человеческая случайность. Что ж, люди - существа случайные. Они умирают, и они подвержены случайностям. Так как же может быть возможен новый экзистенциализм? Если, конечно, он не посвятит себя абсурдному предложению

что люди не умирают и не подвергаются несчастным случаям. Но даже Бернард Шоу, который верил, что нет окончательной причины, по которой смерть не должна наступать, все равно подвергает своих “Древних” в “Возвращении к Мафусаилу ” несчастным случаям.

Но это попытка взобраться на гору по самому крутому склону. Давайте пока оставим этот вопрос в стороне - помня об этом - и попробуем подойти с другой стороны.

Случайность - это пассивность, противоположность воле. Все безжизненные объекты полностью подвержены случайности. Переживание человеком непредвиденных обстоятельств - это переживание, когда он внезапно ощущает себя простым объектом (как в том отрывке из книги Элиота “Вечеринка с коктейлями” о том, как он споткнулся на лестнице и внезапно почувствовал себя во власти лестничного пролета).

В этом случае кажется несколько абсурдным, что феномен логика предшествовала Хайдеггеру и Сартру. Это должно было быть обнаружено позже, поскольку в какой-то степени это отрицание случайности, на которую они делают упор. Человек считает само собой разумеющимся, что его сознание является пассивным наблюдателем мира; феноменология указывает на то, что его сознание является интенциональным. Я уже пытался показать, как Сартр в своей попытке очистить феноменологию от ‘трансцендентного “истинное эго” фактически свело интенциональность к совершенно негативному понятию. Сартр пытался доказать позицию Юма: что нет “сущностного вас”, что ‘вы’ - это совокупность всех ваших настроений и воспоминаний. Но то, что точки показывают, что сознание является умышленным-если затем вы переходите, чтобы доказать, что намерение не является намерение вовсе, а естественный закон, как вода течет вниз - Хилл?

Это первый шаг к новому экзистенциализму: признать, что сознание является интенциональным. Основной ошибкой как Сартра, так и Хайдеггера было неправильное понимание-

интерпретирует эту интенциональность и, следовательно, не видит ее последствий.

Практические дисциплины

Первая практическая необходимость для философа-экзистенциалиста - научиться постоянно осознавать интенциональность всех своих сознательных действий. Но как только мы рассмотрим это более внимательно, мы обнаружим, что это осознание - всего лишь другое название знакомой моральной дисциплины. Если мы критикуем вспыльчивого старика за то, что он издевается над своей семьей, мы на самом деле критикуем его намеренно, не осознавая этого; когда он чувствует раздражение, он сразу же обвиняет в этом кого-то, не осознавая, что он всего лишь “проецирует” свои собственные чувства. Поступая таким образом, он избегает необходимости в самодисциплине; это форма “дурной веры”. Это также форма недобросовестности, если слабак начинает постоянно считать, что он неправ. В обоих случаях необходима определенная самодисциплина, чтобы сохранить баланс объективности. (И, конечно же, ‘поддержание баланса объективности’ - это точное определение цели pheno менология.)

В этих случаях речь идет лишь о том, чтобы осознать эмоциональную интенциональность. Немного сложнее - но не намного - постоянно осознавать другие виды интенциональности: интеллектуальную и перцептивную. Это просто вопрос того, чтобы перестать принимать свои импульсы за чистую монету, попытаться взглянуть на них, так сказать, сверху. ‘Настроения’ представляют собой особенно хороший материал для такого рода анализа, как только мы достигаем основного понимания того, что мы всегда воспринимаем мир через цветные очки того или иного настроения и что мир совсем “другой”, чем мы его видим; он “где-то там”, независимый, безразличен к нашему настроению.

Что важно, так это развивать постоянную осведомленность

о работе ‘интенциональности’, которая становится автоматической математическая часть нашего ментального

склада. Любой, кто взял на себя труд, мог бы составить учебник по методам разработки как только мы начинаем их искать, повседневная жизнь предоставляет бесконечные примеры. Любой разумный человек практикует интеллектуальный феномен. менология как нечто само собой разумеющееся - например, при чтении политических новостей в различных газетах или прослушивании выступлений членов оппозиционных политических партий: это просто попытка сделать скидку на связанные с этим предрассудки. Секс - замечательное поле для практики такого рода анализа. Каждый человек с развитым интеллектом может ганса поразил тот факт, что в сексуальном опыте присутствует сильный элемент “обмана уверенности”: здесь образ мужчины в лодке, окруженного туманом, становится ключевым. Секс - это сама непосредственность; его поток, кажется , течет мощно и осмысленно; захваченный этим потоком, человек ощущает его непреодолимую логику. Затем, когда опыт заканчивается, логика исчезает - или кажется, что исчезает; это похоже на речь, услышанную во сне, которая кажется бессмыслицей , когда вы просыпаетесь.

Существуют также чисто физические дисциплины , о которых я уже упоминал: иллюзии трансакционистов, эффект Мюллера-Лайера и так далее. Если вы будете смотреть на свои ноги через широкий конец мощного бинокля, вы обнаружите, что идти по прямой невозможно, потому что ваши ноги кажутся такими далекими. Но обычно вам не нужно смотреть на свои ноги, чтобы идти по прямой. Вот доказательство того, что восприятие не пассивно; в данном случае оно путается у вас под ногами и сбивает с толку.

Цель всех этих дисциплин - научить нас тому, что сознание не пассивно. Она только выглядит пассивной, как миловидная и добрая старушка, которая в ходе расследования оказывается автором писем, написанных ядовитым пером. Стать

.J

осознание постоянной интенциональности сознания заключается в том, чтобы вызвать изменения в сознании, подобные тем, которые вызываются наркотиками, “меняющими сознание”. Это правда, что мескалин, лизергиновая кислота и другие препараты дают гораздо более глубокое понимание, но на данном этапе они бесполезны, поскольку мы не можем выразить словами их содержание. Изменения в сознании , вызванные феноменологическими дисциплинами, могут быть менее глубокими, но они постоянны и поддаются анализу. Когда Шоу заметил: ‘Наш разум - это не что иное , как знание о самих себе; и тот, кто добавляет к этому знанию хоть каплю , создает новый разум так же верно, как любая женщина создает новых мужчин”, - заявил он в полном соответствии с выводами феноменологии.

Итак, вот первое и самое важное возражение против “старого экзистенциализма”. Мы не можем говорить о случайности , пока не будем полностью владеть фактами об интенциональности сознания. Ибо то, что подвержено случайностям, - это “ложное я”, представление о себе, построенное на ошибочности пассивного восприятия. Приведенный Фрейдом пример человека, забывшего свой зонтик, прояснит этот момент. Мы могли бы сказать о таком человеке: “Он жертва своей рассеянности” (слово “жертва” является почти синонимом постоянной рассеянности). дженси); Фрейд указывает, что рассеянность является намеренной; следовательно, он не является жертвой, а видимость случайности является ложной.

Здесь я могу пойти на риск чрезмерного упрощения, пытаясь показать, о чем идет речь. Каждый человек - это Джекилл и Хайд; краткое содержание “пассивного сознания”, гайд интенциональности. Цель феноменологической дисциплины - разрушить двойственность, объединить Джекила и Хайда. Вводящая в заблуждение природа этой аналогии заключается в том, что из нее следует, что Джекилл и Хайд более или менее равны. Это не так. Джекилл - карлик; Хайд - великан.

вторая глава

РАСШИРЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Теперь мы можем обратиться к сути “нового экзистенциализма”. Удобной отправной точкой может послужить статья Уильяма Джеймса, в которой высказывается предположение о мистицизме как

Предположение Джеймса состоит просто в том, что “состояния мистической интуиции могут быть лишь очень внезапными и значительными расширениями обычного ”поля сознания””. Это согласуется с более ранним замечанием (в разделе “Разновидности религиозной интуиции”). Опыт) в том смысле, что возбуждение, вызываемое алкоголем, имеет ту же фундаментальную природу, что и мистический опыт.

Джеймс утверждает, что поле нашего сознания обычно узко (и он использует образ человека в лодке, окруженного туманом, чтобы прояснить свой смысл). В определенные моменты “настоящее сливается воедино… с тем, что находится за пределами досягаемости при обычных обстоятельствах”. Он приводит пример из своего собственного опыта.

В каждом из трех подобных случаев переживание внезапно прерывалось совершенно обычной ситуацией и продолжалось , возможно, менее двух минут. В одном случае я был занят разговором, но сомневаюсь, заметил ли собеседник мою рассеянность. Каждый раз происходило то, что я казался

1. Написано незадолго до смерти Джеймса и напечатано в Журнал философии, психологии и научных методов, 1910. Перепечатано в “Психоделическом обозрении”, № 5 (1965).

внезапно я вспомнил о прошлом опыте; и это воспоминание, прежде чем я смог осмыслить его или дать ему отчетливое название, переросло в нечто большее, что ему соответствовало, а это , в свою очередь, в нечто еще большее, и так далее, пока процесс не прекратился, оставив меня пораженным внезапным видением растущего множество отдаленных фактов, о которых я не мог бы дать внятного отчета. Режим сознания был перцептивным, а не концептуальным - поле расширялось так быстро, что, казалось , не оставалось времени на осмысление или идентификацию, чтобы включиться в его работу. Было очень волнующее ощущение, что мои знания о прошлом (или настоящем?) реальность расширялась пульс за импульсом, но так быстро, что мои интеллектуальные процессы не успевали за этим темпом. (Курсив мой.) Содержание, таким образом, было полностью утрачено для самоанализа - оно погрузилось в неопределенность, в которую исчезают сны по мере того, как мы постепенно просыпаемся. Чувство - я не буду называть это верой, - что я внезапно открылся, как бы заглянул через окно в далекие реальности, которые непостижимым образом были связаны с моей собственной жизнью, было настолько острым, что я не могу избавиться от него и сегодня.'

Если бы Джеймс прожил еще три года, он прочитал бы книгу Пруста В манере Свана он сразу же узнал бы манеру Пруста 'мистическое" ощущение при дегустации отвара, идентичного его собственному.

Джеймс предполагает, что все мистические переживания имеют такую природу, хотя, возможно, они более жестокие и экстремальные. Если это так, то ясно, что между мистическим опытом и эстетическим переживанием нет реальной разницы. Музыка и поэзия производят именно такой эффект - рассеивания тумана и внезапного видения "увеличивающихся рядов отдаленных фактов", возвышающихся подобно горам.

Мы начинаем понимать природу проблемы. Человеческое сознание узко, луч света движется сквозь время, создавая вечное настоящее. Прошлое погружается во тьму, становясь нереальным. Поэтому естественно, что наше представление о "реальном" должно быть связано с настоящим. Д-р Джонсон пнул камень, чтобы опровергнуть предположение Беркли

что материя нереальна; Дж. Э. Мур создал свои часы , когда кто-то сказал, что время нереально. Настоящее - это наш критерий реальности. И так и должно быть. Но его ограниченность придает “настоящему” как стандарту реальности сильный элемент ненадежности, поскольку это говорит нам о том, что прошлое нереально. Общей чертой всех мистических переживаний является то, что они кажутся более реальными, чем ‘повседневный мир’. Это происходит потому, что они проникают дальше.

И именно эта путаница заложена в основу философии Сартра; он продолжает апеллировать к настоящему как к эталону реальности. Это гораздо отчетливее видно в его трилогии романов, чем в философских трудах. философских книгах (где это, как правило, скрывается за техническим жаргоном). Мир “Отношений свободы” - это мир, окруженный туманом; в нем никогда нет ни малейшего проблеска “растущего числа отдаленных фактов”. Что Сартр представляет, что “реальность” человеческой ситуации - это всего лишь вызывающая клаустрофобию реальность настоящего, без видения горизонтов или реальных причин.

Этот взгляд на далекие дали - фундаментальный поэтический опыт. Это то, что Вордсворт подразумевал под “другими способами бытия’. По какой-то причине человеческие существа втиснуты в узкую, тесную клетку настоящего; и, как Элиот отмечает: ‘Каждый из нас думает о ключе, каждый в своей тюрьме’.

Вопрос, который волновал каждого поэта - и каждого тот, кто испытал это расширение обычного сознания, теперь может быть ясно выражен. Почему мы вынуждены жить в этих угнетающих трущобах сознания, когда наше восприятие вполне способно охватить более широкие горизонты?

Очевидный ответ был предложен Олдосом Хаксли в книге “Двери восприятия”: если бы мы все время жили в этом более широком состоянии сознания, мы стали бы слишком ленивы, чтобы сталкиваться с проблемами повседневной жизни. Это

106. НОВЫЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

удручающее представление. Кажется, что люди обречены жить как лошади в шорах, чтобы не вымереть.; шоры служат защитой. Наша скука и неудовлетворенность побуждают нас к усилиям по созданию цивилизации.

Это звучит достаточно правдоподобно, но при ближайшем рассмотрении становятся очевидными некоторые недостатки. Видение - гораздо более мощный стимул, чем скука. На самом деле, все , чего достигли люди, было достигнуто благодаря внезапному взгляду на ‘ряд отдаленных фактов’. Чем была наука Ньютона, как не видением отдаленных фактов? Причина, по которой большинство провидцев ничего не предпринимают в соответствии со своими видениями, указана Уильямом Джеймсом, заключается в том, что интеллектуальные процессы не могут охватить расширенную реальность и поэтому мало что могут из нее извлечь. Это похоже на человека, который заблудился в какой-то незнакомой стране и взбирается на высокую гору , чтобы выяснить, где он находится. Если у него нет с собой карандаша и бумаги, чтобы составить карту, его зрение будет бесполезным, потому что к тому времени, когда он снова спустится в долину, он забудет большую часть того, что видел.

Но, несомненно, существует проблема, аналогичная той, о которой упоминал Хаксли. Джеймс сказал, что его “видение” просто охватывало более широкий круг “фактов”, чем обычно, и что результатом было чувство восторга. Но если бы мы постоянно знали о таком широком спектре фактов, то для большинства людей последствия были бы катастрофическими. Сама идея интенциональности означает, что важны не столько “факты” , сколько наша интерпретация их. Философы - это люди, которых интересует более широкий кругозор фактов , чем у обычного человека, и в истории философии на каждого оптимиста приходится десять пессимистов. Иными словами, при наличии широкого круга фактов люди склонны выбирать мрачную интерпретацию. Чем больше фактов, тем более мрачными они кажутся. В сложившихся обстоятельствах, возможно, и к лучшему, что большинство из нас “зашорены’.

Причина этого достаточно очевидна для любого, кто знаком с концепцией интенциональности. Человеческие существа обладают огромным запасом подсознательной энергии. К счастью, большая часть этой энергии недоступна ‘Джекиллу’. Если бы это было так, это было бы катастрофой, все равно что дать ребенку поиграть с атомной бомбой. Для заблуждений пассивного сознания это делает человека особенно восприимчивым к пессимизму! иными словами, “интенционализировать” его восприятие так, чтобы оно приобрело негативный оттенок. (Пятьдесят лет назад эту концепцию было бы чрезвычайно трудно понять; с тех пор психоанализ научил нас, что негативный подтекст может быть связан с сознательная энергия может привести к самым разрушительным последствиям.)

То же самое неоднократно подчеркивали те, кто принимал мескалин или другие препараты, изменяющие сознание. Под воздействием мескалина Хаксли спросили, видит ли он , в чем заключается безумие, и он ответил решительно утвердительно. “Если бы вы начали с неверного пути, все, что произошло, было бы доказательством заговора против вас. … Если бы кто-то начал со страха и ненависти в качестве основной посылки, ему пришлось бы перейти к заключению”. Мескалин расширяет горизонты, или, другими словами, наделяет воображение огромной силой воображения. Если бы выбор “фактов” был негативным, воображение преувеличивало бы их до тех пор, пока они не стали бы разрушать сознание. Все эти переживания расширения сознания могут привести как в рай, так и в ад. Учитывая человеческую склонность к негативным намерениям, это в основном привело бы к аду.

Причина, по которой было введено слово “воображение”, может быть не сразу очевидна. Это потому, что слово “воображение” страдает той же двусмысленностью, что и ‘реальность’. Если мы говорим об узком смысле “существующей реальности”, то воображение означает не более чем способность убежать в царство нереального. Но как только мы начинаем мыслить в терминах

108. НОВЫЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

Другая “реальность” Джеймса - “области отдаленных фактов” - это определение становится неадекватным, поскольку эти более широкие области реальности являются именно теми сферами, в которые пыталось проникнуть воображение. Воспринимать отдаленную реальность как реальную - это функция воображения. Восприятие слов и На этом уровне понятия “воображение” становятся взаимозаменяемыми.

Весь смысл феноменологии в том, что между восприятием и воображением нет четкой разделительной линии. Разделительная линия применима только тогда, когда мы думаем о восприятии мышление как пассивное, а воображение как активное. Как только мы осознаем, что восприятие активно, старая дихотомия исчезает.

Все это должно прояснить, почему на данном этапе нашей эволюции было бы нежелательно, чтобы человеческие существа имели доступ к “более широким состояниям сознания”. Это возражение против предложения Олдоса Хаксли о том, что мескалин должен стать таким же доступным, как алкоголь или табак. Прежде всего, людям необходимо овладеть феноменологической дисциплиной, которая позволит им осознать, насколько преднамеренным является пессимизм факса. Дать мескалин среднестатистическому западному жителю - с его склонностью к неврозам и тревоге - все равно что вручить револьвер человеку с суицидальными наклонностями. Единственный “безопасный” путь к расширению сознания лежит через феноменальное логическая дисциплина.

Не случайно первой крупной работой по экзистенциальной философии двадцатого века стала “Общая философия Джаспера”. Психопатология . Ибо из сказанного выше должно быть ясно, что вопросы психических заболеваний относятся как к философии, так и к психологии.

Когда Уильям Джеймс описывал свое переживание “крайнего ужаса” при виде идиота, он добавил: ” Утро за утром я просыпался с ужасным ощущением под ложечкой и с ощущением неуверенности в жизни, которое я испытывал.

никогда раньше не знал… (курсив мой.) Я помню, как задавался вопросом, как могли жить другие люди, как я сам когда-либо жил, так не осознавая той бездны неуверенности, которая скрывается под поверхностью жизни. В частности, моя мать, очень жизнерадостный человек, казалась мне совершенным парадоксом в своем неведении об опасности. …" (Разновидности религиозного опыта, стр. 158) 1.

1. Я привожу здесь полный текст описания Джеймса.:

'Пребывая в состоянии философского пессимизма и общей подавленности по поводу своих перспектив, я однажды вечером в сумерках зашел в гардеробную , чтобы купить какую-нибудь вещь, которая там была; как вдруг на меня без всякого предупреждения, словно из темноты, напал ужасный страх перед мое собственное существование. Одновременно в моем сознании возник образ больного эпилепсией, которого я видел в лечебнице, черноволосого юноши с зеленоватой кожей, полного идиота, который целыми днями сидел на одной из скамеек или, скорее , на полках у стены, подтянув колени к подбородку, и грубая серая нижняя рубашка, которая была его единственной одеждой, накинутая поверх них, скрывала всю его фигуру. Он сидел там, как изваянный египетский кот или перуанская мумия, не двигая ничем, кроме своих черных глаз, и выглядел абсолютно нечеловечески. Этот образ и мой страх образно сочетались друг с другом. Я чувствовал, что в этом облике есть потенциал. Ничто из того, что у меня есть, не сможет защитить меня от такой судьбы, если для меня настанет час, который настал для него. Я испытывал такой ужас перед ним и так остро осознавал свое собственное, всего лишь мимолетное, несоответствие ему, что это было похоже на то, как будто какой-то то, что до сих пор было прочным в моей груди, полностью разрушилось, и я превратился в сгусток дрожащего страха. После этого вселенная для меня полностью изменилась. Утро за утром я просыпался с ужасным чувством страха внизу живота и с ощущением неуверенности в жизни, которого я никогда не знал раньше и которого я никогда не испытывал с тех пор. Это было похоже на откровение; и хотя первые ощущения прошли, с тех пор я с пониманием отношусь к болезненным переживаниям других людей. Постепенно это чувство прошло, но в течение нескольких месяцев я не мог выходить в темноту один.

В общем, я боялся оставаться один. Помню, я удивлялся, как

могли жить другие люди, как я сам когда-либо жил, не подозревая об этой яме неуверенности, таящейся под поверхностью жизни. В частности, моя мать, очень жизнерадостный человек, казалась мне совершенным парадоксом в своей неосознанности опасности, которую, как вы можете себе представить, я очень старался не тревожить откровениями о своем душевном состоянии. Я всегда думал, что этот мой приступ меланхолии имеет религиозное значение.'

Северная Каролина—8

нет

НОВЫЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

Вот почему мескалин может быть таким опасным. Это может погрузить разум в кошмар, но кошмар , от которого невозможно пробудиться, потому что на самом деле это указание на более глубокую реальность, чем реальность нашей повседневной жизни. Это правда, что кошмар "преднамеренный", но поскольку страдалец не знает, что это преднамеренно, это не может служить утешением. (Основной опыт ночного кошмара Джеймса был идентичен тому, который он испытал, увидев "далекие горизонты" , разница заключалась в том, что в случае с "безбрежностью" он, как он объясняет, "пребывал в состоянии философского пессимизма и общей подавленности по поводу своих перспектив", и , следовательно, уже склонен к негативной "интенционализации".)

Подведем итог: разум не воспринимает факты. Восприятие - это акт отбора определенного набора фактов в соответствии, так сказать, с настроением человека. Наша жизнь - это постоянный акт выбора, поскольку восприятие - это акт выбора.

Это позволяет нам сформулировать взгляд на человеческое существование , который является основополагающим для "нового экзистенциализма".

Знание и власть могут быть опасны, пока человек не научится их контролировать. Нельзя давать ребенку заряженный револьвер. По той же причине никто не обвиняет родителей в нечестности, когда они говорят ребенку, что рождественские подарки доставляет Санта Клаус. Мы понимаем, что мир ребенка нуждается в “защите” - он должен быть узким и понятным. пригодным для использования и искусственным, до тех пор, пока ребенок сам не почувствует необходимость возможность исследовать мир за его стенами. Было бы бесполезно убирать Красную Шапочку и Золушку и заменять их книжками с картинками о Бельзене и Хиросиме.

‘Стены’ - важное условие развития человека улучшения, и они выполняют очень позитивную функцию. Мы знаем , что детская книжка с картинками представляет собой фальшивую и чрезмерную упрощенный образ человеческого существования, но он также стимулирует воображение и укрепляет ум. Люди

нам нужен центр безопасности, из которого мы могли бы совершать вылазки во внешний хаос.

Именно по этой причине человеческое видение ограничено. Оно ограничено бессознательным намеренным актом. Мы не хотим заглядывать слишком далеко. Мы намеренно возводим “стены”, чтобы защитить себя.

Но здесь возникает абсурд. Психологический ‘шоры”, которые предназначены для защиты нашей энергии и жизненных сил. это может иметь противоположный эффект. Чрезмерная защищенность приводит к скуке, а скука ведет к упадку жизненных сил. Человек окружил себя стенами и построил свой узкий “человеческий мирок” как центр безопасности; но безопасность начала его душить.

Это главный урок, который можно извлечь из литературы девятнадцатого века. Совершенно неожиданно возникает тема, которой не касались предыдущие столетия: скука.

Скука - это суть проблемы, которую Гете выдвинул в “Фаусте”. Фауст - человек, посвятивший свою жизнь поиску знаний, чувствуя, что знания в конечном итоге превратят людей в богов. В середине жизни его энтузиазм улетучился. Теперь он “знает”

больше, чем любой из его коллег, но он ни в малейшей степени не чувствует себя богом нравиться. Это приводит его к убеждению, что знание - это иллюзия, что “мы ничего не можем знать”. Он впал в тотальный релятивизм. Но почему знание подвело его? Потому что, несмотря на его стремление исследовать вселенную, он все еще находится в ловушке узкого, скучного настоящего. Один только интеллект не может расширить его видение до горизонтов далеких фактов. Он остается человеком в лодке , окруженной туманом. И он осознает, что сети интеллекта слишком широки, чтобы уловить более важные виды знаний. Человек использует свой интеллект, чтобы не дать своему опыту ускользнуть от него. Но суть разума заключается в том, что он не может использовать свои знания.

опыт все равно ускользает. Сознательная память сохраняет лишь тонкую, выцветшую фотографию пережитого - например, радостей детства. Фауст делает это открытие, когда звонят пасхальные колокола и внезапно пробуждают воспоминания о его детстве.

Этот эпизод с пасхальными колоколами имеет символическое значение. Фауст был на грани самоубийства, когда зазвонили колокола; он проанализировал свою жизнь и решил, что она не стоит того, чтобы жить. Он, безусловно, проанализировал ее в меру своих интеллектуальных возможностей. “Колокола” учат его тому, что в этом вопросе интеллект - ложный ориентир. Все интеллектуалы ошибочно полагают, что интеллект может постичь жизнь. На самом деле это не так, потому что он работает в терминах символов и языка. Здесь задействован еще один фактор: сознательное мыс. Если пламя сознания слабо, символ не способен вызвать реальность, и интеллект беспомощен.

И все же эпизод с пасхальными колоколами - это великое подтверждение. Их воздействие на Фауста такое же, как действие мескалина на Олдоса Хаксли: они открывают мир в его нетронутой, первозданной красоте. Так что нет причин для

пессимизма в том, что интеллект не в состоянии постичь жизнь. Пасхальные колокола возвещают, что источником всякого пессимизма является ограниченность человеческого сознания. Но какое это имеет значение? Мы обладаем чувствами и эмоциями. “Пять окон освещают человека в пещере”, - как говорит Блейк, и если эти окна вымыть, то в результате все становится таким, какое оно есть на самом деле - бесконечным. Дисциплина Фауста была просто слишком узкой. Гете понимал это, когда заставил “Фауста” вернуться в мир эмоций и ощущений. Пасхальные колокола - это символ запредельного/утверждение реального существования мира красоты и интенсивности, находящегося за пределами нашего узкого человеческого сознания.

Это утверждение звучит достаточно банально, но оно имеет решающее значение. Потому что именно это убеждение и есть то, что

отсутствует в мире “старого экзистенциализма”. (Поздний Хайдеггер становится в целом более позитивным, но здесь не место говорить об этом.) “Философское уравнение”, предложенное Сартром или Камю, настаивает на том, чтобы придерживаться “этого мира”, который открывается нам через наши ограниченное сознание. Исходя из этого, было неизбежно , что они зайдут в тупик.

Но если выход из тупика лежит в признании реального существования этого мира красоты и интенсивности за пределами повседневного сознания, что тогда? Следующим этапом для “нового экзистенциализма” должно стать выдвижение некой непогрешимой интеллектуальной дисциплины для достижения этого мира. Феноменологический анализ подтвердил то, что Столетием ранее Блейк утверждал, что наши чувства - лжецы. Это, конечно, абсурдный способ выражения. Наши чувства не лгут; они не пытаются убедить нас в том, что наше узкое и ограниченное видение универсально верно. Это мы неверно истолковываем их свидетельства и обманываем сами себя. Выход состоит в том, чтобы сделать феноменологический анализ своей второй натурой и сделать фундаментальной предпосылкой нашей жизни то, что мир красоты и интенсивности реально существует.

Я много говорил о Фаусте, но с таким же успехом я мог бы

говорить об Обломове, или героях Достоевского (в частности, о Кирилове и Ставрогине в “Бесах”), или о героях Чехова. (Из-за своего провинциального характера Россия в XIX веке дала чрезвычайно богатый урожай “литературы о скуке”.) Все эти цифры прекрасно иллюстрируют то, что один писатель назвал ” великой тайной человеческой скуки’. Но все они иллюстрируют одну и ту же мысль: за последние полтора столетия защитные “стены” человека стали источником потенциальной опасности. Они угрожают ему удушением.

Теперь должно быть ясно, что, если рассуждения, приведенные в этой главе, верны, то “старый экзистенциализм” ограничен и внутренне противоречив. В таком случае, какой философ на этих основаниях можно построить софийное здание? Но прежде чем обратиться к этому вопросу, давайте немного подробнее рассмотрим проблему ‘ограниченного сознания’.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ

‘Великая тайна человеческой скуки’ стала предметом научных исследований сравнительно недавно. Люди с монотонной работой - водители дальнобойщиков, работники радаров и так далее - часто испытывают сенсорные галлюцинации - видят призрачных автостопщиков или изображение на радаре, которого на самом деле нет. В Принстонском университете было создано исследовательское подразделение для изучения последствий “сенсорной депривации” (часто сокращается до с.д.). Олдос Хаксли в своей книге о мескалине заметил, что люди,

погруженные в ванну с чуть теплой водой в темной комнате, начинают испытывать галлюцинации. Исследовательская группа из Принстона создала темную комнату, в которую не проникал ни один звук, и снабдила ее огромной кроватью, запасом еды и химическим туалетом. Испытуемых попросили оставаться в этой комнате как можно больше дней.

Результаты этих тестов1 дают нам много материала для размышлений о “намеренности”.

Три дня - это предел, который большинство людей могли выдержать, хотя многие утверждали, что могли бы продержаться и дольше! Некоторые испытуемые нажимали “тревожную кнопку” менее чем через полдня. (Как ни странно, заранее предсказать , кто это сделает, было невозможно.) Более сообразительные испытуемые находили это гораздо более угнетающим, чем менее сообразительные 1. “Загляни в черную комнату” Джека Вернона, издательство “Сувенир”.

те. В основном испытуемые спали в течение первых двенадцати часов или около того — часто это продолжалось до двадцати четырех часов. После этого пребывание в заключении становилось все более угнетающим. Было обнаружено, что испытуемые становились более восприимчивыми к пропаганде, записанной на пленку, всего после двадцати четырех часов пребывания в “темной комнате”.

Эти эффекты, возможно, предсказуемы. Гурджиев однажды заявил, что сенсорные стимулы так же необходимы людям, как еда и питье, - фактически, это своего рода еда и питье. Но некоторые эффекты были менее значительными. В качестве испытуемых были использованы люди с сильными простудными заболеваниями, которые полностью исчезли через два дня. Двое мужчин, страдавших от отравления плющом на руках и предплечьях, были госпитализированы, и их руки были закрыты перчатками, чтобы они не могли поцарапаться. (Это произошло

случайно, исследовательская группа не знала об отравлении плющом.) Можно было бы предсказать, что сорок восемь часов в темной комнате, где запрещено чесать зудящие места, превратятся в ад. На самом деле, они переносили это очень хорошо, и отравление плющом прошло через два дня. Как и в случае с простудой, это было намного короче, чем обычно. Заядлые курильщики обнаружили, что в своей одиночной камере они не испытывают желания курить.

Как и в случае с мескалином, эффекты кажутся странно противоречивыми. Но в свете того, что было сказано в предыдущей главе, их достаточно легко объяснить; они становятся еще одной иллюстрацией действия интенциональности. В рамках не поддавайтесь панике, стоит только подумать о том, что произойдет, если нам станет скучно, и нога начнет чесаться. Мы чешем ее, и зуд переходит в другое место… и так далее. 1 Или о том, что происходит, когда мы чувствуем себя больными, и справляемся с этим. 1 Один знакомый рассказал мне историю, которая создает идеальную иллюзию движение. Когда ему было около шести лет , в его гостиной загорелся камин. Его отец наполовину отодвинул металлическую пластину от дымохода, и он был очарован, увидев горящую сажу. В этот момент его младший брат впал в панику, опасаясь, что

чтобы рассеять болезнь, мы думаем о других вещах; в этом случае очевидно, что размышления о болезни углубляют и продлевают ее, тогда как она исчезла бы, если бы мы могли проявить достаточный интерес к чему-то другому. Точно так же субъект, находящийся в темной комнате, испытывает скуку и смутное чувство дискомфорта. Поскольку ничто не отвлекает его внимание от происходящего, он использует всю свою силу воли. на это обращают внимание, усиливая это в десять раз, в результате чего это может перерасти в панику.

С другой стороны, если мы простужены или страдаем каким-либо

другим физическим недугом, то обычные отвлекающие факторы повседневной жизни мешают нам использовать всю силу воли - в данном случае, чтобы вылечить его. Темная комната высвобождает эти внутренние силы, которые “растапливают” недуг, как солнце лед.

(В свете наших наблюдений некоторые из “абсурдных” утверждений христианских ученых начинают казаться менее необоснованными. Они утверждают, что с помощью определенного акта “веры” , аналогичного вспышке просветления у приверженцев дзен, болезнь может быть мгновенно излечена. “Акт веры” может быть не более чем способом концентрации этих сил намеренности.)

Давайте подробнее рассмотрим последствия этих идей.

Хаус загорелся и начал плакать. Он утешал своего брата и говорил ему, что тот ведет себя глупо. Но как только страхи брата рассеялись, он начал задумываться о том, что произойдет, если верхние комнаты загорятся, и его охватила паника. Он попытался объяснить мне это , сказав: “Я на самом деле не верил, что комнаты наверху могут загореться; но когда мой брат перестал плакать, я испытал чувство анти кульминации и начал представлять, на что это было бы похоже. Тогда мое воображение, казалось, разыгралось, и я не смог справиться с паникой”. Он также упомянул, что, когда он был ребенком, его однажды предупредили, чтобы он никогда не думал о привидениях в темноте, потому что это может вызвать их появление; в результате всякий раз, когда он оставался один в темноте, он чувствовал, что ему страшно. в темноте он испытывал ужасное желание думать о призраках, которое становилось все сильнее по мере того, как он все больше пугался.

n8

НОВЫЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

Никто, конечно, не утверждает, что он абсолютно новый. В “Размышлениях” Паскаля говорится о постоянной потребности человека отвлечься, о его страхе остаться в одиночестве. Что

касается неиспользованных внутренних ресурсов человека, исследователи часто замечали, что человек необычайная выносливость в условиях кризиса. И Дон Хуан в книге “Человек и сверхчеловек” отмечает, что человек со страстной верой почти непобедим, в то время как самый сильный человек становится моральным трусом без глубоких убеждений.

Но эксперименты в темной комнате, как и исследования трансакционистов и экзистенциальных психологов, позволяют нам соотнести эти наблюдения с более широкой картиной человеческой психики. Кажется очевидным, что человек обладает огромными способностями, которые он предпочитает не использовать, потому что в настоящее время их использование опасно. “Обычное сознание” - то, что люди называют просто “сознанием” и принимают как абсолют, - это не более чем своего рода мера безопасности. Человек, так сказать, добровольно отключил себя от главного источника своей энергии и ограничил себя карманным генератором, которого достаточно, чтобы обеспечить энергией узкий мир внутри ‘стен’.

Но, отрезая себя от внешних границ сознания, он также лишает себя чувства цели. Он полагается на определенную инстинктивную цель, которая остается “за порогом’. Но чем более разумным и самокритичным он становится, тем больше он отдаляется от этого инстинктивного ощущения жизненной цели. Поэтому наступает время, когда он ‘просыпается’ с ощущением полной абсурдности своего положения в ограниченном мире обыденного сознания. В этот момент он задает вопрос, который кажется бессмысленным для недалеких людей: “Кто я?” Рассказ Толстого “Дневник сумасшедшего” драматизирует такое пробуждение. Его главный герой, отправившийся в деловую поездку, из-за которой ему пришлось уехать из дома по факсу, просыпается посреди ночи и чувствует

внезапно осознается абсурдность принятия нашей жизни без вопрос - и страх, что все это может быть какой -то ужасной

ошибкой или какой-то хитрой ловушкой. (И притча о Гурджиев делает это еще более ясным, поскольку сравнивает людей с загипнотизированными овцами, которых откармливают для мясника.) У Герберта Г. Уэллса было такое пробуждение в конце его жизни, которое он выразил в пессимистической книге ” Разум на пределе своих возможностей. Опыт общения Джеймса с идиотом был такого же рода, как и тот опыт, который Сартр описал в “Тошноте”.

Теперь мы можем понять, почему Фауст решил эту проблему неправильно (как и Т. Э. Лоуренс столетием позже). Он попытался вернуться назад, опуститься до более инстинктивного уровня. ив. (Точно так же, по словам Лоуренса, он завидовал солдату со своей девушкой или мужчине, гладящему собаку.) Очевидно, что это не решение проблемы. Решение заключается в том, чтобы вернуть чувство цели через углубление сознания, чего можно достичь с помощью феноменологического анализа. Мескалин, конечно, сделает это с гораздо меньшими усилиями, как показал Хаксли; но недостаток в том, что, когда возвращается “обычное сознание” , смысловое содержание мескалинового видения остается незамеченным. Феноменологическая дисциплина, возможно, является гораздо более трудным путем, но зато более надежным.

Можно возразить, что во всех этих разговорах о мескалине и сознании мы оставили область философии и перешли в область психологии. (Точно так же некоторые феноменологи обвиняют более поздние Гуссерля о том, что он перестает быть философом и переходит в области, находящиеся на полпути между психологией и религиозными спекуляциями тион.) Я надеюсь, что в последующих главах будет показано, что эта идея основана на недоразумении. Но в то же время можно отметить, что и Сартра, и Хайдеггера интересовали те же вопросы, хотя и в менее специфической форме. Не следует забывать, что мы не являемся

говорить о мистическом опыте или даже (обязательно) об опыте

употребления наркотиков. Взгляд Джеймса на хор “воспоминания об отдаленных фактах” произошли в ходе обычного разговора. Причина, по которой нам трудно “выделить” свой путь к такому переживанию, заключается в том, что мы не можем осознать, что в этот самый момент мы находимся в положении человека в лодке, окруженного туманом. Этот обычный мир выглядит достаточно нормальным. Один плюс один - это два; следствия следуют за причинами. Мы не можем поверить, что наше зрение ограничено и что мы видим причин не больше, чем мужчина видит мальчика, бросающего камешки по воде. Требуется довольно неприятное пробуждение, чтобы мы осознали, что этот мир “абсурден”. (Абсурдность, конечно, означает беспричинность - как ухмылка Чеширского кота, которая остается в воздухе после того, как весь остальной кот исчез; когда человек в лодке осознает, что камни не могут скользить по волнам по собственной воле, он осознает абсурдность своего положения.)

Хайдеггера, как уже отмечалось , в первую очередь беспокоила наша “забывчивость о существовании”, которую он считает причиной кризиса современного мира. Это, конечно, синоним скуки или чрезмерного увлечения. панибратство. Переживание Джеймсом ‘горизонтов отдаленных фактов” было противоположностью такой забывчивости; все становится более реальным. И у Хайдеггера, и у Сартра было одно и то же предложение относительно “забвения существования ” (которое также является потерей свободы): взглянуть в лицо факту смерти. Встреча со смертью пробуждает человека к горизонтам возможностей за пределами настоящего. Кризис или опасность могут иметь тот же эффект (“свобода - это террор”, - говорит Сартр). Но можно заметить , что эти предположения по сути своей негативны (а защита Сартром “террора” в “Критике диалектического разума” имеет почти юношеский привкус).

Все это должно прояснить, что “новый экзистенциализм’

ВНУТРИ ТЕМНОЙ КОМНАТЫ Я 2 Я

ЭТО не более чем попытка развить позитивные возможности возможности, которые уже присущи “старому экзистенциализму” , который по причинам, рассмотренным в первой части этой книги, не смог продвинуться дальше негативной стадии.

Таким образом, “новый экзистенциализм” основан на двойном

признании: (а) того, что “обычное” человеческое сознание ограничено, и (б) того, что это ограничение, в определенном смысле, добровольное. Этот последний момент достаточно легко понять, если мы рассмотрим, что происходит, когда мы пытаемся сосредоточиться на чем-то в неблагоприятной обстановке - скажем, пишем письмо в комнате, полной детей. Если мы добьемся успеха таким образом, мы добровольно исключаем возможность осознания шума , производимого детьми, хотя при других обстоятельствах мы могли бы счесть это приятным. На самом деле, мы можем обнаружить , что пишем письмо, сидя на берегу ручья в обычный день, когда все виды и звуки кажутся совершенно приятными; тем не менее, гораздо важнее сосредоточиться. Такого рода отстраненность вошла у людей в привычку.

Это ограничение сознания порождает парадокс , который я в другом месте назвал “границей Святого Неота” (чисто личный термин) или “порогом безразличия’. Человек, у которого вошло в привычку концентрироваться , когда его что-то отвлекает, может обнаружить, что его “отчуждение” от окружающего вошло в привычку. У всех нас был опыт умственного истощения, когда мы пытались закончить книгу “за один присест” и оказывались в затруднительном положении. в течение нескольких часов после этого мы совершенно не способны расслабиться или получить удовольствие от чего-либо . Наша способность “исключать” подавлена, и мы продолжаем смотреть на вещи с безразличием. По сути, это форма ‘забвения существования’.

Как только мы оказываемся в таком состоянии “безразличия”, удовольствиям становится чрезвычайно трудно достучаться до нас. С другой стороны, перспектива боли или неудобств приводит к

признаю “исключающую способность” и отвергаю ее. Я назвал это состояние, в котором нас может стимулировать боль (или неудобство), но не удовольствие, безразличием

ˆ Когда мы думаем об этом, мы обнаруживаем, что “безразличие” “порог восприятия” играет чрезвычайно важную роль в сознательной жизни. Нужно быть совсем немного философом , чтобы заметить это. Человек проводит свою жизнь в борьбе за то,

чтобы чего-то достичь; как только он этого достигает, ему становится скучно. Человек никогда так глубоко не осознает свою потребность в свободе, как когда он закован в цепи. Сбросьте цепи, и его представление о свободе станет совсем тусклым. (Сартр замечает , что он никогда не чувствовал себя таким свободным, как во время войны, работая в Сопротивление, находясь под постоянной угрозой опасности.)

Все это запечатлено в старой детской сказке о старухе в бутылке с уксусом. Проходившая мимо фея услышала, как она жаловалась, что ей слишком тесно, и превратила бутылку с уксусом в домик. Месяц спустя, проходя мимо , она остановилась посмотреть, как поживает пожилая леди, и обнаружила , что та жалуется на то, что ей все еще слишком тесно. Она превратила коттедж в маленький домик… И так далее , пока фея не превратила бутылку с уксусом во дворец; и все же старушка находит, что ей подарить. примерно так. Итак, фея превращает дворец обратно в

Обратную сторону медали можно найти в истории еврейского крестьянина, который пошел к раввину пожаловаться , что его хижина слишком мала для его растущей семьи. Раввин велел ему тоже завести корову и козу в хижину, а через неделю снова выставить их; тогда хижина будет казаться огромной, как дворец.

Предметом обеих историй является негативный элемент в человеческом понимании ценностей. Они могли бы быть использованы в ходе реакции философа, чтобы проиллюстрировать, что невозможно сделать

мужчины становятся счастливее. Но это было бы поверхностной интерпретацией. Шоу отметил, что у ребенка меньше возможностей для свободы, чем у взрослого; каникулы ему надоедают уже через несколько дней. На самом деле, мы можем повзрослеть и обрести более позитивную способность к свободе. Но свобода сама по себе - гораздо более сложный вопрос, чем Руссо никогда этого не осознавал.

В какой-то степени эта проблема носит биологический характер. Как сказал Герберт Уэллс, с незапамятных времен животным приходилось “бороться с этим”. Чтобы выжить, они должны были сохранять концентрацию внимания, концентрироваться на своем деле и постоянно высматривать врагов. Человек достиг своего нынешнего положения благодаря способности сужать свое внимание, “исключать” все, что не имеет отношения к текущему делу. Это исключение вошло у него в привычку, так что, когда он перестает прилагать усилия, ему становится скучно. Он построил цивилизацию из скуки и беспокойства. “Исключать” стало его второй натурой, и он не может легко отказаться от этого. Но сейчас это становится серьезной проблемой. У человека есть технические ресурсы для создания всемирной утопии. Человеку пора перейти на новый уровень, на котором созерцание становится естественным, на котором он исследует мир своего собственного существа. Но от привычки, сложившейся за миллионы лет, так просто не избавишься.

Биологический подход позволяет нам увидеть проблему с новой ясностью. Именно Герберт Уэллс высказал предположение, что человек находится в том же положении, что и ранние амфибии, которые пытались покинуть море и стать наземными животными. Они ненавидели море - должно быть , именно это побудило их выйти на сушу, - но у них были только плавники, так что они не могли нормально передвигаться по суше. Уэллс (в книге “Эксперимент в автобиографии”) сравнивает положение этих “промежуточных” животных со своим

сам по себе как писатель. Главный импульс его жизни - обратиться внутрь себя, “создать новый разум”; он ненавидит бесполезные прерывания простого физического существования - ощущения, как Аксель, что касается жизни, то это могут сделать за нас наши слуги”. Несмотря на это, творческий работник интеллектуального труда не в состоянии сделать определенный выбор; он по-прежнему разрывается между двумя мирами.

Эволюционизм Уэллса разделяют также сэр Джулиан Хаксли и Пьер Тейяр де Шарден. На самом деле взгляды , изложенные в “Феномене человека”, представляют собой не более чем развитие позиции Уэллса. Все у Тейяра основано на признании того факта, что человек - это существо, находящееся на полпути и вынужденно застрявшее между физическим миром и “страной разума”. Тейяр называет эту последнюю “нобсферой”, а первую - “биосферой”. сфера. “Человек эволюционировал до такой степени, что стал решительно возражать против своей зависимости от биосферы. Он может испытывать презрение к владельцу кафе, у которого пустеет голова , когда пустеет его кафе; но он знает, что на самом деле он не так уж сильно отличается от владельца кафе. Он знает, что в значительной степени он - автомат, чья жизнь проходит в “частичном наблюдении за собственным автоматизмом” (фраза Элиота). С этой проблемой сталкиваются все романтики и научные идеалисты. Сферы знаний, кажется , обещают увеличение могущества, избавление от человеческих проблем. Он представляет, как его разум погружается в эти новые сферы, как корабль в неизвестное море. Он чувствует, как его прежняя личность сбрасывает с себя змеиную кожу, когда он объявляет вэнсес. У него возникает интуитивное представление о “людях, подобных богам” , о человеке, который никогда не испытывает скуки, для которого мир бесконечно увлекателен и прекрасен, о бесконечных перспективах новых знаний и новых сил. Прежде всего, это идея победы над скукой. В нашей жизни так много скуки, неудовлетворенности и принятия всего второстепенного.

В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ

I2, 5

,.®“; без безразличия

порог, старуха в бутылке с уксусом. В должное время

Он был здесь и думал об этом всю жизнь, чувствуя, что променял свою молодость на волшебное золото. Видение “таких мужчин, как

боги исчезают. Он начинает осознавать, что является жертвой своего автоматизма, что его тело и психологические привычки тянут его обратно в физический мир. Мы недостаточно сильны. Сам мир - это гигантская темная комната* это доказывает, что мы слишком зависим от физических стимулов. Страны, входящие в mmd, могут быть обширны, но человек не может получить визу, чтобы остаться там. Он может получить только дневной билет, который заставляет его возвращаться каждый вечер.

Следует понимать, что все это не теоретические рассуждения, а прямое наблюдение. Это проблема поэтов и романтиков девятнадцатого века; вот почему было так много самоубийств и ранних смертей. Прежде всего, пришло видение человека с новыми силами, новыми чувствами, способного войти в природу, оценить мир, в котором он родился. Были экстазы, озарения и моменты единения с природой. Затем ‘провидческий Герн сбежал, и поэт снова оказался в “свете обычного дня” . Он был разбит, как мужчина, которого бросила любимая женщина. “Аластор” Шелли - это история о поэте, который проводит свою жизнь в поисках истины.

отчаяние 16 ˆ 0066, заключенный в объятия сна, пока не умрет от Поэзия в девятнадцатом веке была очень близка к

осознанию того факта, что поиски были

неразрывно связаны с мистическими. (Без сомнения, именно поэтому

многие из лучших поэтов стали новообращенными.) И наоборот, мистик, подобный индуисту Рамакришне, может рассматриваться как более успешная версия поэта-романтика - более успешная, потому что он родился в стране и в религиозной традиции, которые позволили ему быть одиноким

Северная Каролина—9

о своей цели. В детстве Рамакришна однажды увидел стаю белых журавлей, летевших на фоне темной грозовой тучи, и был настолько переполнен восторгом, что потерял сознание. Позже попытка самоубийства привела к внезапному видению ” божественной матери” и состоянию “самадхи” (мистического экстаза). Все это осталось в романтико-экзистенциальной традиции. Столкновение со смертью разрушает ” порог безразличия”, и он переживает гораздо более сильную версию переживания Уильямом Джеймсом “отдаленности фактов”.

Рамакришна, кажется, решил романтическую проблему. Он может свободно перемещаться между физическим миром и миром духовным; простого упоминания имени Кришны или Кали достаточно, чтобы погрузить его в состояние самадхи. И все же общее впечатление о его жизни остается неудовлетворительным - как это проявляется в различных биографиях, - а его смерть от рака горла только подчеркивает это ощущение окончательного провала. Мистицизм, похоже, не дает ответа.

Но что становится ясно из рассказов Уэллса и Тейяра , так это то, что человек - целеустремленное животное. Он проявляет себя наилучшим образом, когда им движет какая-то цель. В остальном он странный и параноидальный ядовитое существо. Большинство животных легко успокаиваются. При полном желудке и солнечном дне лев будет отдыхать так же удовлетворенно, как корова. Ни одна собака или кошка не ведет себя так, как старуха из бутылки с уксусом, или как Александр Великий. Великий, жаждущий новых земель для завоевания. Но почему старуха в бутылке из-под уксуса вела себя так отвратительно? Возможно, это было вызвано явным слабоумием и отсутствием самодисциплины. Но, возможно, это также было связано с тем, что она также испытывала потребность в каком-то более глубоком и целенаправленном образе жизни. Большинство людей не знают себя достаточно хорошо, чтобы понять, чего они хотят, но у них есть

здравый смысл подсказывает, чего они не хотят. Человек - существо целеустремленное, и нет причин, по которым он должен довольствоваться коттеджем или дворцом.

Но с какой целью? Это становится все более серьезной проблемой в двадцатом веке, когда разумный человек стал слишком критичен, чтобы принимать на веру религиозные или политические убеждения, которые возникают сами собой. “Цивилизация не может выжить без религии”, - говорит Шоу, и его точку зрения можно понять. Он всего лишь говорит, что человек - существо целеустремленное и что материальное процветание и безопасность не заменят чувства цели. (Есть мрачная притча от Бнусов назвал Республику Южного Креста, в которой идеальное общество, “не имеющее материальных потребностей - и идеалистического чувства цели тоже - впадает в своего рода спонтанное безумие и разрушает само себя”. История была

написанный до двух мировых войн, он подчеркнул этот момент.)

Проблема цели, несомненно, является главным вопросительным знаком, который экзистенциализм не смог преодолеть. Вот почему экзистенциализм потерпел крах. Недостаточно заявить, что ответом является универсальный социализм или всеобщее

справедливость или то, что каждый должен сделать свой собственный выбор. Какой выбор?

Не будет уклонением сказать, что ответ связан с Фауст. Ибо в 1800 году многим разумным людям, должно быть, казалось, что религия идеализма и прогресса человечества заменит старые религии догм и сверхъестественного. Эта новая религия идеализма воплощена в Фаусте. Так что же пошло не так? Что же мешает человеческому духу устремляться “вверх и О том, как стать подобным богу через знание, поэзию и веру в самого человека? Это не было (мы должны отметить) религия прогресса была слишком материалистичной. То

романтики всегда говорят о Боге - даже такие атеисты , как Шелли.

Экзистенциализм пытался найти ответ, но так и не нашел его. Стоя перед расстрельной командой, виски-священник Грэма Грина признал, что “было бы так легко стать святым”. Хайдеггер также признавал, что перед лицом смерти человек обретает проблеск “подлинности”. Что это значит, кроме того, что человек без цели не является подлинным - в каком-то фундаментальном смысле он неполноценен, как автомобиль без бензина?

Одно можно сказать наверняка. ‘Цель’ должна быть понята дальновидным интеллектом. Человек в лодке должен научиться видеть сквозь туман, чтобы избежать своей вовлеченности в мир ложных причин и следствий. Цель не может быть придумана каким-то новым пророком и превращена в призыв к объединению. Решение также не в Арнольде. Идея Тойнби о “универсальной религии” была сформулирована путем смешивания христианства, индуизма, магометанства и всего остального в одном котле. Не может быть никакого “конкретного решения” проблемы, то есть такого решения, которое можно было бы немедленно применить к “человеку с улицы”. Впрочем, вряд ли это важно. Ни одно великое открытие никогда не было сделано в интересах человека с улицы. Ньютон не имел ни малейшего представления о начале промышленной революции, когда изобретал математический анализ; Эйнштейн не думал об атомной энергии, когда создавал теорию относительности.

Все, что стоит на пути к решению - и к новой фазе развития нашей цивилизации, - это вопрос , который Гете сформулировал в “Фаусте” и который, как мы видели, сводится к вопросу о ” пороге безразличия”, “великой тайне человеческой скуки”. Экзистенциализм был одной из длительных попыток решения этой проблемы. Но, с нашей точки зрения, это первый реальный шаг к

ВНУТРИ ТЕМНОЙ КОМНАТЫ

исследовательские группы Макгилла и Принстона занялись сенсорной депривацией. Поскольку они ясно показывают, почему Фауст не смог продолжить начатый им путь. Ученый, углубившийся в свои книги , страдает от сенсорной депривации, которая в конце концов становится настолько острой, что весь его энтузиазм улетучивается. Но это осознание - только первый шаг к решению. Оно лишь указывает на новую проблему. С сенсорной депривацией можно бороться; она не абсолютна, первоначальное представление Фауста об идеалистической цели было доказательством этого; потребовалось несколько лет, чтобы эта цель ослабла.

Это может показаться чрезмерным упрощением, но это только потому, что мы не осознаем всей глубины и сложности проблемы сенсорной депривации. Мы склонны думать об этом так, как будто это то же самое, что авитаминоз. Это не так; это напрямую связано с самыми насущными вопросами человеческого существования. Раскольников, когда подумал о возможности быть казненным за убийство, подумал, что предпочел бы целую вечность простоять на узком карнизе , окруженный тьмой и бурей, чем умереть сразу. Страх смерти поднял его сознание свободы до такой степени, что он начинает осознавать абсолютную ценность своего существования. Этот “безразличный” “порог” был полностью разрушен; следовательно, Постепенно мысль о сенсорной депривации перестает его беспокоить. Сенсорная депривация, порог безразличия и состояния “мистического восприятия” напрямую связаны.

Этот вопрос можно прояснить, обратившись к Тейяру. Тейяр утверждал, что между человеком и низшими животными существует абсолютный разрыв, такой же, как между живым существом и камнем. Камень вообще не обладает свободой, потому что в нем нет жизни. Это энергия

лишен свободы и может быть представлен прямой линией, которая имеет длину, но не толщину. Все живые существа обладают определенным измерением свободы и могут быть символизированы квадратом. Но все животные полностью зависят от внешних раздражителей, и мы можем сказать о них (как о

владельце кафе): что их головы пустеют, когда нет никаких стимулов.

Теперь можно было бы сказать, что человек - это “куб”, что у него есть еще одно измерение внутренней свободы, эта способность уплывать в ноосферу, распространять свои действия на чисто ментальную сферу. К сожалению, это было бы неверно, поскольку эксперименты в темной комнате показывают нам , насколько человек зависим от внешних раздражителей. Вызовы ментального мира недостаточно сильны , чтобы поддерживать его жизнеспособность на высоком уровне. Иными словами, человека еще не существует. Существо, которое мы называем человеком, находится на полпути между животными и истинно человеческими существами.

Это не так обескураживает, как кажется. Шоу говорит, что ” мозг не подведет, когда воля работает всерьез’. Покажите человеку проблему, которая мешает его прогрессу, и он сметет ее с пути одной лишь силой воли. Но пока он не увидит проблему ясно, он беспомощен. Это должно быть заявлено с такой ясностью, чтобы можно было задействовать всю силу человеческой воли и интеллекта.

Экзистенциализм намеревался это сделать - и потерпел неудачу. Он заблудился в лабиринте, который сам же и создал. Но теперь мы можем видеть природу препятствия, и нет причин, по которым оно не могло бы устраниться само собой и продолжить решение проблемы

Все, что я сказал до сих пор, - это “фундаментные работы”. В следующих главах я попытаюсь хотя бы в общих чертах описать здание, которое будет возведено на фундаменте. Это вопрос метода.

Главная ошибка романтиков девятнадцатого века - и это повторяется экзистенциализмом - было искать

ВНУТРИ ТЕМНОЙ КОМНАТЫ

“практическое” решение: обращение в религию, участие в политической жизни мент. В “Докторе Фаустусе” Манн даже ностальгически возрождает старую идею о продаже души дьяволу. Мысль о том, что философия может дать ответ, показалась им какой -то слишком холодной и непривлекательной. И все же становится все более очевидным, что ответ кроется именно в этом. Интересно рассмотреть историю романтизма - то, как он извивался то в одну, то в другую сторону, пытаясь найти решение в какой-нибудь простой области действия. Все начинается с того, что “Фауст” Гете превращается в любовный роман, и Шиллеровский Карл Моор решает стать грабителем. Еще двадцать лет, и полное поражение воспринимается как должное; поэт не может жить в этом мире; он должен умереть и надеяться , что обретет свое видение по ту сторону смерти. Итак, мы видим длинную череду “посвященных смерти”, от Новалиса до Верлена. В новом столетии несколько запоздалых романтиков - Манн, Пруст, Гессе - снова взялись за эту проблему . На самом деле они философы-экзистенциалисты, использующие роман как средство для изучения проблем. У Пруста есть опыт, идентичный опыту других авторов. Уильям Джеймс, когда он пробует пирожное, обмакнутое в чай, и “туман” внезапно рассеивается, открывая далекие горизонты его собственной жизни. Его длинный роман - своего рода вымышленный аналог “Я и жизнь” Хайдеггера, и некоторые пассажи в нем обладают психологической проникновенностью, сравнимой с “Хей” деггер 1. Но поскольку философия Пруста в основе своей пессимистична как ни странно, окончательного решения здесь ожидать не приходится.

Гессе приводит еще более интересный пример , поскольку в своих произведениях он обобщает всю историю романтизма девятнадцатого века. В ранних романах, таких как Питер Каменцинд, герой - путешественник, надеющийся найти

1. Например, анализ Марселя, в омбр де jeunes filles не его реакция на девушку продажа кофе на обочине железнодорожного вокзала рядом Бальбек.

его идеал где-то в мире - как Аластор у Шелли. У Демиана идеалом становится мистическая фигура матери. В “Сиддархе” и “Путешествии на Восток” он играет с восточными религиозными дисциплинами и идеей некоего мистического братства сообщество адептов, которое напоминает о мадам Блаватской.

В “Степном волке” он ставит проблему с поразительной ясностью - по этой причине этот роман остается его самым интересным романом. Степной волк - скучающий мужчина средних лет, который живет один и проводит свои дни за чтением и проигрыванием грампластинок Моцарта, а также подумывает о самоубийстве. Но в определенные моменты у него возникает опыт , описанный Джеймсом; горизонты открываются, и он осознает “какой богатой была галерея моей жизни” 5 ; это напоминает ему о Моцарт и звезды.’ Это не может быть яснее ясного. “Степной волк” рассказывает о пороге безразличия, о “великой тайне человеческой скуки”. В нем задается вопрос:: Почему силы людей, подобных “Степному волку”, парализованы этим странным душевным оцепенением? Разве человеку не стало бы лучше, если бы его сознание могло быть постоянно расширено до этих “отдаленных горизонтов”? Потому что вместо того, чтобы тратить дни на скуку и апатию, он мог бы использовать свои силы для созидания, для решения проблемы следующего этапа человеческой эволюции.

Но Гессе не может найти решения. Его последняя крупная работа, “Игра в бисер” возвращается к идее ордена адептов, своего рода гуманистической религии будущего, в которой “вечный поиск” символизируется ритуалом ” игры в бисер”. Вместо того, чтобы стать новообращенным католиком, Гессе создал свою собственную религию, но результат тот же самый: застой.

Проблема сама по себе не может быть яснее, а четкая постановка проблемы, безусловно, является самым важным шагом на пути к ее решению. Теперь остается решить проблему знания о методе, об инструментах для борьбы с этим. Ньютон был

ВНУТРИ ТЕМНОЙ КОМНАТЫ

способный написать “Принципы” и решить все вековые проблемы астрономии одним махом, не потому, что у него мозги были лучше, чем у Галилея или Декарта, а потому, что он наткнулся на правильный инструмент - математический анализ. Главная проблема “нового экзистенциализма” заключается в создании такого инструмента философского анализа, как математический анализ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЯЗЫК И ЦЕННОСТИ

Мы попытались изложить основные религиозные проблемы на философском языке. Религия - это вера в то, что повседневная человеческая реальность не является истиной в последней инстанции и что существует реальность иного порядка, которая обычно недоступна человеческому сознанию. Но религия склонна говорить о двух “реальностях”, двух сферах истины, тогда как на самом деле “две реальности” - это всего лишь два аспекта одной и той же реальности: один виден, так сказать, в микроскоп, другой - с помощью телескопа. масштаб. Для повседневного существования человека микроскоп является гораздо более полезным инструментом, чем телескоп, поскольку мы имеем дело с мелкими проблемами. Но нам также нужен телескоп, чтобы увидеть все в целом, поскольку он дает нам движущую силу, наше знание того, что нужно сделать. Проблема человека в том, что он склонен попадать в ловушку мира микроскопа, терять чувство цели среди тривиальностей. Его проблески, как правило, приходят случайно. Его проблема в том, чтобы научиться делать так, чтобы они приходили, когда это необходимо. Он находится в положении человека, владеющего огромной и сложной машиной, способной удовлетворить все его потребности, но не имеющего ни малейшего представления о том, как ею управлять . Он не знает, где найти пульт управления сознанием.

Необходимость проста: ‘понять машину’. Инженер, столкнувшийся с такой проблемой, обратился бы к

это феноменологически. Иными словами, он начинал с того, что прикреплял ярлыки к каждому рычагу и кнопке на машине; затем нажимал их один за другим и писал описание того, что происходило. И, как любой ученый, он воспользуется привилегией изобретать новые слова для описания явлений, для которых старый язык не подходит.

Давайте на мгновение рассмотрим природу языка.

Рассмотрим предложение “Цель языка - описание фактов. Слово “цели” - это метафора; язык - это не ружье или лук со стрелами. Если бы мы сказали, что “язык стремится описывать факты”, мы все равно были бы неточны; стремится не язык, а человек, его использующий.

Таким образом, хотя язык имеет дело с фактами и связью между фактами, он не “привязан к фактам”. Он достигает большинства своих результатов с помощью метафор, жестов и указаний. Если мы откроем любую книгу - даже сборник детских сказок, - то вскоре обнаружим, что язык не “подогнан под реальность”; по большей части это очень свободная одежда. Язык по большей части неточен. Фраза типа “Кошка сидела на коврике” может быть достаточно точной, но как только мы пытаемся выразить идею любой сложности, нам приходится полагаться на метафору и жест. (Под ‘жестом” я подразумеваю слово, которое не совсем точно, но указывает на то значение, которое оно хочет передать.)

Даже это не описывает сложность проблемы. Когда я пытаюсь объяснить что-то довольно сложное, мои “жесты” опираются на определенную общую основу понимания между мной и читателем. Но язык сам по себе является попыткой установить такую общую основу. Общая основа слов или под положение подразумевает последовательность фактов, которая воспринимается как мной, так и читателем. Но поскольку речь идет о языке

что касается отношений между фактами, то ‘структура фактов’ должна быть конечным продуктом языка. Другими словами, в идеале язык должен начинаться с отдельного слова для каждого отдельного факта, а затем переходить к рассмотрению отношений между фактами. Вместо этого он должен постоянно указывать на “общую основу” фактов, чтобы вообще двигаться вперед. Если “общие точки соприкосновения” содержат неверные представления о взаимосвязи фактов, то эти неверные представления почти наверняка будут перенесены на сам язык.

Язык наиболее прост, когда он соответствует простому опыту, который объединяет большинство людей. С этого момента он может быть расширен, чтобы вызывать менее распространенные переживания. Например, человек, побывавший в далекой стране, может рассчитывать на то, что он сможет донести большую часть своих впечатлений до людей, оставшихся дома , описывая свои новые впечатления в терминах старого общего языка. Но такой путешественник всегда осознает коварство языка, поскольку знает, что его аудитория будет продолжать воспринимать его приключения с точки зрения собственного ограниченного опыта. Его слушатели могли бы жить в странах с умеренным климатом, так что слово “солнце” навевало бы мысли о катании на лодке по реке и игре в крикет на деревенском лугу; такой аудитории было бы трудно понять душевное состояние человека, пересекающего Сахару.

Когда речь идет о передаче идей, проблема становится гораздо более острой. Гораздо сложнее убедить аудиторию присоединиться к вам в путешествии идей, поскольку идеи нельзя воспринимать опосредованно, как в путешествиях. Чтобы правильно понять, читатель должен изучить каждый дюйм дороги. И здесь разница между ограниченным опытом и опытом более широким становится огромной. Домоседу достаточно легко попасть под имейте в виду, что солнце Сахары может быть менее приятным, чем

солнце в Хэмптон-Корте; никто не утверждает, что это парадокс или пример двух разных порядков истины о солнце. Но умственно отсталым домоседам практически невозможно внести коррективы, которые позволили бы им понять смысл смелой идеи. Очевидным примером является трудность, с которой сталкивается непрофессионал, пытаясь понять теорию относительности. Точно так же человеку, воспитанному в какой-либо узкой религиозной традиции, с представлением о том, что атеист - это воплощение зла, будет совершенно невозможно понять цель философии Гегеля, которая является одновременно религиозной и агностической.

Давайте на мгновение задумаемся о том, как функционирует язык и как возникает “новый язык”.

Самый простой способ появления “нового языка” - это когда “новому объекту” требуется имя. ‘Новый объект’ может быть действительно новым - новый химический элемент, новый вид микроба. Но это может быть всего лишь вариант того, что уже существует. Слово “мошенник”, появившееся в сороковых годах прошлого века, описывает особый тип мошенников. У людей, которые сталкивались с мошенничеством, оно вызывает в воображении чрезвычайно точную картину . Чтобы объяснить слово “спив” человеку из какой-нибудь далекой страны, потребовалось бы очень много слов; его нужно было бы познакомить с социальной средой, которая породила спив.

Теперь рассмотрим слово “экзистенциализм”. Как и “spiv”, оно возникло из необходимости: необходимости описать определенное положение вещей, дилемму, которая очевидна для любого, кто интересуется философией или литературой. Но любой, кто пытался объяснить экзистенциализм, даже очень умному собеседнику, знает, насколько это может быть сложно. Объяснения, длящиеся час, могут оставить

вопрошающий в состоянии ‘мистифицированного просветления’. Есть несколько коротких путей; например, можно начать с описания Идея Лейбница об “универсальной логике”, которая позволила бы философам прийти к любой “истине” с помощью непогрешимых математических правил; затем указать, что такое логическое исчисление не может справиться с некоторыми основными человеческими проблемами… и так далее. К сожалению, такой подход, вероятно, оставил бы у спрашивающего смутное представление о том, что экзистенциализм каким-то образом связан с Лейбницем и символической логикой.

Но этот пример ясно показывает, почему так трудно создать подлинный ‘новый язык’. Это аналогично строительству дороги в глуши. Наш обыденный язык отличается определенностью, потому что он окружен рамками повседневного опыта, и эти рамки действуют как система координат, позволяющая определить любую точку с определенной точностью. Но чтобы придать новому слову определенное значение, нужно соорудить систему опор для его использования. Это довольно простая задача. Точно так же студенту-математику было бы трудно дать определение функции Бесселя в интересах нематематика - просто потому, что такая сложная идея не может быть определена иначе, как в рамках математических “подмостков”.

Следует отметить, что “математические подмостки” - это “математические подмостки”. наука” и “философские основы” - это не разные системы координат, неприменимые к миру нашего повседневного опыта. Они являются продолжением наших повседневных систем координат.

Это важное признание. Причина, по которой “математическая истина” и “философская истина” иногда кажутся противоречащими повседневному здравому смыслу, заключается в том, что здравый смысл настолько близорук. Здравый смысл находится в положении человека в лодке, окруженной туманом; математик или философ простирают свои строительные леса в туман.

ЯЗЫК И ЦЕННОСТИ

Таким образом, математика, естественные науки и философия идут параллельным курсом с поэзией и религией. Именно по этой причине Джеймс настаивал на том, что его представление о “диапазонах отдаленных фактов” было перцептивным, а не концептуальным. Наука и философия также обращаются к этим далеким фактам. Но они склонны считать само собой разумеющимся, что туман - это постоянное состояние человека.

Это важное осознание. Существует школа современной философии, которая отрицает, что экзистенциализм когда-либо сможет обладать точностью, требуемой научной философией. софия. Приведенные выше соображения показывают, что экзистенциализм отнюдь не является “ненаучным” и является логическим продолжением идеи научной философии.

Нет никаких априорных причин, по которым математическая истина не могла бы быть не только концептуальной, но и воспринимаемой. Но на этом пути есть определенные трудности. Рассмотрим, например, Артур Кестлер описывает ‘мистический опыт” в своей автобиографии “Невидимое письмо”. Кестлер находился в Испанская тюрьма во время революции; ему грозила опасность быть расстрелянным. Чтобы скоротать время, он почесал Мате математические формулы на стенах, включая формулы для эллипса и параболы, затем напомнили о доказательстве Евклида, что число простых чисел бесконечно.

‘С тех пор как я познакомился с доказательством Евклида в школе, оно всегда приносило мне глубокое удовлетворение, скорее эстетическое, чем интеллектуальное. Теперь, когда я вспомнил этот метод и нацарапал символы на стене, я почувствовал то же очарование.

И тогда я впервые внезапно понял причину этого очарования: нацарапанные символы на стене представляли собой один из редких случаев, когда осмысленное и всеобъемлющее утверждение о бесконечном достигается точными и конечными средствами. Бесконечность - это мистическая масса , окутанная дымкой; и все же удалось обрести некоторую

познавать его, не теряясь в тягучих двусмысленностях. Значение

этого захлестнуло меня подобно волне. Волна возникла в результате четкого словесного озарения, но оно сразу же испарилось, оставив после себя только бессловесную эссенцию, аромат вечности, колчан со стрелой в синеве. Должно быть, я простоял там несколько минут, очарованный бессловесным осознанием того, что “это прекрасно, просто идеально”, пока Я не заметил, что где-то в глубине моего сознания ощущается легкий душевный дискомфорт - какое-то незначительное обстоятельство, которое омрачило совершенство момента. Затем я вспомнил о природе этого неуместного раздражения: я, конечно, был в тюрьме и мог быть расстрелян. Но ответом на это немедленно стало чувство, которое можно было бы перевести словами: “Ну и что? и это все? у вас нет более серьезных поводов для беспокойства?” — последовал столь неожиданный ответ. мгновенный, свежий и веселый, как будто назойливой досадой была потеря застежки для воротничка. Потом я плыл на спине по реке покоя, под мостами тишины. Она возникла из ниоткуда и никуда не текла. Тогда не было ни реки, ни “Я”. “Я” перестало существовать”. (Глава 33.)

Первое, что следует отметить, - это то, что здесь многое перекликается с переживаниями Джеймса. - А потом, в первый раз, Я внезапно понимаю причину этого очарования.’ Туман рассеивается, и он видит, как мальчик скользит по камням, а камни падают в воду. Первым шагом в этом опыте является то, что математическая формула перестает быть просто формулой; он внезапно видит ее смысл и связь с реальностью; концептуальное знание становится доступным восприятию.

Но с этого момента мы можем видеть трудности. Пока что мы можем дать точное толкование описанию Кестлера. Но когда он говорит о “стреле в синем небе”, о “реках мира и мостах молчания”, мы можем только надеяться , что понимаем, о чем он говорит. Но можно понять его безразличие к мысли о смерти.

ЯЗЫК И ЦЕННОСТИ

‘Я’, которое испытывало различные страхи и унижения, было

вызвано узким и тривиальным кругом переживаний. То “я”, которое, так сказать, узнало о Моцарте и звездах, с презрением относится к этой тривиальности. В это презрение включен весь страх тюремного заключения и смерти. Но даже это новое “я”, с таким восторгом откликающееся на горизонты далеких фактов, содержит много элементов, которые ассоциируются с тривиальным уровнем. Они также отброшены, отвергнуты; богоподобное “я”, не имеющее ничего общего со старым “Артуром”. Кестлер’ (за исключением сознания), теперь размышляет о горных хребтах далекого прошлого. Отсюда ‘Я перестало существовать’.

Но теперь мы начинаем понимать масштаб проблемы. Теория Джеймса о мистицизме и сознании позволяет нам придать довольно точное значение описанию Кестлера. Несмотря на это, понимание остается напряженным. Теперь рассмотрим другой пример подобного переживания. Это взято из описания французского критика и поэта Рене Домаль, который умер в 1944 году.

Домаль объясняет, что с самого раннего возраста его интересовала проблема “потустороннего мира” и что даже в возрасте шести лет он проводил “ужасные ночи” в ужасе от проблемы смерти, от ‘небытия’. Он пытался сохранять ясность ума во время сна, но обнаружил, что “мой собственный организм дал мне несколько серьезных предупреждений о риске, которому я подвергаюсь’. Затем (в возрасте шестнадцати лет) он решил попробовать обезболить себя четыреххлористым углеродом, но, насколько это было возможно, оставаться в сознании во время эксперимента. Он описывает, как ему это удалось. ‘К тому времени я был уже не способен говорить, даже мысленно; мой разум работал слишком быстро, чтобы воспринимать какие-либо слова”. Обычный мир, который он все еще воспринимал, стал для него привычным.

странно нереальный, “как будто повторяешь слово снова и снова,

пока оно не высохнет и не умрет у тебя во рту". Причиной этого было то, что "я внезапно попал в другой мир, бесконечно более реальный… концентрированное пламя

реальность.Я чувствую уверенность в существовании

чего-то еще, запредельного, другого мира или другой формы знания.' Он подчеркивает, что в этом состоянии интенсивного восприятия он продолжал осознавать обычный мир и его взаимосвязи; они не были стерты, как во сне. Подобно тому, как физический мир более реален, чем мир концепций или идей, так и этот "другой мир" более реален, чем физический мир повседневной реальности.

Рассказ Домаля содержит около 4000 слов, и он пытается объяснить свое "озарение" более подробно. 1 Здесь нет смысла приводить больше подробностей, поскольку его попытки объяснить содержание прозрения столь же туманны , как и в большинстве мистических переживаний. Но он говорит об опасностях, связанных с этим опытом, и сравнивает их с опасностями, связанными с Жена Синей Бороды, которая "открывает дверь потайной комнаты, и ужасное зрелище обжигает ее изнутри, словно раскаленным добела железом'. Он упоминает, что избежал безумия только благодаря счастливой случайности.

Главное, что следует отметить в этом описании, - это то, что оно согласуется с теорией Джеймса о "человеке в лодке"; здесь снова появляется смысл заглянуть дальше и увидеть эту "реальность" нашей повседневной жизни как единичный, ограниченный случай среди многих других - скорее, как считает Эйнштейн. Евклидова геометрия - одна из бесконечного множества геометрий.

Из всего этого становится ясно, что "новый экзистенциализм" должен начинаться с довольно простой задачи - перенести свои языковые основы в эти новые сферы. Джеймс предсказывал, что мы не сможем понять эти изменения в

1. Перепечатано в психоделическое обозрение, № 5, перевод Роджер Шэттак.

сознание этого поколения или следующего за ним. Но мы никогда

не начнем понимать их, пока не создадим мощный механизм языка и концепций для отображения этих новых областей.

С самого начала мы сталкиваемся с трудностями. Если мы заявим, что “новый экзистенциализм” основан на признании утверждая, что “обычное сознание” говорит нам неправду и что существует “нечто иное, запредельное, иной мир”, который должен быть целью философии, мы все еще говорим на языке непонимания. “Другого мира” не существует; “области отдаленных фактов”, по сути, принадлежат этому миру. Если что-то и является иллюзией, так это наш нынешний режим сознания или, скорее, его содержание.

Желательный ментальный настрой можно объяснить с помощью аналогии. Человек может находиться в компании мошенника и знать, что он мошенник, но его манеры производят на него такое впечатление, что он склонен не верить собственным знаниям и отождествлять себя с людьми, которых он обманывает. Любой, кто прошел через эстетический опыт аналогичной Джеймс знает, что его обыденное сознание ограничено, и что поэтому чувство стоимость существования является неточной. Этот последний момент является важная одна, и та, на которой мы должны сосре доточил. Именно слово “ценности” подводит нас к сути проблемы метода нового экзистенциализма. Ибо наши ценности - это наш самый сокровенный отклик на сознательное восприятие существования. То, что мы считаем стоящим или не стоящим того, чтобы делать, - это и есть наши ценности.

Есть еще один интересный момент, о котором стоит упомянуть вскользь. Проблески далеких горизонтов реальности могут быть редкостью в нашей жизни, но почти у каждого взрослого человека был какой-то “мистический” опыт, поскольку почти каждый взрослый испытывал сексуальное возбуждение и

сексуальный оргазм. Если мы рассмотрим сексуальный опыт в свете того, что было сказано в предыдущих главах, мы увидим ,

что это прекрасный пример “человека в лодке’. Мы осознаем мощное принуждение, которое выходит за рамки наших нынешних страхов и запретов, но мы не можем увидеть его источник, который находится по ту сторону тумана. Сам по себе сексуальный оргазм - это, казалось бы, нелогичное чувство силы и самоутверждения, которое, подобно видению бесконечности Кестлером, превосходит нынешнее “я”, его страхи и ценности. Один автор, пишущий об экзистенциализме, описал его основную тему как “фундаментальное отчуждение существ от источника силы, смысла и цели”. В интенсивности сексуального переживания это отчуждение исчезает. Человек на мгновение возвращается к “источнику силы, смысла и цели”.

Письмо Гофмансталя Чандосу

Но вернемся к проблеме языка.

Школа лингвистической философии, ключевыми фигурами которой являются Витгенштейн и Дж. Л. Остин, признала неадекватность “повседневного языка”, который подобен машине , в которой все детали разболтаны. “Философия” Остина представляет собой попытку “ужесточить” язык до беспрецедентной степени, уделяя особое внимание функциям слов. Обычный человек относится к языку так же, как к своей машине; это то, что он умеет использовать в своих собственных целях. Философ-лингвист подходит к языку, как механик к автомобилю: он хочет понять все, что происходит под капотом.

Очевидно, что это важный и необходимый подход. Но она склонна поощрять серьезный недостаток в своих практиках: склонность упускать из виду истинные цели философии. В конце концов, автомобиль - это инструмент для достижения

где-то. Лингвистический анализ склонен превращать своих практиков в опытных критиков в ущерб их философскому факультету, который, как и любой другой творческий факультет,

в значительной степени опирается на прозрения и интуицию.

Философы-лингвисты склонны обвинять экзистенциализм в систематическом неправильном использовании языка; в лучшем случае они склонны сомневаться в том, что экзистенциалистский подход сам по себе может привести к требованию лингвистической точности, которое является естественным результатом критического подхода. На самом деле это не так. Экзистенциализм всегда озабочен ощущением неадекватности языка.

Как это происходит, можно увидеть, если обратиться к творчеству австрийского поэта Хуго фон Хоф Маннсталя. Гофмансталь приобрел известность в подростковом возрасте благодаря ряду лирических стихотворений, которые обладают тем же странным совершенством, что и стихи молодого Рембо. К тому времени, когда ему было около двадцати пяти лет (в конце прошлого века), его лирический дар иссяк. Причиной, которая становится ясной при изучении его писем, было растущее ощущение неадекватности языка. Тонкий, изворотливый, сверхчувствительный ум Гофмансталя начал чувствовать, что обычный язык - это насмешка над тем, что происходит под ним. Это чувство выражено в одном из его самых значительных прозаических произведений - “Письме Лорда”. Чендос - сэру Фрэнсису Бэкону. Чандос пишет Бэкону, чтобы объяснить свой отказ от литературной деятельности. Он пишет:

* … Я полностью утратил способность думать или говорить о чем-либо связно. … Сначала… Я испытывал необъяснимое отвращение даже к тому, чтобы произносить слова “дух “, “душа” или “тело”… Абстрактные термины, которыми язык должен пользоваться как само собой разумеющимся, чтобы высказать суждение, - эти термины крошились у меня во рту, как заплесневелые грибы.’

Смысл этого отрывка не был бы неуместен в концепции Райла о разуме. Но ощущение внутренней

откровение здесь также имеет очевидную связь с Уильямом Переживанием Джеймсом ‘безбрежности’. Продолжает Чандос:

Однако постепенно эти приступы тоски распространяются

подобно разъедающей ржавчине. Даже в привычном и будничном разговоре все мнения, которые обычно высказываются с легкостью и уверенностью лунатика, стали настолько сомнительными, что мне пришлось вообще прекратить принимать участие в подобных разговорах. … Как когда-то сквозь увеличительное стекло я видел, что кусочек кожи на моем мизинце похож на поле, испещренное ямами и бороздами, так теперь я воспринимал людей и их действия. Мне больше не удавалось воспринимать их упрощающим взглядом привычки. Для меня все распалось на части….”

Но этот опыт не является полностью негативным - это просто неприятие того, что обычно называется жизнью. У него есть чувство смысла, которое заставляет вспомнить описание Олдоса Хаксли его опыта с мескалином:

…наполняя… любой случайный предмет моего повседневного окружения переливающимся потоком высшей жизни. … Кувшин, борона, брошенная в поле, собака на солнце, заброшенное кладбище, калека, крестьянская хижина - все это стало вместилищем моего откровения.*

Природа его проблемы становится ясна, когда он упоминает, что его преследуют мысли об ораторе Грассус, который так полюбил ручную миногу, что прослезился, когда она умерла. Когда кто-то упрекнул его за это, он ответил: “Я так поступил со смертью своей рыбы, как вы поступили со смертью ни своей первой, ни своей второй жены”. Здесь речь идет о противоположности “забвению существования” Хайдеггера. Он настолько глубоко осознал Существование, что любой язык становится ложью. Элемент отчаяния, который присутствует в письме Чандоса, очевидно, связан с тем фактом, что язык является главным средством общения между людьми - в некотором смысле, единственным средством. Отказаться от общения

это уход в абсолютно личный мир, который близок к миру

безумия. Единственный выход из этого состояния, в котором так много общего с сартровским ‘тошнота’ - это осознание того, что язык необходимо развивать до тех пор, пока он не перестанет быть неадекватным.

Упоминание Хаксли проясняет точную природу проблемы; оно также дает понять, что к ней нужно подходить с точки зрения психологии, а не с помощью Лингвистический анализ по методу Остина. Давайте зададимся вопросом: почему мескалин вызывает такие совершенно разные переживания у разных людей? Для Хаксли это стало откровением в духе Хофа Маннсталя. Для Р.Х. Уорда (который описывает свой опыт в “Записках наркомана”) это принесло определенные полумистические озарения, но также и ужасающее видение разложения и смерти. Критику Раймонду Мортимеру это принесло лишь ощущение полного эмоционального обезвоживания и чувство паники, что это навсегда разрушило его эмоции. 1 Для Сартра это принесло галлюцинации в виде омаров и ‘тошноту’.

Проблема не имеет ничего общего с “мистическим” содержанием переживания. Просто у нас пока нет языка, который позволил бы описать тонкие процессы такого переживания.

Именно по этой причине развитие “нового экзистенциализма” так тесно связано с развитием обычной клинической психологии. Ибо большинство проблем в понимании безумия - это проблемы ложных предположений отношений, а следовательно, и языка. (Типичным из них является предположение Джеймса Милля о том, что безумцев можно убедить в их безумии.) Различие, которое обычно проводится

1. “Санди Таймс”, 1955, перепечатано на бис, в книге “Санди Таймс”, Второй год (1963).

формулировки, проводящие границу между здравомыслием и безумием, могут быть полезны на практике, но они имеют те же недостатки, что и доньютоновская гипотеза о том, что земля является центром Вселенной, то есть быстро приводят к

абсурдным осложнениям. Признание Гуссерлем интенциональности было равносильно размещению солнца в центре солнечной системы. Но значение открытия Гуссерля для психологии заключалось в следующем: разум - это не машина, недуги которой можно определить в терминах внешнего давления. Безумие - это акт капитуляции; как таковой, он преднамеренный. Это происходит из-за нарушения восприятия смысла, из-за здоровой реакции на окружающую среду, что, в свою очередь, происходит из-за сужения поля восприятия и ценностей; это сужение также, на другом уровне, намеренное. Но поскольку большая часть психологии все еще связана с механистическими представлениями и “ошибочностью пассивного восприятия”, неудивительно, что не было разработано языка и концептосферы для определения этих уровней интенциональности. Сартр еще больше усложнил проблему, построив создаю оригинальную психологию из смеси фрейдистского детерминизма и феноменологии. 1

Таким образом, необходимо четко понимать следующее: “новый язык” экзистенциализма будет создан на основе терпеливой попытки феноменологического описания внутренних состояний человека, особенно тех ненормальных внутренних состояний, которые могут быть вызваны наркотиками или психическими заболеваниями.

Это, конечно, означает, что “новый экзистенциализм” уже существует, по крайней мере в зачаточном состоянии, в работах многих феноменологических и экзистенциальных психологов — Медард Босс, Людвиг Бинсвангер, Эрвин Штраус, Виктор Франкла, Игоря Карузо, Р. Д. Лэйнга, Абрахама Маслоу, а также в работах трансакционных психологов и таких “научных философов”, как Майкл Поланьи.

1. Смотрите последнюю главу.

ЯЗЫК И ЦЕННОСТИ

H9

Заметка о Мерло-Понти

Здесь я должен также упомянуть, что в более развернутом виде это можно найти в работах покойного Мориса Мерло-, Понти, в частности, в “Феноменологии восприятия”. Мерло-Понти был озабочен проблемой , унаследованной им от Декарта, - вопросом о том, является ли разум “автоматической машиной, которой нужен внешний агент для приведения в действие ее заранее установленных механизмов”, или “чистым, созерцательным сознанием”, наложенным на ” вещеподобное тело”1. Это привело Мерло к тому, что-Вклад в изучение нервной системы и в проблему “тела как источника смысла”. Его точка зрения состоит в том, что разум не является ни ‘машина’ и не созерцательная душа. Она находится где -то между ними. Чтобы установить степень свободы или механизм действия нервной системы, Мерло-Понти подробно анализирует тонкости нервной системы (в основном в своей книге “Структура поведения”). 2

Хотя подход Мерло-Понти временами склонен к чрезмерному механистизму, он слишком хорошо разбирается в феноменологии, чтобы впадать в те внутренние противоречия, которые можно обнаружить в теориях эмоций и воображения Сартра.

Цель философии Мерло-Понти лучше всего описана его собственными словами: “Заново открыть структуру воспринимаемого мира с помощью процесса, аналогичного процессу археолога. Ибо структура воспринимаемого мира погребена под отложениями более поздних знаний’. 8 Эта цель может показаться достаточно скромной сама по себе, пока мы

1. Смотрите “Первичность восприятия”, стр. 4, Северо-Западный университет.

2. Книга Артура Кестлера “Акт творения” во многом посвящена тем же вопросам, что и структура поведения, и, благодаря прямому благодаря своему подходу, он может быть рекомендован читателям , которым трудно сориентироваться в Мерло-Понти.

3. Первичность восприятия , стр. 5.

вспомним, что для Гуссерля восприятие является основным способом интенциональности; исследовать структуру воспринимаемого мира - значит исследовать наш “жизненный мир”5, то есть все, что мы делаем, все, о чем мы думаем, в конечном счете, все, чем мы являемся. Здесь философия Мерло-Понти перекликается с философией Сартра. Смысл таких произведений, как “Мухи” и “Кло”, в том, что человек не должен чувствовать себя беспомощным перед лицом неподатливого мира, который уже существовал до того, как он появился. Совершая какой-либо в высшей степени сознательный акт выбора, человек лишь расширяет основную деятельность своего сознания по “конституированию” воспринимаемого мира.

Если говорить предельно просто - и с риском чрезмерного упрощения: проблема человека в том, что он обладает двумя видами свободы. Одним из них является “подсознание”5; это постоянная активность, составляющая “воспринимаемый и переживаемый мир”, о котором мы начинаем осознавать только тогда, когда он разрушается (как в “тошноте” 5 или “опустошении” 5). Другая - это осознанная свобода, которая проявляется в моем решении протестовать по поводу водородной бомбы или по любому другому вопросу. Все дело в том, что я, несомненно, совершал бы гораздо больше актов сознательной свободы - то есть творческих актов, - если бы осознавал, насколько я уже привержен бессознательной свободе. Поскольку одним из главных недостатков людей является их лень и пассивность, из этого следует, что Мерло-Понти на самом деле предпринимает наиболее практичный шаг к достижению прогресса в попытке составить карту географии неосознанной свободы человека.

Подробная оценка - или критика - творчества Мерло-Понти выходит за рамки данной книги. Я лишь хочу отметить, что такие работы, как “Структура поведения ” и “Феноменология восприятия”, которые непосредственно восходят к позднему Гуссерлю, могут рассматриваться как элементарные. современные учебники “нового экзистенциализма. 5

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ - ЛЖЕЦ

Давайте внесем ясность в выводы из всего этого, поскольку они представляют собой революцию в философии. Все “пиковые переживания”, по-видимому, имеют одно и то же “содержание” 5: главная ошибка людей заключается в том, что они уделяют слишком много внимания повседневным мелочам. Мы на удивление неэффективные машины, использующие лишь малую часть наших возможностей, и причина этого - наша близорукость. “Мистическое озарение 5” Кестлера заставило его почувствовать, что даже угроза смерти - это тривиальность, которую следует игнорировать; Ну и что. …У вас нет более серьезных причин для беспокойства? 5. Виски -священник Грина: “В тот момент ему казалось, что быть святым было бы совсем несложно. 5. Смерть показывает нам, что наша жизнь была одним сплошным просчетом, основанным на тривиальности. Марсель Пруста, пробуя пирожное, обмакнутое в чай, говорит: “Превратности жизни стали мне безразличны, ее бедствия - безобидны. … Теперь я перестал чувствовать себя посредственностью, случайным человеком, смертным. 5 В своем дневнике Нижинский, находясь на грани безумия, записал: “Я - Бог, я - Божество5.

Революционным в новом экзистенциализме является то, что он задается вопросом, существует ли какой-нибудь логический метод исследования таких прозрений и сопоставления их содержания с нашим повседневным сознанием. 5 Высказывание Нижинского “Я есмь Бог” 5 не было бредом больного ума; это было озарение того же типа, что и у Кестлера, Уильяма

Джеймс и Пруст; и мы согласились с тем, что эти идеи имеют определенное объективное содержание. В таком случае вопрос напрашивается сам собой: “Был ли он Богом?”

Философ-эмпирик ответил бы: “Очевидно, что нет. Следующий вопрос… .“Но это такая же уловка, как и то, что Мур демонстрирует свои часы, чтобы продемонстрировать, что время — не иллюзия. Более разумным возражением было бы: “Существует ли какой-либо логический метод исследования такого вопроса? 5 На это мы можем ответить: да - с помощью феноменологического исследования сознания. Это, в свою очередь, подразумевает создание языка и набора концепций, в терминах которых мы можем это обсуждать.

Я думаю, теперь мы должны быть в состоянии ясно увидеть суть проблемы. психологическая проблема, по которой “новый экзистенциализм”5 отличается от старой версии. Старый экзистенциализм подчеркивает случайность человека. В нем говорится, что, поскольку Бога нет, нет и “трансцендентных ценностей”5. Человек одинок в пустой вселенной; ни одно его действие не имеет смысла вне его самого и его социального контекста. Экзистенциализм снял универсальную преграду, на фоне которой средневековый человек воплощал свои мечты, с ощущением, что все, что он делал, будет рассмотрено в судный день. На его месте, говорит Сартр, есть только бесконечность пространства, что означает, что действия человека не имеют значения ни для кого , кроме него самого.

Феноменология отвечает: Мы признаем, что все религиозные ценности бессмысленны. Но мы также не можем согласиться с тем, что обыденное представление человека о своей “самоочевидной случайности” 5 также соответствует истине. Обыденное сознание - лжец, и у большинства людей по крайней мере раз в неделю возникают озарения на этот счет. Если бы они сосредоточились на этом вопросе, то такие прозрения приходили бы к ним еще чаще. Вопрос лишь в том, как придать таким прозрениям философский статус и как их исследовать.

ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ - ЛЖЕЦ

Как только мы это ясно видим, становится удивительно, что кто-то еще пытается спорить по этому поводу. Харли Грэнвилл Баркер

назвал эти прозрения “тайной жизнью” (в пьесе с таким названием) и отмечает, что все люди, какими бы материалистичными и тривиальными они ни были, черпают свои силы в ” тайной жизни”. 5

Другими словами, существует некий стандарт ценностей, внешний по отношению к человеческому сознанию5, если мы говорим о повседневном человеческом сознании, которое большинство из нас закладывает в основу своих ценностей. На самом деле, и Сартр, и Хей деггер признает это, признавая, что человек обретает чувство “подлинности”5 перед лицом смерти.

Такое признание - это только начало. Неаутентичность - это ощущение бесполезности, случайности, бесцельности. Подлинность должна основываться на глубоком чувстве цели. Такое чувство цели не может существовать, если мы сначала не предположим, что наше ощущение случайности - ложь и что существует некий стандарт ценностей, внешний по отношению к повседневному человеческому сознанию.

Короче говоря, и Сартр, и Хайдеггер совершают ошибку, предполагая, что вспышка подлинности , испытываемая под угрозой смерти, является более или менее ‘мистическое 5-е ощущение, которое невозможно перенести в обычное человеческое существование. Это не. Она мельком сознание цели, которая, при определенных обстоя позиции должны быть легко доступными для человека. Как только мы примем идею Джеймса о том, что “мистическое сознание” - это всего лишь изменение порога обычного сознания, все это станет более приземленным.

Можно было бы мимоходом отметить, что это фундаментальное понимание ни в чем не отличается от метафизики Упанишад или Бхагавад-Гиты. Разница между религиозной точкой зрения и

1. НОВЫЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

‘естественная точка зрения’ - это различие между “внешней системой ценностей” нового экзистенциализма и ‘тотальной случайностью’ старого. (Но сейчас я говорю о метафизике религии, в отличие от элемента догмы и сверхъестественного.)

Это основа. По биологическим причинам мы “зашорены”, как лошади на дороге. Шоры - это средство, позволяющее нам сосредоточиться на настоящем и его проблемах. Художнику, пишущему большое полотно, приходится работать, уткнувшись носом в холст, но время от времени он отходит в сторону, чтобы оценить эффект от работы в целом. Эти всеобъемлющие проблески обновляют его целеустремленность.

Эволюция человека зависит от обновления осознания всеобъемлющей цели. Вот уже несколько столетий наша культура концентрируется на мелочах, на частности. В области науки это привело к нашему нынешнему высокому уровню технологических достижений . В области культуры у нас меньше причин для самовосхваления , для концентрации на конкретном - за исключением более широких значений - завело нас в тупик. Йейтс описал результат как “рыбу, задыхающуюся на берегу” - мелочный реализм, потерявший всякий драйв и цель.

Я уже говорил, что следующий шаг заключается в феномене логический анализ сознания. У нас нет языка для описания этих важных внутренних состояний.

В оставшейся части этой книги я попытаюсь изложить систематическую феноменологию сознательного мыс. Должна быть возможность хотя бы в общих чертах описать такую “новую науку”.

Давайте начнем с рассмотрения слова ‘ценности’. Что такое ценность? Это своего рода “норма обмена’. Если я скажу

то, что определенный предмет не стоит того , что за него просит продавец, я имею в виду, что я не готов обменивать на него деньги. Если я говорю, что определенная задача “не стоит

затраченных усилий", я имею в виду, что я не готов тратить жизненную энергию на результат, который она даст.

Все, что я испытываю, вызывает повышение или понижение уровня моей жизненной энергии в данный момент. Прием пищи, когда я голоден, и питье, когда я испытываю жажду, повышают уровень моей жизненной силы. "Ценность" - это физическая реакция в виде удовольствия и жизненной энергии, которую я испытываю, проглатывая пищу. Таким образом, мы могли бы также сказать, что ценность - это реакция. Этот ответ определяет, что мы считаем "стоящим того, чтобы делать".

Религия и философия, конечно, стремятся к абсолютным ценностям. Но мы могли бы также отметить, что люди в целом стремятся к абсолютным ценностям. Наша жизнь - это попытка отбросить ложные ценности. Ребенку нравятся пирожные с кремом, но он обнаруживает, что от их слишком большого количества его тошнит; поэтому в конце концов он учится не злоупотреблять пирожными с кремом. "Немедленная" реакция на пирожные с кремом сменяется более обоснованной реакцией, которая предполагает дальнейшее развитие.

Но наши системы ценностей внутренне не согласованы; да это и не обязательно. Мы принимаем временные системы ценностей в соответствии с поставленной задачей. Родитель любит ребенка, но если ребенок нуждается в коррекции, он временно приостанавливает проявление любви и берется за розги. На самом деле он практикует то, что Гуссерль называет "заключением в скобки'. То же самое происходит, если я решаю, что должен выполнить определенную задачу, даже если есть и другие задачи Я бы предпочел это сделать. Я намеренно "вычеркиваю" из своей реакции (т.е. ценностей) то, что я предпочел бы делать, и концентрируюсь на задаче, которая должна быть выполнена.

Таким образом, мы способны изменить наши непосредственные реакции - и ценности - в пользу более эффективных действий.-

укрепляющая система ценностей. Таким образом, в какой-то степени каждый момент нашей сознательной жизни зависит от системы ценностей , которую мы принимаем.

Поскольку самый обычный жизненный акт зависит от обращения с такими сложными ценностями, очевидно, что важно важно, чтобы наши общие, базовые ценности были предельно ясны , чтобы избежать путаницы. Но здесь мы сразу же сталкиваемся с серьезной проблемой. Ценность - это отклик, немедленный прилив жизненных сил и оптимизма. Но поскольку наше сознание так ограничено, именно наши “высшие” ценности не являются ответом. Такой святой, как Рамакришна , может быть, и способен установить непосредственный жизненный контакт со своими глубочайшими ценностями, но большинству из нас приходится работать в темноте.

Из-за всех этих разговоров о ценностях проблема звучит несколько абстрактно, хотя на самом деле это совсем не так. Она сугубо практична. Наша жизнь зависит от настроения, от приливов и отливов энергии. Люди, которых мы называем “великими”, прониклись чувством цели, которое приходит вместе с оптимизмом, и попытались жить в соответствии с ним. Проблема абсурдна. Это похоже на последовательность событий в Фильм Чарли Чаплина, в котором бродяга встречает человека, который добр и щедр к нему, когда пьян, и груб и вспыльчив, когда трезв. Кто же ‘настоящий’ мужчина? Или на этот вопрос нет ответа, как, по-видимому, подразумевает Пиранделло в различных пьесах, посвященных одной и той же теме? Философу-эмпирику этот вопрос может показаться “бессмысленным” , но он имеет жизненно важное значение для каждого человека, который жив более чем наполовину. Человеческие существа переживают воспринимайте жизнь как череду настроений. (Эти “настроения” на самом деле являются намеренными оценочными суждениями.) Кажется, что каждое “настроение” дает человеку свой совет по вопросу о том, как жить. В эпоху веры религиозные убеждения служили человеку компасом, который направлял его в его настроениях,

но в век гуманизма оно находится во власти ‘настроений’.

Кажется, что каждое настроение раскрывает “реальность” мира; в состоянии крайнего пессимизма жизнь кажется обманом, аферисткой, а оптимизм человека - чистой доверчивостью; в состоянии оптимизма пессимизм кажется результатом слабости и малодушия. Наше обычное состояние ума находится где-то посередине между этими двумя: мы пассивно движемся вперед, избегая больших рисков, надеясь на лучшее. Очевидно, что нам нужен объективный стандарт, чтобы мы больше не были кораблями, которые меняют курс при каждом порыве ветра.

Говоря это, я обозначил главную цель “нового экзистенциализма”. Мы сразу осознаем сложность проблемы. Релятивист отмахнулся бы от нее , сказав: “Как вы можете решать, что мир - это то или иное?” Но это преждевременное пораженчество. В случае с пьяницей Чарли Чаплином можно сказать, что бессмысленно спрашивать, каков его “истинный” персонаж: выпивка просто раскрывает другую сторону его характера. Но любой компетентный психолог взялся бы за анализ характера человека с точки зрения основных импульсов и их фрустрации и в конце концов пришел бы к ответу , который был бы близок к “объективной истине’. По крайней мере, это было бы ближе к истине, чем пораженческая идея о том, что такого понятия не существует.

Таким образом, пытаясь оценить степень объективной обоснованности оптимистического и пессимистического отношения к человеческому существованию, мы должны быть готовы к довольно сложной задаче. Но как только мы задаемся вопросом о том, что представляет собой общечеловеческие ценности, проблема перестает казаться такой серьезной. Мы сделали шаг, столь же важный, как осознание того, что солнце является неподвижной точкой в нашей планетарной системе. Зыбучие пески перестают смещаться. Кажущаяся неразрешимой задача внезапно начинает поддаваться нашим усилиям.

Новый экзистенциализм состоит из феноменологического примера—

очищение сознания с акцентом на проблеме того, что составляет человеческие ценности. И поскольку настроения оптимизма и проницательности менее доступны, чем настроения депрессии и обесценивания жизни, феноменология обесценивания жизни образование представляет собой наиболее ценную область исследований.

Анализ языка

Прежде чем я рассмотрю эту проблему более подробно, я должен развить мысль, высказанную в предыдущей главе.

Анализ сознания - это только половина задачи. Другая половина заключается в анализе языка. В этой области Витгенштейн был великим первопроходцем.

Именно Витгенштейн указал на то, что мы склонны рассматривать язык как единое целое, как если бы речь шла о языке Шекспира, Гегель, Беатрикс Поттер и Фрейд находились где -то на одной шкале весов. Витгенштейн понимал, что это кажущееся единство на самом деле является конгломератом множества различных языковых систем (или “игр”, как он предпочитал их называть), каждая из которых имеет свой набор правил. 5 Различных ‘игры” могут иметь так же мало общего, как футбол с покером или ковбои и индейцы. Он использовал сравнение с кабиной локомотива, полной различных типов рычагов; за одни нужно дергать, на другие нажимать, третьи вращать по кругу, третьи двигать взад-вперед… и так далее. У слов столько же функций, сколько и у других. Только в самых простых и примитивных языковых играх слово просто соответствует объекту.

Намерение Витгенштейна, по-видимому, было негативным; он хотел показать, что большая часть философии - это неправильное понимание языка. Но более глубокая цель имеет много общего согласен с Гуссерлем; он стремился создать фундамент, на котором можно было бы построить философию. На самом деле, его цель, очевидно, дополняет цель Гуссерля; одна из них была

интересуется феноменологией восприятия, с другой стороны, феноменологией языка.

Возможно, что с точки зрения приоритетов феномен логика языка важнее, чем феномен оология восприятий и ценностей. Это, безусловно, было бы так, если бы “новый экзистенциализм” был направлен всего лишь на описание “состояния человека” в общем смысле, поскольку ученый должен начать с того, чтобы убедиться в точности своих измерительных приборов. Но поскольку “новый экзистенциализм” концентрируется на феноменологическом анализе перцептивного сознания и ценностного осознания, он имеет встроенные гарантии в своей активной и постоянной озабоченности языком.

Тем не менее, здесь следует подчеркнуть, что феноменология языка так же важна для развития нового экзистенциализма, как и феноменология ценностей. Новый экзистенциализм - это не только психология.

Не менее важная особенность “нового экзистенциального подхода”. изм 5 заключается в том, что он способен объединить две основные традиции философии двадцатого века: лингвистический эмпиризм и феноменологический экзистенциализм.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СИЛА ПРИЗРАКА

Экзистенциализм утверждает: трансцендентных ценностей не существует, поэтому человек не должен искать ценности за пределами своего повседневного сознания. Отвечает новый экзистенциализм. Вы упустили из виду третью возможность. Существуют состояния сознания, которые не относятся к “повседневному сознанию”. несс” и которые также не являются “трансцендентальными”. Это создает определенное представление о ценностях и цели. Если мы исследуем их должным образом, человек, возможно, сможет заменить свои

старые догматические религиозные ценности научно объективным набором внешних ценностей.

Это обобщает цель “нового экзистенциализма” и дает ему направление для продвижения, а также философский метод.

Первое, что поражает нас в “новом экзистенциализме”. “социализм” заключается в том, что он более непосредственный и личный, чем экзистенциализм Сартра и Хайдеггера. В ней рассматривается самая насущная проблема, с которой мы только можем столкнуться, - наша реальная жизненная реакция на повседневное существование: территория , которая до сих пор считалась предметом интереса романиста или поэта. Но он ничем принципиально не отличается от экзистенциализма Кьеркегора, Сартра и Хэя деггера. Он лишь пытается пойти дальше.

Давайте будем откровенны в этом. Одна из причин, по которой “старый экзистенциализм” оказался обездвиженным, заключалась в том, что он

он изо всех сил старался найти компромисс с академической философией. В значительной степени трудности, с которыми сталкивается в тексте Ясперса, Хайдеггера или Сартра, - это те трудности, которые автор считает необходимыми для академического уважения. настольная философия.

Правда в том, что экзистенциализм имеет больше общего с научной фантастикой, чем с академической философией. Его главной задачей является “фундаментальное отчуждение существ от источника силы, смысла и цели’. 1 Это ясно подразумевает, что основное усилие человеческой жизни направлено на то, чтобы привести себя в соответствие с этим “источником силы и цели”. Мы должны повторить, что это не обязательно следует интерпретировать в религиозном смысле. Человеческое сознание узко; взгляд Джеймса на “диапазон отдаленных фактов” породил именно то ощущение силы, смысла и цели, о которых мы говорим. Человеческая скука, ощущение случайности и отсутствие цели в значительной степени обусловлены нашим “зашоренным” сознанием; а наше зашоренное сознание, как мы видели, является “намеренным” средством защиты.

Если выразить эту проблему в терминах научной фантастики, то

может показаться, что существует некая таинственная сила, которая хочет сдерживать людей, не давать им в полной мере использовать свои способности. Это похоже на то, как если бы человек содержал невидимого паразита, чья работа заключается в том, чтобы держать человека в неведении о его свободе. Блейк назвал этого паразита “призраком’. В определенные моменты жизненной энергии и вдохновения призрак ослабляет свою хватку, и человек внезапно с изумлением осознает , что он мог бы сделать со своей жизнью, со своей свободой. У него есть все основания радоваться. Он медленно эволюционировал на протяжении миллиона или около того лет, и его эволюция заключалась в постепенном обретении власти над природой. За последние столетия его прогресс был феноменальным. Наука открыла новые ментальные миры, показала ему, как использовать свой интеллект для достижения 1. Уильям Киммел: “Поиск бытия”, Введение.

приобретение знаний и власти, а также предоставление ему досуга и материального благополучия для изучения своих новых способностей. Но в этот самый исторический момент призрак, похоже, предпринимает новую попытку победить нас. При всем нашем досуге, наших знаниях, перспективе покорения бесконечных новых областей мы никогда еще не чувствовали такой скуки и депрессии, а растущий уровень самоубийств и неврозов становится одной из наших главных социальных проблем.

С другой стороны, если человек может полностью осознать врага и направить на него все свое внимание, проблема решена.

Человек решит проблему “отчуждения от источника силы, смысла и цели”, и начнется новая фаза эволюции, фаза истинно человеческого - или сверхчеловеческого, как его называют. Ницше назвал это так.

Мы могли бы оправдать этот “научно-фантастический” подход к проблеме, указав на то, что Платон был первым , кто использовал его; в “Симпозиуме” Аристофан объясняет, что боги решили

помешать людям стать сверхлюдьми, разделив их на мужчин и женщин, чтобы они потеряли из виду конечные цели в своей жизни. сексуальный романтизм. Это недалеко ушло от феноменологического объяснения, за исключением того, что для феноменолога существует различие между пассивным сознанием и интенциональным подсознанием. сознательный разум.

Но независимо от того, принимаем мы эти мифы или нет, мы должны признать, что движущей силой человеческой эволюции была интуиция человека о свободе и его отождествление свободы со знанием. Современный пессимизм - будь то философский или модной литературной разновидности - существует только благодаря игнорированию присущих ему внутренних противоречий. Если мы внутренне признаем человеческое величие как ценность, то есть если мы согласны с тем, что Иисус в некотором роде предпочтительнее, чем Иуда Искариот, что Бетховен - более ценный человек

мы больше, чем А1 Капоне, — значит, мы разделяем основные человеческие представления о свободе. Придерживаться этих ценностей и заявлять, что жизнь бессмысленна, противоречиво само по себе.

Чрезвычайно важно осознать, что человека еще не существует. Это не парадокс и не игра слов, это правда в буквальном смысле. Свобода животного - это всего лишь свобода реагировать на внешние раздражители. В своей книге The Грей Уолтер, “Живой мозг”, говорит: “Мозг льва, тигра, носорога и других сильных животных также лишен механизма воображения, иначе мы не были бы здесь, чтобы обсуждать этот вопрос. …Ближайшее к нам существо, шимпанзе, не может удерживать изображение достаточно долго, чтобы поразмыслить над ним”. Таким образом, жизнь животного в значительной степени зависит от условных рефлексов. Это означает, что большинство животных просто живут в вечном настоящем; они - не более чем машины, наделенные сознанием.

Это справедливо и для человека; он тоже живет в вечном настоящем; настроение вчерашнего дня противоречит настроению сегодняшнего. Но в то время как животное пассивно плывет по течению времени, человек обладает определенными

способностями, которые позволяют ему сопротивляться течению или заглядывать в будущее. Животное уносится временем, как лист в потоке; человек, в прямом смысле этого слова, “путешественник во времени”; у него есть небольшой двигатель, который позволяет ему перемещаться по течению. Изобретение им языка стало первым шагом на пути к покорению времени.’ Язык “фиксирует” переживания и ставит опыт прошлого в один ряд с опытом настоящего.

Развитие воображения неизбежно следовало за развитием языка, поскольку от обозначения прошлого опыта до создания его мысленного образа остается всего один шаг.

Следующим шагом было развитие мысли/или ее собственной

сакэ. Первый человек, который коротал свой досуг за решением какой-нибудь простой математической задачи, сделал один из величайших шагов вперед в истории человечества. Большинство видов деятельности, которые мы делаем сами по себе - садоводство, игры, охота - ни к чему конкретному не приводят. Мышление само по себе породило цивилизацию и все искусства и науки.

Использование воображения и интеллекта принесло человеку его величайшее видение: идею жизни, прожитой с такой интенсивностью и целеустремленностью, которые недоступны простому животному. Именно здесь человек впервые с болью осознал свои ограничения. Крылья воображения представления сильны, но они не могут поддерживать разум в течение длительного времени. Наука развивалась так быстро, потому что научному воображению помогала дисциплина научного метода. У художника не было подобной дисциплины или метода. Как и у философа до недавнего времени. Ученые девятнадцатого века работали сообща; когда кто-то совершал открытие, оно вносило свой вклад в общую копилку научных знаний. Для сравнения, художники, поэты и философы работали в одиночку, каждый в

своей башне из слоновой кости, и каждому приходилось учиться на собственных ошибках. Очень редко видение одного крупного художника или философа передается другому художнику или философу, который, в свою очередь, развивает его дальше.

Именно способность к воображению придает человеку его уникальность, его потенциал сверхчеловека. Но как человек может научиться использовать это воображение, чтобы преодолеть “заблуждения пассивного сознания” и достичь “пределов отдаленных фактов”?

Первая задача - избавиться от некоторых старых привычек мышления. Из них “пассивная ошибка” 5, безусловно, самая сложная; она исчезнет только в результате полного изменения

точки зрения. Но другие аспекты проблемы легче поддаются анализу. Например, мы можем по -настоящему проникнуть в значение слова “воображаемое”-

Давайте рассмотрим пример, который Сартр приводит в своей книге Преодоление Эго парадоксальной природы свободного дом. Он приводит случай с молодой замужней женщиной, которая , как проститутка, испытывает непреодолимое желание подойти к окну и позвать мужчин . Ничто в ее воспитании не могло объяснить этого. Ее желание предать мужа приводит ее в ужас, и она считает это невротическим состоянием. Сартр говорит, что она страдает от “головокружения от свободы”. Мы сразу видим, что она испытывает то же самое принуждение, которое Достоевский описывает во многих своих романах. (Большинство поступков Ставрогина в “Бесах” продиктованы тем же побуждением; как и та сцена в “Идиоте”, где несколько человек на вечеринке решают описать свой самый подлый поступок.) Эдгар По написал рассказ под названием “Порочный бес” об этом странном стремлении делать что-то, противоречащее собственному благополучию.

Объяснение “головокружения от свободы” не проливает реального света на проблему; оно только кажется таковым, потому что мы ассоциируем эти слова с нашим страхом высоты. Для Сартра свобода, по сути, негативна, это пустота, в которую хочется броситься.

Понятие “порога безразличия”, однако, дает нам более глубокое понимание вопроса. Человек - целеустремленное животное, но он пойман в ловушку настоящего, которое лишает его чувства цели. Ставрогин (в “Бесах “) конкретно заявляет, что его проблема в том, что у него есть огромная сила, но нет цели, к которой он мог бы ее применить. Таким образом, его извращенные действия являются протестом против этого узкого настоящего , которое заманивает его в ловушку и лишает возможности проявить свои силы.

Человек инстинктивно осознает, что он - “целеустремленное” животное, что он не предназначен для пассивной жизни

в настоящем. Поэтому он испытывает инстинктивный протест против настоящего и его ценностей. Если он недостаточно дальновиден , чтобы увидеть новые горизонты цели, он все еще может испытывать глубокую неудовлетворенность своими нынешними ценностями. Сартр упоминает, что ничто в прошлом или воспитании молодой девушки не может объяснить ее стремление привлекать мужчин. Но именно потому, что в ее воспитании нет ничего, что могло бы объяснить это , она испытывает такое желание. Ее воспитание “респектабельное”; оно говорит ей, что “хорошие” девушки не отдаются незнакомым мужчинам, что они становятся хорошими буржуазными женами и матерями. Ее чувство собственных возможностей восстает против этого статичного видения ее будущего; можно сказать, что это ее высшее “я”, ее сверхсознательный разум, сардонически усмехается и подталкивает ее робкое, буржуазное “я” к саморазрушению.

Это становится еще более очевидным в рассказе Гете под названием “Честный адвокат”, который имеет много общего с анекдотом Сартра. Муж оставляет молодую жену одну , и она отправляется в долгое путешествие. Он говорит ей, что она может завести любовника, при условии, что этот любовник будет вести себя осмотрительно. Эта мысль искренне приводит ее в ужас; она

твердо намерена хранить ему верность. Но после нескольких недель одиночества и скуки она обнаруживает, что ее разум навязчиво возвращается к той самой идее, которая приводит ее в ужас. В конце концов, она начинает заигрывать с молодым адвокатом с хорошими манерами. Он говорит ей , что был бы рад стать ее любовником, если бы не дал обет прожить год отшельником. До исполнения обета еще несколько месяцев. Однако, если она захочет разделить это с ним, поститься и спать на полу, они могут стать любовниками в два раза быстрее. Девушка соглашается. Ее голодание возымело эффект, которого ожидал “любовник” : оно укрепило ее моральные устои, избавило от скуки и укрепило ее решимость быть верной своему мужу.

Здесь мы видим разрушительный эффект скуки, как в

Анекдот Сартра; но Гете видит глубже, чем Сартр, признавая, что “извращенность” девушки объясняется неудовлетворенной потребностью в достижении цели. Мораль его истории не в том, что свобода переполняет разум, а в том, что человек - животное целеустремленное.

“Бесенок-извращенец” Эдгара По служит еще лучшим примером. Главный герой - убийца, человек, убивший старика ради денег. Это идеальное убийство, и он не боится, что его раскроют. Долгое время он наслаждался своей безопасностью. Затем однажды он осознал, что находится в безопасности до тех пор , пока не окажется настолько глуп, чтобы признаться. Он сразу же испытывает то же чувство, что и жена из рассказа Гете, — желание сделать что-то, что приводит его в ужас. В конце концов, он больше не может сопротивляться и признается.

Эта история представляет собой значительную вариацию на тему Достоевского , потому что герой - преступник. Большинство людей руководствуются соображениями целесообразности, но преступник - это человек , которого целесообразность заслонила от его эволюционной цели.

Я уже рассматривал этот вопрос о философском значении преступления в другом месте, 1 но здесь он заслуживает того, чтобы вернуться к нему еще раз. Ключ к разгадке кроется в замечании Шоу о том, что мы судим о художнике по его высшим

проявлениям, о преступнике - по его низшим. В каком-то смысле наша реакция на стихотворение или музыкальное произведение включает в себя более позитивное чувство доброты, чем любые наши моральные суждения. Если я помогаю слепому перейти дорогу, мой поступок может быть лишь отдаленно связан с моим представлением о моральных ценностях; мне это может наскучить, и я сделаю это исключительно из чувства долга. В

моей реакции на стихотворение или симфонию нет возможности для такого эмоционального “двойного воздействия”. Если я каким-либо образом отстраняюсь от них - возможно, потому, что я слишком хорошо их знаю, - то моя реакция будет недостаточно интенсивной или вообще исчезнет.

1. В предисловии к Энциклопедии убийств.

Теперь можно придерживаться совершенно “позитивистского” взгляда на добро и зло: заявлять, что они - всего лишь кон особенности социального поведения. Или же мы можем принять точку зрения , что “Ожидание Годо” - это точное описание человеческой ситуации, и что жизнь бессмысленна: в этом случае термины “добро” и “зло” также становятся бессмысленными в любом трансцендентальном смысле. Но чтение отчета об убийстве мгновенно вызывает реакцию, столь же неприкрытую, как и наша реакция на симфонию: ощущение бесполезности, глупости, ложных ценностей. Мы начинаем осознавать, что, даже если мы считаем жизнь бессмысленной, жизнь убийцы кажется нам еще более бессмысленной, чем наша собственная, что очевидно невозможно , если только мы не обладаем мощным подсознательным чувством ценности.

В своей автобиографии “Сомнительный школьный учитель” Хью Хекстолл Смит рассказывает анекдот, который уместен здесь. Один из его коллег был позитивистом и последователем Граф. Однажды, когда они вошли в учительскую, позитивист заметил о другом мастере: “Я терпеть не могу этого человека - у меня такое

чувство, что он злой'. Хекстолл Смит поинтересовался: "Вы хотите сказать, что он не способствует наибольшему благу для наибольшего числа людей?' Позитивист выглядел сбитым с толку и вынужден был признать, что он не имел в виду ничего подобного; он имел в виду нечто гораздо более непосредственное и интуитивное, чем социальная теория добра и зла.

Наша реакция на убийство - и на преступление в целом - доказывает, что мы обладаем чувством ценности, которое лежит глубже , чем обыденное сознание, - чувством, что жизнь дана нам не для того, чтобы тратить ее впустую. Как только осознается существование этого чувства ценности, "порочность", отмеченная Достоевским, исчезает. небо и По перестают быть проблемой. Совершив убийство, герой Эдгара По уничтожил свою свободу; теперь он думает о себе в первую очередь как об "убийце", как о фиксированной личности. Он постоянно оглядывается на этот поступок, который так бесповоротно определил его личность. Он перестает быть человеком

человек с будущим становится человеком с прошлым. Признаться - значит вернуть себе свободу. 1

Короче говоря, "извращенность" человека отнюдь не является доказательством фундаментальной бессмысленности человеческого существования, а раскрывает его сущность как 'целеустремленного животного'. Это показывает конфликт двух его уровней: повседневного "я", стремящегося к безопасности и материальным вознаграждениям, и эволюционного "я" , склонного относиться к другим с презрением.

Мэн-цзы говорит: "Те, кто следует за той частью себя , которая велика, становятся великими людьми; те, кто следует за той частью себя, которая мала, становятся маленькими людьми'. Это разделение человека на два "я" может показаться чрезмерным упрощением, но оно имеет то преимущество, что объясняет основные парадоксы человеческой свободы. Взгляд Сартра на эго как на принцип, объединяющий различные действия и импульсы человека, совершенно не объясняет, как это эго может вступать в конфликт с самим собой. Например, это не объясняет "извращенность" такого человека, как Т. Э. Лоуренс, с его сильной склонностью к саморазрушению, которую легко

объяснить основано на предположении Блейка о конфликтующих “я” - эволюционном “я” и “спектре”. (“Призрак” , конечно же, - это ограниченное повседневное “я” с его склонностью к лени и материализму.) На самом деле, весь феномен “аутсайдера” (который я проанализировал в книге с таким названием) раскрывает конфликт между двумя уровнями человека.

Я уже говорил (в первой части), что на этих признаниях можно основать новую форму психологии:

1. Можно возразить, что многие люди интересуются убийством , потому что испытывают странную и неоднозначную форму восхищения убийцей. Это верно, но это вопрос неискреннего воображения; убийца смутно отождествляется с бунтарем, авантюристом. Синдж в “Плейбое западного мира” показывает, что происходит, когда такое неаутентичное воображение сталкивается с “реальностью”; оно в ужасе отшатывается, осознавая, что убийство - это результат жестокости. простодушие и глупость, а не творческий бунт.

человек по своей природе целеустремленное существо, у которого развиваются неврозы, когда ему отказывают в целеустремленности. Этот вопрос заслуживает дальнейших комментариев, поскольку “новый экзистенциальный “изм” так глубоко связан с психологией.

Как и следовало ожидать, феноменология подчеркивает “интенциональный” элемент в психических заболеваниях. В одной из ранних работ, в наброске В своей теории эмоций Сартр рассматривал эмоции как попытку “творить чудеса”. Обычно я более или менее могу справиться с проблемами, возникающими в моей жизни. Но если возникает неразрешимая проблема - проблема, которая заставляет меня чувствовать себя совершенно беспомощным, - я обращаю процесс вспять и “трансформирую” свое собственное сознание. Например, если какие-то если на меня направят пистолет, я могу упасть в обморок, как страус,

прячущий голову в песок. Конечно, этот обморок нелогичен. Я в некотором роде принимаю желаемое за действительное, думая, что если я упаду в обморок, стрелок уйдет. Вот почему Сартр называет такую реакцию “магией”, поскольку магия - это тоже принятие желаемого за действительное. Это, конечно, не рефлексивное принятие желаемого за действительное, а спонтанная реакция.

От этого всего один шаг до феноменологического взгляда на психические заболевания как на способ самозащиты. Этот взгляд был исследован такими “экзистенциальными психологами”, как Людвиг Бинсвангер, Медард Босс и Р. Д. Лэйнг. Это помогает объяснить, например, психический срыв такого человека, как Шуман, который все больше чувствует, что его музыке угрожают физические и экономические проблемы, пока он не почувствует, что больше не в состоянии справляться со своим бывшим переживает и впадает в меланхолию. С другой стороны , случай со Стриндбергом является примером успешной “магии”. Его проблемы - в основном по его собственной вине - приводят к развитию у него сложного невроза преследования, при котором он верит , что его постоянно преследуют невидимые враги. Он действительно пишет ряд автобиографических книг, находясь в этом состоянии безумия, а затем - после мистического обращения -

становится более или менее вменяемым, чтобы написать замечательные пьесы своего последнего периода. В отличие от Шумана (который всегда боялся безумия), он не растрачивает свою жизненную силу на самокритику и страх и поэтому никогда не становится врагом самому себе так основательно, как это сделал Шуман.

Взгляды, которые я изложил выше, составляют основу экзистенциальной психиатрии, практикуемой Бинсвангером и Боссом (хотя следует отметить, что она основана на анализе Хайдеггера, а не Сартра). ‘Новый экзистенциализм’, по сути, является углублением этих основ.

Здравомыслящему человеку трудно понять ментальную вселенную безумца. (Отец Джона Стюарта Милля считал, что маньяков можно “вразумить”, избавив их от безумия.) Эта

неспособность в основном обусловлена ложными предположениями о том же самом. Что нас озадачивает, так это то, как кто-то может “безумно” реагировать на нашу нормальную и упорядоченную вселенную. Это просто одна из форм ‘ошибочности пассивного восприятия’. Вселенная кажется упорядоченной, потому что мы неосознанно ограничиваем наше восприятие - то самое ограничение, которое в настоящее время является главным препятствием на пути эволюции человека. Мескалин устраняет этот “фильтр” восприятия и перегружает нас материалом, который мы обычно исключаем.

Таким образом, может показаться, что мы предполагаем , что реакция сумасшедшего на вселенную является “нормальной” , но это было бы неверно. Если бы мы сняли шоры с глаз лошади, у нее вполне мог бы случиться нервный срыв в условиях уличного движения современного города. Водителю лошади не нужны шоры, потому что он обладает большим самоконтролем , более широким пониманием происходящего: короче говоря, большим интеллектом и самодисциплиной. На самом деле нервозность лошади в дорожном движении объясняется главным образом непониманием того, что она делает. склонность к инстинктивным - и совершенно беспочвенным - страхам.

Короче говоря, мы должны отличать “истинное здравомыслие” от здравомыслия близорукости и ограниченности. Истинное здравомыслие — это здравомыслие “водителя”: видеть хаос и быть над ним. Современная психология нуждается в научном исследовании этих областей, находящихся за пределами нормального сознания: исследовать их с помощью лекарств и “нанести на карту” с помощью феноменологического анализа.

В рассказе Сартра “Стена” есть отрывок, который иллюстрирует излагает свою теорию эмоций, и это позволяет нам продвинуться еще на шаг в феноменологию ценностного сознания. мыс. Персонаж “Стены” приговорен к смертной казни в испанской тюрьме. Поскольку он совершенно беспомощен, он позволяет

своему пессимистическому видению стать универсальным. Нравится Экклезиаст, он все обесценивает. Это притча о лисе и винограде, в которой жизнь подобна кислому винограду.

Этот отрывок интересен по двум причинам. Начнем с того, что Сартру, похоже, никогда не приходило в голову задаться вопросом, является ли его собственное пессимистическое видение, развитое в Бытии и Небытие - это не личная “магическая” реакция на мир, в котором он чувствует себя беспомощным. (Важно отметить, что оптимистическая философия Сартра, призывающая к самоотдаче и социальным переменам , зародилась в дни его восхождения к славе, сразу после войны.) Второй момент заключается в том, что ситуацию со Стеной можно рассматривать как символ общей жизненной ситуации.

Герой Сартра, Пабло Иббиета, приговорен к смерти. Все пути к спасению закрыты. Однако это не совсем так. Потому что он действительно спасается, случайно предав товарища. Поэтому можно сказать, что у него все время были основания для надежды. Но надежда стоила бы слишком много жизненной энергии; его общая ‘девальвация жизни’ была проще. Он также мог предпринять невероятные усилия для побега - разработать план, как обезоружить охранника, подкупить чиновника, подпилить решетку камеры… и так далее

на. Но он не хочет жить достаточно долго. Он оценил ситуацию и решил не предпринимать никаких усилий.

Его положение ограничено тюремными стенами и смертью, ожидающей его во дворе. В большинстве повседневных ситуаций ограничивающие факторы не столь очевидны, но они есть. Мы решаем, что стоит делать, проводя своего рода общий обзор Вселенной и нашей собственной индивидуальной жизни. Естественно, главным элементом в этой оценке является реальная физическая реальность. Это окружает нас, как тюрьма; это и есть тюрьма, поскольку мы никогда не можем вырваться за пределы нашего ограниченного поля зрения. (Очевидно , именно по этой причине мы любим широкие виды и великолепие природы; тюремные стены отступают). Существуют также различные угрозы и проблемы, требующие решения: ни одна из них не является столь абсолютной, как смерть; но , с другой стороны, смерть сама

по себе не является абсолютной угрозой, поскольку в определенных случаях ее всегда можно избежать. Поскольку все мы постоянно находимся в ситуации Пабло Иббиеты - или большую часть времени, - мы реагируем более или менее так же, как он: в большей или меньшей степени “обесцениваем” мир. Если бы мы могли однажды осознать это с подлинным пониманием, мы бы мгновенно осознали, до какой степени сознание является интенциональным; это был бы первый и самый важный шаг в направлении творческого феноменологического отношения к нашему собственному существованию.

Такое применение экзистенциальной психологии является не просто подразделением “нового экзистенциализма”; это важная часть его сущности. Ведь “новый экзистенциализм” - это революция в психологии. Это признание того, что обычное различие между здравомыслием и безумием является ложным. Мы все сумасшедшие; разница между Наполеоном и безумцем, который считает себя Наполеоном, заключается в степени, а не в характере; оба они действуют на основе ограниченного набора предположений.

Как только мы осознаем это, мы также осознаем, что “новый

экзистенциализм - это попытка быть по-настоящему “здравомыслящим”. В настоящее время разница между здравомыслящим человеком и маньяком действительно очень мала. Как легко понял Уильям Джеймс, “час” может пробить для любого из нас. Стоит разрушить несколько стен иллюзии, и здравомыслящий человек станет безумцем. Как только мы это поймем, психология встанет на новый, более прочный фундамент.

Но более пристальный взгляд на теорию эмоций Сартра послужит окончательной иллюстрацией разницы в подходах между “старым’ и ‘новым экзистенциализмом’. Оказывается , это

касается самого корня различия между ними.

Описание негативных эмоций Сартром как проекции на первый взгляд кажется достаточно точным. Он лишь утверждает то, что мы уже знаем: эмоциональные реакции являются намеренными. Когда мир “выходит из-под контроля’, Сартр говорит, что мы пытаемся избежать встречи с этим фактом, проецируя на него эмоции - подобно тому, как человек, наступивший на грабли, немедленно оглядывается в поисках виноватого. Если я вижу что-то ужасное - скажем, ужасный несчастный случай на улице, - весь мой “мир” становится ужасным. Может показаться, что в этом нет никакого преимущества, но, по крайней мере, благодаря этому мир кажется “единым целым”, так что несчастный случай перестает быть чем-то иррациональным и исключительным , бросающим вызов моей жизнестойкости; теперь он становится мрачно логичным. Я могу на какое-то время приспособить свое поведение к этой новой мрачной логике и дать времени развеяться впечатлению; таким образом Я снова обретаю контроль над своим миром.

Это рассказ Сартра. Мы можем почувствовать, что есть некоторые в нем есть слабые места, но давайте пока примем это как данность. Теперь возникает вопрос: а как же позитивные эмо что-то вроде радости? Конечно же, это не попытка самообмана (а именно это и есть ‘магия’)? Но Теория Сартра основана на том, чтобы убедить нас в том, что это так.

Он утверждает, что мир всегда сложен и труднопреодолим, это вечный вызов; поэтому, если мы испытываем радость, это сознательная попытка закрыть глаза на реальность. Например, мужчина, который испытывает радость при виде своей любовницы, скрывает от самого себя все негативные сложности их отношений, свое глубинное осознание того, что все мы по сути своей одиноки и по сути своей эгоистичны, и позволяет обманывать себя, создавая ощущение безопасности и счастья. Другими словами, говорит Сартр, поскольку мир никогда не сможет оправдать эмоцию радости, из этого следует, что всякая радость должна быть самообманом.

Нетрудно понять, как Сартр приходит к такому пониманию эмоций. Грэм Грин описал, как в подростковом возрасте он

испытал своего рода эмоциональное истощение, из-за которого весь мир казался бессмысленным; если бы кто-то указал ему на красивую сцену, он признал бы, что она прекрасна, но не смог бы этого почувствовать.

Как только человек привык воспринимать мир как нечто бессмысленное, остается всего один шаг до того, чтобы почувствовать, что наши эмоции - это попытка трансформировать это безразличие, подобно тому, как любящая мать совершенно лишенного слуха сына умудряется разглядеть любовь и привязанность в его безразличии.

Этот аргумент может привести к разрушительным результатам, если его перенести в область поэзии и красоты в целом. Олдос Хаксли уже высказывал аналогичную точку зрения в эссе о Вордсворте “В тропиках”, утверждая, что Вордсворт читал свои пантеоны. погружение в природу, и что ему было бы гораздо труднее , если бы он столкнулся с дикостью природы в тропиках. Если отвергнуть любовь поэта-романтика к прекрасному как проекцию его желаний на равнодушную природу, то разрушается сам фундамент экзистенциализма - ибо я уже указывал, что экзистенциализм - это не более чем развитая форма романтизма.

Давайте рассмотрим сферу секса, поскольку Фрейд также ссылается на концепцию магии, используя слово “фетиш” в этом контексте. На первый взгляд, это только подтверждает аргументы Сартра. Влюбленный крадет носовой платок у девушки, которую он обожает. Он знает, что это всего лишь кусок ваты, но он переносит на него свои эмоции и прижимает его к сердцу. Он использует носовой платок как волшебную замену девушке. Это сразу же поднимает вопрос о том, насколько его отношение к девушке также является проекцией чисто личных эмоций - насколько это похоже на Дон Кихота и Дульсинею. Если он женится на ней, то, конечно, перестанет ощущать эту магическую силу; не является ли это еще одним способом сказать , что это самообман?

Но давайте подойдем к вопросу с другой стороны и применим немного феноменологии. Рассмотрим, прежде всего, поэтическую или творческую эмоцию. Давайте возьмем случай с ученым или математиком, который наткнулся на открытие , открывающее совершенно новую область исследований, мы можем сказать , что его радость - это попытка скрыть от самого себя, что его невежество по-прежнему огромно, но это перевернутый взгляд на ситуацию. Его радость - это радость, которую мы испытываем, когда рушатся препятствия, когда поле нашей свободы резко расширяется.

Единственное, что следует отметить в его радости, - это то, что она сводит его окружение к отрицанию. Если он вообще замечает это, то, по общему признанию, только для того, чтобы выразить свою радость. Но, скорее всего, он не замечает того, что его окружает; его разум сосредоточен на своем внутреннем видении свободы. В той мере, в какой он замечает свое окружение, он склонен воспринимать его по-новому. Его ум не задерживается на них надолго, как это бывает, когда ему скучно или он в депрессии; он порхает над ними быстро, как бабочка, и снова улетает.

То же качество отличает поэтический опыт. Разум парит над объектами и видит их по-новому, как в первый день отпуска. Когда мы читаем Вордсворта

сонет “на Вестминстерском мосту”, и мы не удивляемся , узнав, что он отправлялся в путешествие, когда писал его.

Другими словами, поэтический опыт - это переживание душевной свежести, умственной силы и свободы, с которыми мы также сталкиваемся в случае научных открытий. Ранние романы Герберта Уэллса наполнены волнующим чувством. ощущение, которое является одновременно чувством поэзии и научного энтузиазма. Суть этого переживания в том, что разум парит подобно птице, не поддаваясь гравитационному притяжению ‘обыденности’.

Теперь давайте рассмотрим это притяжение порядка вещей. Если я вырос в окружении, которое ассоциируется у меня со страданиями и болью, мне будет трудно испытывать поэтические

эмоции в этом окружении. Если я окажусь в такой обстановке и получу письмо, в котором сообщается, что мне оставили состояние, моя радость, как правило, будет омрачена обстановкой, хотя, конечно, это также вызовет новые ассоциации с окружающим миром.

Теперь рассмотрим феномен скуки. Давайте предположим, что я устраиваюсь на работу в офис, который кажется мне особенно интересным. очень тоскливый. Первые несколько дней мне удается сохранять рассудок живым благодаря значительным умственным усилиям - и, возможно , благодаря тому, что я прячу томик стихов в ящике своего стола. Но через несколько дней борьба становится невозможной , потому что окружение теперь ассоциируется со скукой дом. Есть еще один фактор, который усиливает эту скуку: мое “забвение о существовании” моего окружения. Первые несколько дней они кажутся мне по меньшей мере странными. Потом они становятся “символами”, я замечаю их лишь смутно. Это означает, что я больше, чем когда-либо, нахожусь во власти своего мысленного образа, который пропитан скукой. Мой ‘автопилот’ завладел моим восприятием. Обычная роль этого ” автопилота” - освобождать мой разум для более важных задач, но

поскольку я обречен на тривиальность, его единственный результат - обречь меня на поражение. Если позволить этой язве скуки въесться в меня достаточно глубоко, она лишит меня всей моей энергии, всего моего творческого восторга, так что даже красивая сцена не вызовет никакого отклика.

Теперь мы видим, что позиция Сартра зависит от его утверждения о том, что видеть мир бессмысленным и иным - значит видеть его “правдиво”, с искажениями или проекциями. тион. На самом деле это базовое и первичное восприятие, предшествующее У ‘магии’ был шанс преобразовать его. Но приведенный выше феноменологический анализ показывает, что, напротив, скука и бессмысленность - это довольно сложный конечный продукт, а вовсе не первичное восприятие. Подобно страданию и боли, скука - это проекция на мое окружение. Это правда, что мое окружение нейтрально. Но если я ощущаю красоту, я не проецирую красоту на свое окружение. Я просто испытываю свою настоящую внутреннюю свободу, которую сложная природа моей реакции на

существование обычно скрывает от меня.

Ошибка Сартра, которую Олдос Хаксли повторяет в своей Эссе Вордсворта - это обращение вспять процессов в восприятии красоты. По общему признанию, поэт способствует возникновению путаницы, заявляя, что холм или озеро прекрасны, как будто красота присуща им самим. Но Кольридж в своей оде “Дежек” исследование (описывающее состояние эмоционального истощения , подобное состоянию Сартра или Грина) недвусмысленно утверждает:

“Я не могу надеяться победить с помощью внешних форм”

Страсть и жизнь, источники которых находятся внутри’ (курсив мой).

Иными словами, неверно, что холм или озеро ‘ красивы’. Поэт видит в них символ внутренней свободы , которую он переживает непосредственно. Если он решит сделать холмы или озера символами этой свободы, то только в надежде, что позже этот символ можно будет использовать для воссоздания самой свободы.

Тот же аргумент, конечно, применим и к сексуальному вопрос. Это правда, что влюбленный ‘проецирует’ эмоции на носовой платок - и на саму девушку. Но он делает это потому, что девушка символизирует для него определенную свободу, определенную самореализацию, определенное богатство и интенсивность существования. Переживание “влюбленности” также имеет эффект, описанный Уильямом Джеймсом, - расширение горизонта фактов, доступных сознанию. Если мы согласимся с Джеймсом в том, что это подлинный “мистический” опыт, а не иллюзия, то увидим, что сартровская критика любви упускает суть.

Основная ошибка теории эмоций Сартра - это та, на которую я уже указывал в связи с Тошнота: представление о том, что такое видение реальности, которая в одно и то же время бессмысленна и “ужасна”, является фундаментальным восприятием истины: что оно каким-то образом непреднамеренно. Это просто плохая феноменология, и она противоречит Утверждение Сартра о том, что всякое восприятие - это восприятие чего-либо, то есть если

только восприятие не было интенсивным в противном случае вы бы вообще ничего не увидели. Дело в том, что восприятие, которое Сартр называет “тошнотой”, интенционализировано негативными эмоциями, такими как страх или поражение. Это не делает его более “глубоким”, чем восприятие, интенционализированное радостью.

Единственный ответ на этот аргумент - заявить, что внутренняя свобода человека - источник радости - это иллюзия, и что на самом деле мы машины. Но Сартр не придерживается этой точки зрения; он настаивает на реальности той внутренней свободы, которая лежит в основе творческого опыта.

Все это должно прояснить, что мысль Сартра - это масса внутренних противоречий. Но я должен пояснить , что цель этой демонстрации не в том, чтобы дискредитировать Сартра, который является одним из самых важных и вдохновляющих мыслителей нашего времени. Цель состоит в том, чтобы продемонстрировать неизбежность “нового экзистенциализма”, показав, что

‘старый пессимистический экзистенциализм’ распадается сам по себе при ближайшем рассмотрении.

“Новый экзистенциализм” признает переживание человеком своей внутренней свободы как основополагающее и непреложное. Наша жизнь состоит из столкновения двух представлений: нашего представления об этой внутренней свободе и нашего представления о непредвиденных обстоятельствах, нашей интуиции свободы и силы и нашего повседневного чувства ограниченности и скуки. Проблему нельзя свести к более простым терминам. “Новый экзистенциализм” концентрирует весь арсенал феноменологического анализа на повседневном чувстве случайности, на проблеме ‘обесценивания жизни’. Этот анализ помогает понять, как дух свободы оказывается в ловушке и разрушается; он раскрывает сложности и средства защиты, в которых свобода рассеивается. Он предлагает ментальные

дисциплины , с помощью которых можно предотвратить растрату свободы впустую.

С практической точки зрения человека можно рассматривать как двойственное существо, постоянно находящееся в состоянии войны с самим собой. Одно из его ” я” - осторожное, ограниченное, материалистичное, привязанное к настоящему. Он прирожденный раб и трус; его кредо - безопасность любой ценой.

Несомненно, человеку повезло, что жизнь так полна сомнений и нестабильности, поскольку это мешает прирожденному трусу одержать победу. Боль и опасности в жизни на нашей стороне. Получив удовольствие и безопасность, прирожденный трус быстро засыпает. Только боль или неудобства удерживают его на ногах. В этом причина парадокса безразличия. порог безразличия.

Второе “я” человека полностью ориентировано на цель и эволюцию. У него есть проблески радости, которая недоступна прирожденному трусу: экстаз власти и свободы. Он знает о страданиях и неуверенности в себе. узы человеческого существования, о слабости и случайностях.

Но он в них не верит, поскольку уверен, что свобода - это абсолютная сила. Он знает, что человек подвержен боли и страданиям только в той мере, в какой он позволяет себе быть во власти труса, и что большинство человеческих несчастий - это другое название глупости и жалости к себе. Следовательно, он склонен подозревать, что даже смерть может быть замаскированной формой самоубийства и что человеческая случайность окажется иллюзией в свете абсолютной свободы. Короче говоря, он абсолютный оптимист и искатель приключений; он не может поверить, что человеческий разум, движимый человеческой волей к свободе, когда-либо сможет противостоять непреодолимым препятствиям.

Такое видение человека является результатом не романтического принятия желаемого за действительное, а самого строгого феноменологического анализа. логический анализ.

Сартр и Хайдеггер ошибаются; это неправда, что из ‘человеческой дилеммы” “нет выхода”. Есть очень четко обозначенный выход. Любой человек, который может это увидеть и способен сделать

выбор, которого требует озарение, уже сделал первый шаг на новом этапе эволюции человечества

.